ГИПЕРБОРЕЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ №2(3)

«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

2020

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ГИПЕРБОРЕЙ

№2(3)

Издаётся с 2019 года

100 лет
ТЮМЕНСКИЙ
ДОМ ПЕЧАТИ
ул. Осипенко, 81
+7 3452 56 56 50
АО «Тюменский дом печати»
Тюмень
2020

УДК 82
ББК 84
Г50

ГИПЕРБОРЕЙ: Литературно-художественный альманах.
Куратор издательского проекта: Сопредседатель Правления Союза российских писателей Н.М. Шамсутдинов. Тюмень: АО «Тюменский дом печати», 2020. – № 2(3). – 320с.

Издано при финансовой поддержке авторского коллектива и техническом содействии Союза российских писателей

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках третий номер литературно-художественного альманаха «Гиперборей», орган издания Тюменского отделения Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей», которая объединяет писателей трёх субъектов Российской Федерации: Тюменской области, ХМАО–Югры, ЯНАО в одно единое писательское сообщество. Настоящий альманах издан по многочисленным просьбам читателей и библиотек родного края и посвящён знаменательному событию: 90-летнему юбилею наших автономных округов.

В своих произведениях авторы сердечно поверяют читателю воспоминания о трудовых буднях на нашей знаменитой, легендарной Тюменщине, призывая к защите любимой ими северной природы, рассказывают о человеческой любви и жизни с особой нежностью и тонкой иронией…

ISBN 978-5-87591-313-6
ISBN 978-5-87591-323-5

Возрастная категория: 14+
(в соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ)

© Тюменская межрегиональная организация
«Союз российских писателей», 2020

ЭКОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

эссе

Экология. Этот термин впервые употребил немецкий биолог Э. Геккель еще во второй половине 19 века. В дословном переводе экология – «наука о доме, о родине», наука о взаимодействии живых организмов между собой и со средой, изучаемом разными науками: биологией, химией, астрономией, космологией, математикой и философией.

Экология – главное богатство любой страны. Но почему всё чаще звучит сегодня тревожное словосочетание «экологические проблемы»? Не означает ли это, что у нашего общего дома, то есть у нашей матери-природы, появились проблемы? Почему человек губит её?

Природа даёт воздух, которым мы дышим, воду, которую мы пьём, солнце, которое даёт всему жизнь, одежду, еду, жизненные силы… Общаясь с природой, человек способен нравственно возродиться.

А что даёт человек природе? Что мы наблюдаем в XXI веке?

Природа сегодня нуждается в защите. Именно человек, его преступная деятельность являются причиной её гибели.

Выкачиваются миллиарды тонн нефти, природного газа и других полезных ископаемых. Леса ещё шумят на Урале, и тайга кажется бескрайней в Сибири, на Дальнем Востоке. Но всё чаще полыхают таёжные пожары! А, значит, ведь всё это не вечно!

Заводы и фабрики ежедневно выпускают миллионы тонн опасных для жизни веществ (расширяются озоновые дыры). Реки, озёра и моря стали жертвой ядовитых отходов. Нерациональное использование водных ресурсов приводит к обмелению и высыханию рек, озер и даже морей. Обмелело, почти пересохло Аральское море (Арал). Что станет с Байкалом? Продолжают исчезать некоторые породы птиц, рыб, животных. Уже «стонет» Тихий океан!

Учёные всего мира говорят о том, что большой город сможет восстановиться не менее чем через 50 лет, если перестанут ездить машины и функционировать заводы. После взрыва АЭС требуется примерно столько же времени. Вспомним Чернобыль. Радиационное заражение ещё присутствует...

За последние два столетия исчезло более двухсот видов млекопитающих. Каждый год – по одному виду! Так можно легко подсчитать, через сколько лет исчезнет и последний из видов млекопитающих – человек. Если экология загрязнена, возникают болезни, которых раньше не было, и это сказывается негативно на генофонде страны. Сколько жизней ещё унесёт вирус COVID-19?

Решить экологические проблемы только усилиями одних экологов невозможно. Нужно, чтобы каждый человек начал с себя! Прежде всего, нужно изжить в себе человека-потребителя.

Пришло время подумать: удастся ли нашим потомкам насладиться глотком чистой воды, ароматом рощ и полей, пением птиц, увидят ли дети васильки и одуванчики наяву, а не на картинках? Ответить на этот вопрос должен каждый уже сегодня!

А как ответить? Что может сделать каждый из нас?

А давайте – начнём с малого. Видишь: кто-то сломал дерево – посади хотя бы малый кустик взамен. Заилился ручеек – почисти, освободи дорогу чистой студёной воде. Пташку с повреждённым крылом углядел в траве – окажи помощь – к тебе твоё здоровье вернётся: связано всё в природе цепью единой. А если словом владеешь, воспой красоту природы и человека, если он с сыновней любовью относится к ней, – добрым уроком его поступок для других станет. Быть может, кто-то думает: в природе вечно идёт борьба за существование – сильнейший выживет и без помощи человека! Но ведь это не так – не бывает большого без малого...

Родная природа дарит человеку и здоровье, и вдохновение, и отдохновение от тяжёлых трудов. Она учит нас любить!

Но она страшна бывает Божьим гневом, если человек забыл о своём истинном назначении: быть «венцом» природы. А потому, как старший брат, отец, как любящая мать, обязан человек природу защищать. Вот тогда и сами мы на Земле сохранимся!

Нина Лексина,
член ТОО «Союз российских писателей»,
член Международного Союза писателей СА,
педагог, Нижневартовск, ХМАО-Югра

ПОЭТИКА
Николая ШАМСУТДИНОВА*:*

Советский и российский писатель родился на полуострове Ямал 26 августа 1949. С 1994 года - более четверти века председатель Правления Тюменского межрегионального отделения Союза российских писателей, объединяющего литераторов трёх субъектов РФ: Тюменской области, ХМАО-Югры и ЯНАО в единое писательское сообщество.

Лауреат многочисленных международных и отечественных премий, в частности: Общенациональной премии им. А.М. Горького, Премии имени М .А. Волошина, «Золотое перо», Золотая медаль Фестиваля «ЛиФФт» (Россия), Всеканадского литконкурса «Взрослые – детям» (Канада), «За выдающиеся открытия и развитие новых эстетических принципов в литературе» (Германия), премии им. Нобелевского лауреата Генриха Бёлля «За выдающиеся достижения в литературе и общественной деятельности» (Германия), дважды «Бриллиантовый Дюк» премии им. де Ришелье в номинации «Книга мира» за книгу «Пир для интерпретаторов» и за цикл стихов о Франции (Франкфурт-на-Майне – Одесса), Гран-при премии им. А.Г. Сниткиной-Достоевской за цикл стихов о сподвижнице творца (Монреаль – Нью-Йорк).

Автор 52 поэтических книг, около 400 публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

* * *

Нет, я не Пушкин, я – другой
поэт, стреножен карантином:
и ни пирушки огневой,
и не наведаться к феминам...

По преходящему скорбя,
не исключают пораженья:
чем горше правда бытия –
исповедальней откровенья:

ввергая в безысходность, в страх,
надсадней помыкая нами,
царит смятение в умах,
ползущее материками...

Неужто не про нас Парнас?
Но, засупонен чёрствым бытом,
зовёт хозяина Пегас
и бьёт лирическим копытом...

Многоголосый, как клавир,
весь – воплощенье пантеизма,
живодарящ подлунный мир
под оптикою оптимизма.

В укор злокозненной весне –
неиссякаемее просинь,
ведь в прослезившемся окне
мерцает Болдинская осень...

2020

* * *

В ночь, сосредоточенней суровое бденье
за Тацитом, претором, ведь, искони
наставник рефлексий, самозаточенье –
самоистязанью (?) сродни... Эти дни
не топят в фиале, клонясь к пасторали:
с броженьем замшелых коллизий на дне,
самозаточенье в фиале – едва ли
из фабул, играющих автором… Вне
и смысла, и логики, но, в назиданье,
из памяти сущего выставлен, стар
сатирам и нимфам (?), своё дарованье
всё чаще приносишь забвению в дар.
Так, въявь безразличие масс постигая,
при тех же феминах, зовущих под зонт,
душа забывает себя, простирая
своё обаяние за горизонт...

Язвительна в сухости, невозмутимость
диктует едва ль в эмпиреях парить,

ведь взращивает в каждом необходимость
наследственной совестливости: не слыть –
быть, не поступаясь достоинством. Бденье
за Тацитом, претором, славный итог,
одухотворяет самозаточенье
в «Анналах» историка, для диалог
с его диалектикой, ибо в обильной
на козни реальности – бдение есть
самозаточение в жизни, двужильной
уже по природе, чьих сюрпризов не счесть,
ведь, что в ней, с отлётом иллюзий, ни чают,
она, аскетизма духовного вне,
есть пир интонаций, что ум помрачают
своей интуицией, чьи интонации не –
повторимы…

2020

КОНФИДЕНТ ГЕКУБЫ

(поэма)

1

Взвинчен,
словно спидометр, ртутью – под солнцепёк,
Обморочный барометр судорогой подтёк…
Ч т о в толчее скоромной, в образ дождя войдя,
Видишь ты, подъяремный пасынок бытия?
Зной, поразив, как выстрел, бьёт, и – прицельно, чтоб
Ты оценил, филистер, яркость удара – в лоб:
Милости к падшим (знаю…) не призывая, – вот! –
Жизнь, посвежев, – чужая и подминая, прёт
По обречённо вбитым в недоуменье. Тёрт,
Метит её копытом, в каверзах сведущ, чёрт.
Что ворожит ей немо, как тут ни прекословь,
Глухонемая немочь, что отравила кровь?
Разве, теснясь, впервые и не жалея слов,
Прут к миражам слепые поводыри слепцов?

Есть ли у тени память? Видимо, всё же есть…
В сущем, мой друг, бедламе, кровь обратив во взвесь,
Полымя! Непреклонно, в сполохах испокон,
Солнце – ленивых клонов клонит в песчаный сон.
Будь терпелив и стоек в чёртовы эти дни,
Ибо они не стоят ни вдохновенья, ни
Горечи. Подневолен воле и отслужив
Чаяньям, будь доволен что, своенравный, – жив!
И аутизм нисходит, доводами кропя:
Все, потеряв, находят только в себе – себя…

2

Как конфидент Гекубы, в недрах карандаша
Сходит душа на убыль, комплексами глуша
Голос природы. В бремя всем нам, чьи дни – пусты,
Тем беспробудней время, чем прямодушней – ты,
В горечи, встав с рассветом… Всё это – неспроста,
Ведь, с нищетой – дуэтом, тщательнее тщета
В выборе предысторий к будущему. Темно,
Даром что аллегорий небо, знобя, полно.
От недомолвок – тесно… Сущему – поперёк,
Ржавый подтёк подтекста ровно в мозги затёк.
С мором в миропорядке (что подтверждал Руссо…),
Глубже – морщины, складки, спёкшиеся в лицо
«Заимодавца»… Автор, хаос творя с утра,
Желчнее, узурпатор вспыльчивого пера.
Бычится он, вбирая мерный накат стихов,
Длящихся – пробирая лоха до потрохов.
В пасынках от рожденья, реже – наоборот,
С жизнью на пораженье, простосердечен – тот,
Хуку подставив челюсть и задавив испуг,
Как ни лютует челядь выблядков да хапуг.
В бестолочи без правил, в том, что и есть – судьба,
Бал, оголтела, правит каменная алчба.
Только над явью бледной, в помыслы уводя,
Небо живёт – победной бедностью соловья…

3
Словно к родному лону, вне суеты людской,
В сумерках к аквилону тянет припасть щекой,
Ведь, серебрист, как литий, но – мастодонт на вид,
К ветру привит, Овидий лодку смолит, привит
К домыслам сим… Сумбурна, но – в самый раз вполне,
Рыбная юшка бурно булькает на огне.
С верной косушкой к юшке, как праотец, босой –
Роком сводим к ракушке, хрустнувшей под стопой.
Зыбь, что по Вышней воле множится на воде…
Просверки зоркой соли явственней в бороде,
Не иссякая. Вправе на мадригал, волна,
Вдруг набежав на гравий, шлёпает воркуна.
И, ворохнувшись втайне, внятное голытьбе,
Бодро его ворчанье отозвалось в тебе,
Ведь не за т е м пределом ты, в седине, знаком,
Паузу для, со спелым, выпуклым матерком.
Море… земля… – основа, ты имена им дал…
С мифом на сколе слова, жёстко, словно в отвал,
Ссыпан ты в чистом виде осыпью грустных лет,
Памятью о Тавриде, словно голыш, прогрет.
Помня пригляд Аида, но – утвердив своё,
Неутолим, без гида ты познавал её,
Ибо, элементарна, где б ни пригрелся тлен,
Тьма, уходя, – бездарна, свет – ис-ку-пи-те-лен…

4
Необратимей сепсис дикорастущих дней,
Тем экстатичней скепсис в сей наготе своей…
И, не вмещаясь в танку, на сокровенный взгляд, –
Вывернут наизнанку, мир, обращаем в ад,
Дышит дерьмом – не хлебом, скопище пустоты…
Но под насущным небом, что обессмертишь ты.
Не торопи мгновенья, ровно бирюк, ревнив
К логике притяженья жанра, которым жив.
В сухости интонаций и возвышаем до

Лёгкости дефиниций под золотые «сто»,
В пыльнике, пленник лени, пылкий – когда поддаст,
В горнем горенье, гений кухонки – не отдаст
Сетованьям, сомненьям нытика в ремесле…
По еженощным бденьям с музой навеселе,
Чьи чресла пышут домной, – образов мошкара;
Всё это, вне заёмной зауми школяра,
Складывается в повесть. Слёзы, влюблённость, боль
Всасываются в совесть, определяя соль –
Весь ригоризм мужчины, что оживляющ… А
Складки, брюшко, морщины? – времени мишура.
С холодом на седмицу, мир из пустот лепя,
Не закрывай страницу – чтобы открыть себя
В птице над белой Ниццей, в Альпах – накоротке
С вечностью в чаровнице, спящей в черновике.

5

…ибо, как ни ломало в жизни, не смей стенать!..
Мужество исчерпало доводы? Что отдать
Прошлому? Кабы ведать… Видно, осатанев,
Память даёт отведать гибель иллюзий, гнев,
Но – на себя… Наивный, жил непреклонным «я»,
Явственней тем – зазывный холод заб-ве-ния:
С ним неизменно вкупе, тёмных, глухих корней,
Чернь обращает в жупел – Бродского, чтоб верней
Выбить в подмётном раже дух из строптивца… Ла-
сково блея, та же чернь, оборзев, звала
Пушкина – эпигоном Байрона. Не сюрприз…
Низость глядит бурбоном – сверху, спесива, вниз.
В пасквилях откровенных, это – не демонизм
Демоса в лицемерных лозунгах, а нарциссизм
Сволочи, тороватой и на скулёж, и ложь,
Буднично вороватой в плутнях своих. И, что ж,
Он, как кошмар, предметен, мир в клевете топя,
Сворой доносов, сплетен, спущенных на тебя…
Сутью в пустом народце, с остервенелым «фас!»,

Дикость золоторотцев – экзаменует нас.
Дружным, надсадным ором, злобою сплочена,
Нежить берёт измором, но, далеко-о видна,
С мощью плодоношенья, что неизменно в срок,
В свальном том поношенье – слава берёт исток…

6
Не поверяя хворям сетований, урок
Чей – релятивен, вторим стойким примерам… Впрок
Рою их из-под спуда, что оживлён всегда,
Мерно из н и о т к у д а следуют в н и к у д а,
Ибо, как извлеченье из мешанины в нас,
Следуют злоключенья плюс мимикрия, раз
Непостоянней зло-по-лу-чи-е, лучший друг,
Как ни бурлит Европа, заполучив в свой круг.
Сущему став обузой, ёрник и книгочей,
С очерёдною музой в дерзком бикини, чей
Бюст капитальней сейфа… Странствиями творим,
Ты возвращён из дрейфа по простыням чужим.
К скопищу аллегорий, с Плинием натощак,
Резче в ноздрях цикорий,… образы гуще… – так
Пестуют не удачу, с нимфой кураж деля,
А пофигизм как сдачу особи с бытия
Найденного в капусте… Не ширпотреб, спустя
Сумерки захолустья, мифам его, не льстя,
Данное новизною – в в е т х о с т и волевой,
Прошлое мстит герою лепкою лицевой
Конкистадора… Впрочем, взвинченные едва ль,
Что мы себе ни прочим, истово смотрим вдаль,
Где по ночам подмётным, в самую суть вводя,
Жёсткость всё не даёт нам выпасть из бытия…

7
Ветер взвинтил ненастье, тянущее своё…
При соучастье, счастья сумрачней бытие,
Чтобы взбодрить стаканы пылким бордо, и не–

выплаканные Канны всхлипнут в тебе, зане
Нас прибывает бытом к грешной земле… Любой
Остервенеет, пытан косною новизной,
Коль говорящий с миром зла и корысти на
Разных наречьях – сирым так и остался. А
Слово, душеприказчик вечности, вот! а не
Тёмных тенёт образчик, пылкое, – не в цене?
Вещая увертюра к жизни симфоний, дар
Духа, литература – «неходовой товар»?
В честном и одиноком, горечь горит в тебе:
Именно о высоком не втолковать толпе…
Косное поголовье амбициозней: на
Празднике празднословья – новые имена
С наглостью и алчбою. И, отводя глаза,
Явь, погорев с тобою, не успевает за
Снами ночного сонма, руганью парвеню,
Чьё дарованье – скромно… Как спозаранку, с «ню»,
Море кипит, прямая проекция голыша!
С ним – о-до-маш-нен-на-я режет скорбит душа,
Ибо кочевник вправе, не порицая, на
Норов его – без правил в розные времена…

8

Индифферентный флюгер в штиль, присмирев, молчит…
На молодой фелюге, словно примат, небрит,
Двинутый залежалой, затхлою тишиной,
И не заснёшь, пожалуй. Наедине с ночной
Музыкой за душою, муза безмолвья – дар
Фатума… Той шкалою вышколенный школяр
Ближе над бездной вечной, Аргус, а не Орфей,
Став, возмужав, сердечной чуткой мембраной сей
Жизни – что половодье. Грёзы (грозя смести…)
Либо грешки, отродья отрочества, – в пути
К той, чья тоска почата, ибо, вернув кольцо,
Холодом за-пе-ча-та-но матовое лицо…
С хлопаньем шкота с рейда, громче скрипит артрит,

Тем, подголосок Фрейда, чаще ворчит гастрит,
Дряхлому блоку вторя. В милостях тяжело,
На подъяремных, в хворях, – время срывает зло,
Чаще – зима зимою… Прошлое в прах дробя,
Нужно порвать с собою, чтобы – найти себя.
С бездной кромешной схожий, тягой иных небес
(Мощно ветвясь под кожей) жив кровеносный лес…
Флюгер, интерпретатор, – громче, поймав свежак.
Темный иллюминатор ночь погружает в мрак –
Полузадавлен шторой, свет за окном угас,
Словно бы жизнь, которой не было у нас…

2010

ГЕНЕЗИС

...Я, остроглаз и строптив, выпестован Бореем…
Мать моя древних индийских кровей или
чистых, казанских? Гиперборею
Случай ли ей приоткрыл,
                ревматический перст судьбы ли?
За полночь я открываю тетрадь: вьюга вторит
Скрипу пера, наставляя размеренный слог мой,
Выстудив нищую, горькую горсть факторий
На ледяном побережье.

Простясь с Олекмой,
Шквал, увлекающий снег, вызволяет птицу
Из ледяной юдоли, где ночью длинной,
Грустно бренча бубенцами, через страницу
Медленной тянется до-олгий обоз с пушниной…
Память пространства… Опалена войною,
Матушка лет двадцати, на оленьих нартах,
Молча вмерзает в сюжет кочевой, за спиною
Спит карабин…
На стратегических картах
Тщетно искать этот маршрут… В голодном

Небе – выплеск сиянья полярного.
Чтимый
Лукавоглазой фортуной, Джек Лондон
Благословляет цинготный пейзаж – незримый…
Я прополоскан в диких ветрах, рожденный
В сорок девятом году, в приполярной тундре:
Нищ горизонт, безвыходно загромождённый
Да-альними лагерями.

Крупкой припудрен,
Первым взбодрён морозцем – мой час рожденья,
Вот наважденье…
А за проливом (рядом?) –
Люди, вмораживаемые в забвенье,
Смирные буквицы…
Но, инфернальным взглядом,
Вперясь, слепит прожектор и в снег, и в заметь
И разъедает, волчий, сознание… Детство
Не замедляй свой шаг здесь – не та эта память
Чтобы душою возле нее согреться.
Ночь за проливом помаргивает кострами,
«Зэки…», – сосед кивает… Огни уснули
И просочились в забвенье. Но теми огнями
Обожжено подсознанье.
И не потому ли
Лагерным льдом, что на лице не тает
От тайных слёз, а оседает в душу,
Стужей её наливая, – и обмерзают
Строки мои…

«Колючка» торчит наружу –
Цепким загоном для правых и виноватых,
Страшным Законом…
А слово, что Кафкой дышит,
Слышит ли дед мой, указный мулла, в тридцатых
Лиха хлебнувший?

А, мыкавший долю, слышит
Бедный отец мой, качавший меня на ладони? –
Ведь боевой офицер, Гейне знаток и Глинки,
Выйдя из преисподней на Волго-Доне
(Смерть близорука…), в сибирском он спит суглинке.
Что его смерть, как и жизнь его, – для мирозданья?
Но, остроглаз и кудряв, давший мне имя,
Мною продлён он, недаром его страданья
Протяжены, ведь исхода им нет,– моими…

Как у него, у отца, и мой слух отравлен:
Полночью скрипнет дергач, а мнится – засовы,
Ржавая жалоба…
Я с колыбели ограблен –
(Неумолимое время) – на слово отцово.
Мысли о смерти скукожились…
Ночью – морозы
Стройно оцепеневают в округе. Втуне
Ветер слепит меня, ведь и нежданные слёзы
С щёк обмороженных
взять и смахнуть невмоготу мне…

1988

ПОКОРИТЕЛЬ

Песец нада. Рыбка нада. Хорошо будем платить. Спирт есть. Водка есть. Нада песец. Шкурка два-три…
Альфред Гольд, «Полярные встречи»

Взревел мотор… Ознобно лязгнув, траки
Застыли за стеною… Визг собаки
В сознанье впился… Подминая шум,
Лицо, задёрнув беглою улыбкой,
Целенаправлен:
«Есть песец? Есть рыбка?» –
Он – входит в чум.

Он, вскормленник прогресса, покоритель,
Точнее – тривиальный потребитель,
По жизни, как по кроткой тундре, – прёт,
Здоровьем пышет, оптимизмом дышит,
В одном не сомневаясь: «Тундра спишет…»,
А коли так, – нахрапистей берёт…
Дорогою, в ложке заметив лося,
Рванувши рычаги, с азартной злостью
Он бросил вездеход за лосем – вслед,
Хоть знал, кромсая ягельник и травы,
Что гусеничный, страшный след потравы
Залижет тундра – через тридцать лет.
Он бровью не повёл, втянув под траки
Комочек всполошенной куропатки,
Её – пушком над тундрой размело.
…Он входит в чум: «Давай песец и рыбка!» –
Бессильна заскорузлая улыбка
Скрыть алчное, вспотевшее мурло.

Но, сединою прорастая в вечер,
Хозяин поднимается навстречу,
Как будто тундру заслонив собой,
Весь – в пляшущих, багряных бликах, смуглый,
Готовит чай, помешивая угли, –
Согбенная, в спине мигает боль.
Старик мой таганок с огня снимает,
По кружкам чай неспешно разливает,
Обдумывая вечное, своё…
И в каждом жесте проступает мудро
Достоинство, воспитанное тундрой,
Эпическим величием её.
Всё, чем богата строгая природа,
Здесь воплотилось генотипом рода
Охотников, табунщиков… Они,
Сознанием объемля мирозданье
Как вечное пространство для касланья,

До моря – пронесли огни свои.
Всё сдюжили, умея притерпеться
К морозам и нужде, не тратя сердце
На злобу и корысть… В снегах седых,
Учились не смиренью, а – терпенью,
И прочно уложились в поколеньях
Их убежденья и заветы их.
Став частью величавого пространства,
Старик вобрал его в себя, пристрастно
От шкурников храня, в конце концов….

И он глядит с презрением и болью,
Как пляшет перед ним, в поту,
Чужое,
Ограбленное жадностью лицо.
Глядит… Понять ли прохиндея хочет? –
Хотя всё чаще, чаще сердце ропщет,
Ведь с каждою потравою спеклось…
И алчное: «Давай песец и рыбка!..»,
Размывшее фальшивую улыбку,
Молчаньем в старике отозвалось…
И данник мелкотравчатой страстишки
Запнулся вдруг и понял, что он – лишний
В великой тундре, где комар поёт,
Где землю – берегут, каслают, строят,
И он, ничтожней комара, не стоит
Внимания и чуткости её…

1984

ТРЕТЬЯКОВ

1
С голубизной кромешной споря,
Распадным золотом горят
Тяжёлокованные зори
В студёных недрах декабря…

Дневные тени тяжелеют,
И, в назревающей ночи,
Смиренно, вздох тая, белеют
Берестяные люльки… Чьи? –
В них спят без просыпа. Годами,
В брожении шишиг лесных,
Качаются под облаками
Останки кладбищ родовых.

Столетьями торили предки
Дорогу в хмурую тайгу,
Поныне – дряхлые запреты
Путь к их погостам берегут.
В тяжелых чащах, где замшелы
Законы хвойной тишины,
На жизнь пришельца – самострелы
Ревниво насторожены.
Будь осторожен! – в чаще мглистой
Опасность дремлет, и, едва
Заденешь жилку, – смерть со свистом
Метнёт из мрака тетива.
Но и предание сомлело,
И, встарь впрессованный в слова,
Страх истлевает – как истлела
Всевидящая тетива…
И – пришлый люд обрел свободу…
Да разве, велики дела,
Страшна стальному вездеходу –
Реликт романтики – стрела?
Болото из-под траков хлещет –
В миру зверей, дерев и трав,
Он гусеницами скрежещет,
В небытие осинник вмяв.

2
Мягко теплится вздох коровы,
Дом покоем объят… Заплот…

В тёмном погребе Третьякова
Влит сохатый – в матёрый лёд,
И картошка дородней брюквы,
На боку – так грузна! – лежит,
Лупоглаза, таращится клюква
Из кадушки…

Он крепко сшит
И удачлив, хозяин, – скука
Не гостила в его дому.
Что хвороба ему?! – а ну-ка,
Одолей его! Ко всему,
Он, несытой душой продрогнув,
Просквозил вездеходом лес
И нащупал в тайге дорогу
К тайным капищам: алчный блеск
Тёмный взор застеклил – мерцая,
Словно бы забирая в плен,
Искушением отливая,
Чернобурки текли со стен,
Цепко соболь слепил, развёрнут,
Как порочный цветок, топя
Руки в мягком тепле, продёрнут
Через душу… Уйдя в себя,
Отливая мерцаньем льдистым,
Словно вмяты в глубокий сон, –
В золотом забытьи – мониста
Ещё царских рублей…

И он
Рвал руками – как рвут зубами,
Задыхаясь… (морозец жёг…),
И счастливо тучнел, мехами
Сытым звоном давясь, мешок.

Возвращался назад – с добычей!
Промелькнули проселок, гать…

Суть прогоркла – дремуч обычай
Навалиться, урвать, отнять,
Хоть и с кровью!

А за спиною,
В тесном кузове, невесом,
Мёртвый в малице – под луною
Восковым голубел лицом.
А машина тайгу месила,
Мёртвой силою налита, –
И ломало *т о г о,* и било
О скрежещущие борта.
У шоссейки, где столбик дремлет,
Третьяков, круто сбросив газ,
Спрыгнул с гусеницы на землю,
Борт откинул и грубо – «Ща-ас…» –
Обхватил страшный груз и ловко
Наземь выволок, прислонил
Прямо к столбику и верёвкой,
Чтоб не шлёпнулся, – прихватил.
Влез в кабину…
Блеснули траки
Под луной, как клыки собаки…
Грохот дизеля… Чадный зной…
И – растаял мертвец во мраке
С голосующею рукой.

Фары полночь вспороли… Грузно,
У фигурки качнувшись, встал
Жаром пышущий, крутопузый,
В тёмной копоти, самосвал.
И шофер, торопя – «Живее!» –
Брякнул дверцей, но – увидал
В лунном мороке, цепенея,
Это мёртвый слепой оскал…
И – рванул исступлённо дверцу,
Мутно путаясь в рычагах, –

Так зашлось заполошно сердце,
Что багровая тьма в глазах….
И – умчался… А фары снова
Прошивали лесную ночь,
Прожигая мрак, – и любого
Ужас гнал, изнуряя, прочь.
И мертвец в спину им смеялся,
Восковым голубел лицом…
И наутро гудела трасса,
Небылицы плодя, о нём.
В них – запальчивых, грубых, вздорных, –
Меньше яви, да больше слов.

Но, усмешкой лицо задернув,
Чем-то мучился Третьяков.
Отмахавши ночную смену,
Он в раздумиях увязал,
Ибо знал этим слухам цену
И себе – тоже цену знал.
…Вновь разматывала дорога
Свой грохочущий свиток, и всё ж
Дрогла в тёмных глазах тревога
И в руках просыпалась дрожь.
Чтоб отхлынуло, отпустило,
Он присел у речной воды.
Но отчаянней боль скулила –
Не предчувствие ли беды?

И вот тут-то, под вечер, в раму
Тихо стукнули – опаля,
В сердце торкнулась телеграмма:
«…Папа умер… сынок…», земля,
Во смятённой траве, – рванулась,
Запрокинувшись, из-под ног,
И багровая тьма сомкнулась
Над душой, – «…приезжай… сынок…».
…Потянуло с болот – зимою,

И, оплавлено забытьем,
Не отцово лицо – чужое
Нарывало испугом в нём.
И ползли, пламенея, траки
На промозглый оскал – с лица
Голосующего во мраке,
Осквернённого мертвеца.
В изнуряющей круговерти,
Он прошёл, Третьяков, огнём
По кольцу бытия и смерти.
Разомкнувшемуся на нём.
Воспалённую память мучил,
Но не выполз из забытья,
Обревевшееся созвучье
Воплощая: *СУДЬБА – СУДЬЯ.*
Пусть жестоко, но – в наказанье,
Вмят морщинами страшный след
Позатмившегося сознанья,
Горько вписываясь в сюжет…

3
Река струится мысли вороша…
Высокий дом… заплот… скамья… старуха…
Что ищет в них смятённая душа –
До полного изнеможенья духа?
Прозрачный день – обмакнут в листопад,
Напоена заря медовой ленью,
И листья, обжигающие взгляд,
Неслышно опадают в размышленья…
Что, горькая старуха, жизнь твоя?
Юдоль какую выбрала дорогу?
Не уходя за грань небытия,
Ты всё молитвы обращаешь к Богу…
Здесь в обиход щемящий включены
Твои молитвы, слёзы – всё едино,
И, кажется – вокруг растворены

Последний вздох,
                последний возглас сына.
Судьба набрякла болью, и едва ль
Поймёшь её, если судить поспешно…
И лето на излёте, там, где даль,
За холмиком согбенным, безутешна.
И эти дни неслышно облетят…
Старуха, что же все-таки страшнее,
Чем пережить, помин творя, дитя
И дни влачить, душою цепенея?

Воспоминаний призрачны права…
На холмике, превозмогая тленье,
Давно себя осмыслила трава,
Покалывая память, продолженьем
Его – не претворённых в благо – сил,
Которых и распад не загасил…

1988

ВЫБРАКОВКА

Допит чай… Выползаем из чума… Всё туже
Жадный вздох на морозе – конец января…
И слова куржаком обмерзают, на стуже,
Тускло в хмарь вымерзает спитая заря.
В ноги нам – заполошная рыжая сука,
Но, пинком отшвырнув её, и ничего,
Бригадир улыбается – дряблая скука
Отпускает, похмельная, злая, – его.
Он от водки обрюзг, матерой, и от лени,
Но сегодня он трезв, точно ягель, – закон:
Кровь – ядрёней и злее вина, и олени
Ещё с вечера загнаны в крепкий загон
И глядят обречённо… Загонщики хмуры:
«Эка рухлядь…» – отчётливы, точно узлы,
Прободавшись сквозь полуистлевшие шкуры,

Отливают тоскливым бессильем – мослы.
Я гляжу на понурых оленей, неловко
Привалившись к оградке, насуплен и сир.
И, поймав мой страдальческий взгляд: «Выбраковка…» –
Затоптав сигарету, басит бригадир.
Обречённые – сгрудились… Кто ж будет первым?
А забойщик тынзян поднимает, румян,
И быка, полоснув по напрягшимся нервам,
Вырывает из сжавшейся кучки – аркан.
ощ и немощен, жилы канатами вздулись,
Бык, в затоптанный снег упираясь, дрожит…
Но уже, узкоглазые, переглянулись,
Заскучавшие, перемигнулись ножи.
Взмах! – и, непререкаемой стали послушный,
Оседает олень в бурый снег. Не дыша,
Я гляжу, как щемящею струйкой тщедушной
Истекает звериная жизнь… И, спеша,
Бригадир свой тынзян поднимает. Злей стужа,
В отупенье и боль оседают быки,
Утопая в крови и бессилии… Ужас
Застеклил, багровея, оленьи зрачки.
Подмывая дрожащее сердце, кругами
Он по тундре расходится – сумерки для,
И плотней ощущение, будто под нами
Содрогнулась в предсмертном ознобе земля.
Гуще гам, и смертельные краски прогоркли,
Каждый атом кромешною стужею сжат…
Наливаюсь ознобом, как будто бы в горле
Я уже ощутил длинный холод ножа.
И как будто предсмертному зренью открыты –
До зевоты зачитанный день, океан,
Подпирающий мыс, и поселок, зарытый
До обветренных, слипшихся окон – в туман…
Так весом этот мир и на вкус, и на плотность,
Так любим он прощальной тоскою, что я
Всей глубинною болью – вдохнул мимолетность

Бытия, избиваемого бытия,
Словно сам убиваем… Но что же я знаю,
Чтоб судить о затравленной жизни? «Себе
Верь, – угрюм, говорю я, в раздумья вмерзая, –
Но не верь, – говорю я, – неверной судьбе!
Она скажет своё, что б с тобою ни сталось,
Опалённым лицом – вдруг к себе развернёт…
Что ответишь ты ей, когда вымоет старость
Дух и силы твои и в забвенье столкнёт,
Как вот этих оленей? Никто не ответит…
Вдруг – внезапная слабость нахлынет, слепя,
И размоет, и дети твои не заметят,
Как из памяти – вымоет время тебя,
Словно этих оленей…».
Печальной зимою
Скучно тащится тень по сугробам за мной…
Огрызаются вяло ножи – за спиною,
Выдыхаясь, полуденный гаснет забой.
Выцвел гам… Ближе сумерки… Мутным весельем
Бригадир, взбудоражен и розов, налит
И, быков горяча, – нарты, крякнув, просели –
Он с горячею сводкой в поселок пылит.
Тлеют лица – в навстречу подавшихся окнах,
Стужа не отпускает.
…Придвинув тетрадь,
Я её замытарил… Но, кровью намокнув,
Заскорузло тяжелое слово. Опять
По листу слепо мечется стадо – где выход?
Всё тесней безысходность… И, может быть, я,
Побледневший, – прощальный, мучительный выдох
Бытия, избиваемого бытия?
В продувном переплясе ножей, всё смятенней
Стадо мечется загнанно по январю…
Потому ль, обмирая, глазами оленей
На себя, ничего не прощая, смотрю?
1984

К КОМУ ИДТИ?

К кому теперь идти?
Бредёшь песками
По изможденным рощам сентября,
Задушенным кислотными дождями,
Взрывая пыль…
Недужная заря набрякла – искушающей, болотной,
Голодной тиной. Ржавые кусты –
Здесь русло шло… – на месте приворотной,
Речной в былом, студёной чистоты.
К кому же, с сожалением приватным,
От сумрачных урочищ отторжён,
Бредёшь больною осенью, распадным
Дыханием прогресса просквожён?
День обнищал… Пространство нелюдимо…
Как задувает из небытия,
Сознанье спеленав – клубами дыма,
Неотвратимый финиш торопя!

Пеняют мне, что чувством не согрета
Сухая мысль. Но, в ржави и песке,
Мучительнее – судорога света
В простудной, изнурительной строке.
Сознание, теснимо дымом, ропщет…
С седыми пепелищами в судьбе,
Куда теперь бредёшь? – ни ключ, ни роща,
Не обольщайся, не придут к тебе.
Их – вспять сознанья унесло, и ныне
Смеркаются, заветное тая,
Запекшиеся в памяти, больные,
Леса,… песок,… душа…

Где – жизнь моя?

1990

«КРИТИКА – НАУКА
ОТКРЫВАТЬ КРАСОТЫ И НЕДОСТАТКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ»

А.С. Пушкин

Книга «Пир для интерпретаторов» в понимании пристрастного читателя. За гранью возможного опыта

статья

Николаю Шамсутдинову /Шамсу - выдающемуся российскому поэту, сатирику, публицисту и переводчику, в 2019 году – в Мюнхене, пресуждена Международная премия «Dominante/ Домината»: «За выдающиеся открытия новых эстетических и художественных принципов в области литературы и музыки».

Учредитель премии – «Новый Мюнхенский культурный форум» в 2020 году издаёт всемирно известному мастеру художественного слова, академику Российской академии поэзии Николаю Шамсутдинову новую книгу под интригующем названием «Пир для интерпретаторов» и литературным псевдонимом поэта – Николай Шамс.

Пребывая в золотой поре своего творческого века, «подвергаясь нападкам и «правых и левых», мастер держится подчёркнуто отчужденно и обособленно... стилистических школ...

И натурализм, и метаметаморфизм, и символизм, и модернизм, и мордуемый постмодернизм... слились в его работе в один мощный поэтический поток...»(1. Ирма Юстус с. 10), теперь поэт подарил миру книгу, которая произвела «тектонический сдвиг в читательском восприятии его поэзии» (1.с. 14).

...В венозных прогнозах время-
Трансцендентный сюжет, и его беспощадней - нет,
И грунтовая кровь распаляется в сердце... Бремя...
Долго осоловелая лампа глядит в окно,
Но, и не порицающий свет не дает совета...
(1. с. 22).

Область рассудочных знаний, перелетев границы возможного опыта человеческого сознания в «трансцендентном» (С. Кант) сюжете, которого «беспощаднее нет» (Н. Шамсутдинов), нацелена для поэта не на осязаемый, зримый предмет, а в новую систему литературного знания, в рефлексию, обобщение и переосмысление опыта мастера в литературно-художественной доминанте русского слова.

Поэт приводит читателя к «априорной» (С. Кант) форме высшей чувственности, к запредельному пониманию

экзистенциальной сути – уникального человеческого бытия лирического героя:
/...Ведёт его судьба, мужая,/ /Мою же душу, в свой черед,/ /В чужие страсти погружая.../ (1. «Герой»).

По утверждению Николая Шамса – «человек – это место встречи времени и пространства», испытывающий «потребность освободить от балласта душу, заключающую в себе этот противоречивый, непредсказуемый мир. Душа ищет свободу волеизъявления... в ...метафорических откровениях». (1. Ирма Юстус с. 7).

Очевидно, из названия книги – «Пир для интерпретаторов», что поэтический сборник отражает замысел мастера, как осознанную потребность к глубокому литературно-философскому толкованию самой сути бытия лирического героя в прагматичном и жестоком реальном мире людей.

«Пир для интерпретаторов» – новое, не исследованное ранее трактование литературно-художественного метода, отражающего воплощение пережитых лирическим героем моментов собственной судьбы. Выстраданная творческая судьба позволяет гениальному поэту раскрыть многоплановость человеческих чувств, переживаний, сомнений и впечатлений, ментальных человеческих ценностей, с позиции ключевой авторской литературно-философской концепции: **«Достоинство – моё последнее достояние».**

Прочтение книги «Пир для интерпретаторов», по умолчанию, оставляет у читателя стойкую уверенность в том, что человеческое достоинство, по сути своей, и есть то главное качественное новообразование и единственно-востребованное человеком достояние, которое жизненно необходимое для каждой неповторимой человеческой судьбы, для каждой отдельной личности, обладающей живою человеческою душою. Поэтическая муза дарит чудесные воспоминания и восхитительные фантазии лирическому герою, в которых вырисовываются неподражаемые истории истиной и вечной человеческой любви.

Любовь мужчины к женщине у поэта превращается в феерию метаморфоз.

Превращение чистой невинности, в зрелую спутницу по коллизиям, сопереживания лирическому герою и сопровождение по опасным виражам судьбы. И опытная бестия вдруг способна легко отдать свою жизнь во спасение и исполнение высшей миссии любимого мужчины на земле... Сама поэзия мастера есть

философский поиск оснований для неповторимого, незабываемого земного бытия, лёгкая кантилена поэзии Николая Шамсутдинова, в которой одно слово или эпизод легко и плавно вытекают из другого, и, перерождаясь наполняются новой художественной силой из многозначных эпитетов, насыщаются новыми дополнительными смыслами и свежими, блистательно сверкающими красками, многогранными оттенками, тонами и полутонами растворяются в воздушной лексической стилистике автора, вдруг воплощаясь в изысканно-тонкую иронию, которая выливается в поток откровений лирического героя...

Восприятие текста, как «возделывание нежности в душе», в видении пристрастного читателя раскрывается многогранностью лексической стилистики Мастера слова. Обратим внимание на некоторые особенности авторского текста.

Произведение Мастера изложено в 31 строке, 8 строфах, в четверостишьях с перекрёстной и кольцевой рифмой. В стихотворении 135 слов, из них могут стать новыми, поскольку имеют многозначность – более 20 слов. А именно: утробных снах (шаманский бубен, транс), мозжечке (малый мозг), скабрёзный (непристойный), мушка (часть прицела в оружии или мушка – насекомое, ласкательное определение от мухи), контральто (самый низкий женский голос), собачья вахта (бодрствование от 0 до 4 утра – самое тяжёлое время в корабельной терминологии), в торосах (в нагромождении льда, без экспрессии), зашлакована (перегружена шлаками), Тимуроки (потускневшие штампы), клише (стереотип, стандарт), присяжный любезник (жёнолюбец), околичности (скрывающие суть), шаматон (пустой, болтун), куртуазность (учтивость, рыцарство, черты зрелой европейской цивилизации), Силен (идеалист, стремящий к эталону) и другие. Мной приведено лишь одно значение каждого слова из богатого лексического словаря Шамса и, притом, что оно имеет несколько трактующих его значений.

Стихотворение богато яркими и прицельными метафорами: «в кремневом январе», «у TV на собачьей вахте», «с болтанкой в мозжечке», «покуда мушка в кротком янтаре», «держит мужика на мушке», «дал фору куртуазности», «приневолен лирическими вольностями сих».

Удивительны метафоры, которыми автор наделяет женщину с «миндалевидным оком...», попутчицу по коллизиям»... с неизменной природой и с неизменными человеческими чувствами.

Особый смысл автор вкладывает в выбор главной героини – Магдалины. Тем самым ставит перед нами достаточно дискуссионный и философский вопрос, в котором заключены и противоречивость, и магическия мифологизация собирательного образа героини.

Магдалина в стихотворении Мастера – как раз та женщина, что «у руля». В разных литературных источниках и ссылках образ Магдалины трактуется по-разному, как «жена» и спутница Миссии, как врачевательница.

У автора мы видим, с одной стороны – живую женщину, с другой – черницу (монахиню), сопроводительницу посланного человечеству сына божьего…

Мне представляется вполне вероятным, что в тему и идею стихотворения «Ответь же, Магдалина…» автор преднамеренно вводит позицию субъективной рефлексии, как поэтического способа реагирования на эмоциональные и поведенческие шаблоны человека в его живой земной жизни, на границе «между полами», где «жизнь – выживает, одухотворяема возделываньем нежности в душе».

Литература:
Николай Шамс. Пир для интерпретаторов. Printed in Germany 2020 VC Druck e.K.

Дорогие друзья!

Разрешите поздравить всех нас с общемировым литературным событием – рождением поэтического сборника Николая Шамса «Пир для интерпретаторов», с международной литературной премией «Dominante/Доминанта». Пожелаем дорогому Николаю Миркамаловичу новых книг, творческих сил, вдохновения и здоровья!

Светлана Титова,
к.пс.н., поэт, прозаик, публицист,
член ТОО «Союза российских писателей»,
член Международной Академии наук,
член Международного Союза Писателей СА,
ХМАО –Югра, Нижневартовск

ОБРАЗ СЕВЕРА В МУЗЫКЕ

статья

Только в XIX веке стало выявляться и обособляться необычное осознание культуры Севера. «Дыхание Севера» было весьма отличающимся в миропонимании и критериях музыкального искусства. Северная грусть, тоска – лейтмотив, пришедший из стран Скандинавии. Он даже достиг трагической силы, но как выражение определённой философской северной волны. Контраст жизни и пейзажа вызвал интерес на определённом этапе ко всему Скандинавскому Северу даже у поэтической элиты вплоть до «Серебряного века» (Ахматова, Полонский, Блок, Бальмонт, Вяч. Иванов, Северянин). А её музыкальное значение в жизни северян отметил датский эстетик С. Кьеркегор: «Музыка – луч света во тьме его (севера) жизни. Душа оживляется, так полна восторгом!». Малый мир стал «огромным миром за стеной». Красоту стало возможным усмотреть и в ледяном безмолвии Арктики. Настало время задаться вопросом о национальном образе – историческом и географическом – в плане понимания его высшей культурной ценности.

Вышеуказанный сложившийся стереотип Севера имел уже обобщающую силу эмоциональных типов разных народов, и именно эта сила разорвала художественные параметры самих северян (Э. Григ). Но не было учтено музыкантами Европы, что деление культур по принципу географическому ни в коем случае не должно проводить эмоциональных границ. Композитору-северянину, проследившему связи родства разных внерегиональных художественных явлений инкриминировалась несвойственная манера письма, нарушение сложившихся типов местного музыкального мышления: «…оркестр с таким безудержным разливом красок, что кажется – не избежать здоровенного солнечного удара, …какими несносными стали северяне!» (выказывание Дебюсси о фортепианном концерте Грига). И снова стереотипное поэтическое клише: «О, сталь поляра! О, рыхлость Юга! …только сдержанность, от силы внутренняя экспрессия!» – таково поэтическое восприятие севера И. Северяниным.

Были и крайне критические мнения: уныние, пессимизм, меланхолия – отличительные черты северных народов – вытекают из северной души и вплавляются в музыку русских композиторов, которую и слушать-то должны преимущественно Северяне. Некоторые другие музыканты и критики, тем не менее, искали и находили унылость в фольклоре южных стран Европы, Америки, Юга России, а самыми унылыми считали песни аргентины и Перу.

Однако, природные условия, вековые традиции, эмоциональный строй и колорит всех народов Севера России создали стихию музыкальной истории Государства Российского.

В целом, проблематика национально-региональной локализации музыкально-исторического процесса и её расширения сложна: иной уровень осмысления окружающей музыкально-звуковой среды, сохранение эпохально-исторических признаков культуры, собственный оригинальный инструментарий образовали неповторимую конфигурацию условий развития эволюционных процессов музыкальной культуры. Примечательно, что динамическая природа музыкального искусства постепенно накладывает отпечаток на устойчивые факторы статического уклада. Но при сохранении общей его целостности. Казалось бы, незримая, хрупкая, зыбкая, но вынесшая творения давно ушедших эпох, Музыка Севера создала «несущую конструкцию», в традицию которой человек не вправе бездумно вторгаться, приводя к забвению ценностей, в конечном итоге к застою, регрессу. Совокупность этого художественного наследия, достижений, эволюционного опыта должна стать, наконец, общим творческим достоянием. Только благодаря «мобильности» отдельных музыкантов стимулируется «миграция» данных достижений в настоящее время. Известно, что главной чертой Великого Российского композитора Сергея Слонимского является открытость разным эпохам, течениям и народностям. Тяготение к унификации музыкального языка, его всеобъёмности, стремлению соединить в рамках одной концепции, казалось бы несоединимое! Причём, его время эпохи постмодерна», логично вписывается в атмосферу избранной по тематике музыкальной концепции. Распределение структуры произведения на пласты в сочетании с современным гармоническим языком с его размытыми очертаниями функциональных соотношений и аурой колористических эффектов, ритмических контрастов, темповой неустойчивости – удивительным образом образуют целые комплексы – сплавы. Это подлинный смысл и значение перестройки Автора в поиске фундамента стиля иного. Традиция – расчленённая, переориентированная и вновь собранная в единый творческий акт с установкой на ценность отражения собственного видения всей глубинности избранной культуры, особенностей стиля народности, хранимой коллективной памятью! Этот приём новизны ассоциативно, без риска утраты надёжности в памяти слушателя, удерживает её через формирование симультативных образов. Именно такое, расчищенное психологическое пространство от ранее полученных отрывочных знаний – даёт возможность без торможения воспринимать музыкальный текст «Северной баллады» – одного из знаковых произведений композитора, посвященного Северу. Эта музыка, связанная со своей историей, традицией, очаровывает и ведёт за собой, ожиданием непредсказуемости, сравниваемой с гибким жанром эссе, описывающих искусство великих мастеров живописи! В целом, «Северная баллада» – это целый мир народной музыки – пёстрый и мозаичной, в котором

древнее отзывается в современности, инвариантность которой наталкивает на мысль о создании композитором лейтобраза Севера, с его чистотой первозданности!

Примечательно, что со студенческих лет увлекался изучением севера, его традиций, и сочинением пьес на эту тему! Например, известную «Элегию», которую сам Слонимский считал самым удачным своим поведением, сочетающим пластику, свежесть гармонии, тонкость в разработке деталей, не лишенных трогательной нежности, печально-светлой пейзажной умудрённости. Тихая печаль без претензии на философскую концепцию «жизни – смерти», приданную жанру Элегии в период Первой Мировой войны. Музыка строга, как северная песня, интонационно близка фольклору. Кажутся уместными типологические аллюзии, выражающиеся в интонации верхнего голоса с его лёгкой лирической вариантностью: при сохранении основы мелодического рисунка – рацвеченность «изысками» гармонии. Игра редким сочетанием интервалики в построении гармонических вертикалей, их частыми тональными сдвигами на фоне сознательного укрупнения ритмики и «эмансипации» пауз, в конце тактов, то есть слабости моторики – удивительным образом компенсируется частотой смены других средств исполнительской выразительности: тремоляцией фактуры, микропассажностью, микродинамикой, микроагогикой, расчленённостью артикуляции – что создает Эффект Мерцательности воздушного пространства (Ю.П.). А вместе с ассиметричностью тактирования, сочетанием ритмической регулярности и нерегулярности, частотой околотоновых «вращений»... и «оцепененностью мгновений» – создается психологически выразительный Образ Севера! Это тончайший почерк Композитора, чуждый откровенным стилизациям!

Самообеспечение же региона, наличие внутренней потенции к самосохранению, создание местных экотипов в композиторских опытах сужают амплитуду стилистической «всеядности». Но слияние творческих веяний региональной среды с комплексной характеристикой неповторимого сплава многообразных художественных доминант преобразуется в «двухполюсность» Севера. Это путь преодоления регионального эгоцентризма, взаимопроникновения тайн национального и интернациональных талантов, ознаменования слиянием эпохального и настоящего. Искусственная либо естественная географическая локализация, свойственная современной действительности, ограничивает возможность взлёта ярких композиторских индивидуальностей национальных школ. В данном случае любой народ или народность Севера может стать, согласно теории Т. Адорно, «опиумом для своего народа». Иной, открытый ракурс реализации творческого потенциала национальных авторов представляет возможность на основе

устоявшихся канонов проявить новые качества в сочетании с неповторимой самобытной ценностью, избежать издержек (таких, как сужение круга приоритетов, узкой, в основном фольклорной специализации). Важны и обратные связи. В процессе интеграции и творческих «вливаний» авторов других регионов, должно присутствовать понимание защищенности социокультурной национальной системы народов Севера от излишних враждебных «вторжений» инационального. Только в этом случае мировой престиж некогда «периферийных» культур через динамизм всеобщего культурного развития, каким бы он ни был сложным, повысится за счет завоевания социума усилиями интеграционных процессов. Интегративность – явление позитивное, но у авторов, делающих попытки слияния профессионального и фольклорного должна быть изначально заложена предрасположенность к реализации конкретных задач, соответствующих экологическому императиву.

На наш взгляд, не случайна «география» звучащих образов, появляющихся на примерах национального своеобразия в фортепианной музыке рубежа XX-XXI веков. Эта музыка, адресованная юным музыкантам и публике, которая желает слушать музыку академического направления, которую она понимает. Вдохновенный подход с напряжением всех творческих сил «художников» звуков может быть уподоблен желанному «лучу света» именно в этой «особости» Севера. Используя все новые выразительные средства, особенно пространственно-тембровые, многим авторам удается не опуститься до искусственного упрощения, вульгаризации хорошей идеи. Стилистические рудименты проявляются в «северной экзотике» скрыто, ассоциативно, непроизвольно. Колористическое инкрустирование прозрачностью или плотностью звучания, светлыми или сумрачными тонами, регистрами, живописными мазками и графической четкостью, а также всеми свойствами интонационного комплекса (например, мобильностью рельефа либо его размытостью), позволяет работать в «режиме» авторской дистанцированности. Прототип музыкального портрета (например, айсберг, северное сияние и т.д.) может дать не только полный зрительный ряд, но и быть выражен музыкальными средствами, знаками-символами. Это стилевое экспонирование репродукции среды молчащей, дышащей, вспыхивающей. Конечно, художественная полноценность подобных сочинений свойственна не каждому автору. Но важен факт попыток «вкрапления» северных мотивов в появляющихся «географических» сборниках следующих композиторов – В. Бибергана, Ю. Савалова, И. Мациевского, особенно – С. Слонимского, нашедшего себя в стилизации и гениально преломившего «северное начало» сквозь собственное «Я». Но самым ярким, на наш взгляд, явился очередной сборник,

посвященный «географической» тематике **Жанны Металлиди**. Называется он «**С Севера на Юг**».

Особенности северного говора, басовые «изюминки», тонизирующая моторика ритма отклоняют от, казалось бы, уготованной печали, свойственной северному фольклору (пьесы – «Ура! Мы едем в Югру!», «Югра»). Предметно-изобразительный ряд («Танец охотников») широко раздвигает горизонты смыслового целостного видения образа. Эмоциональная статика, если и присутствует, то несёт в себе мощную экспрессивную сущность (пьеса «Красная луна») и ассоциацию пространства, заполненного микродвижениями (как и в цикле «Воспоминание о Севере»: в пьесах «Северное сияние», «Всполохи»). Зримое начало, событие во всём – одно из чудес пьес Ж. Металлиди. К тому же, в цикле «С Севера на Юг», на наш взгляд, не случайно и оригинально подчеркивается статика Юга (пьесы «Море», «Затонувший корабль», «Что увидел аквалангист»).

В результате преодоления художественными новациями разрозненности самих северных культур, переосмысления их «генетического кода», фиксации языкового аспекта и реализации его неповторимости, а также самоисканий композиторов в рамках собственных стилистических симпатий и вкусов оформляется, распространяется, сохраняется национально-региональный интерес. Выполнение функции обеспечения данного интереса – перспективная задача самих регионов.

Юлия ПЕТРОВА,
поэт, прозаик, эссеист и публицист,
Заслуженный работник науки и образования
Российской академии естествознания,
Советник Российской академии естествознания,
обладатель Знака Почета Министерства культуры РФ,
член Международного Союза писателей СА,
лауреат международных, всероссийских литературных премий,
преподаватель Астраханского музыкального колледжа
им. М.П. Мусоргского

Минута -
и стихи свободно потекут…

ГОСТЬ РУБРИКИ

Виктория ЛЕВИНА – поэт и прозаик. Родилась в Читинской области. Окончила МГТУ им. Баумана. Автор четырёх романов, сборников рассказов и десяти поэтических книг. В последнее время пишет фэнтези. Публиковалась в журналах и альманахах Израиля, России, Германии, Болгарии и других странах. Лауреат всероссийских и международных литературных фестивалей и конкурсов: Гран-при «Созвездия духовности - 2019», Золотой лауреат «Золотое перо Руси» - 2019, кавалер ордена «Кирилл и Мефодий», медали им. Ивана Вазова (Болгария), медалей А. С. Пушкина и В. В. Маяковского и других международных наград.
С 1997 года живёт в Израиле, работала инженером в авиапромышленности.

ДОЖДЬ НА АРБАТЕ

Дождливый день. Арбат заветный.
Среди московских сувениров –
предмет знакомый и старинный:
флакончик «Красная Москва».

Я помню столик туалетный
и мамины духи – кумиром!
(Мазнуть поспешно и наивно
за мочкою ушной едва...)

А дальше – больше: янтарями
Арбат высвечивает лихо!
Кладёт варенье облепихи
в витрины стареньких домов.

За Средиземными морями
матрёшку выставлю на полку,
льна прикуплю, чтобы без толку
валялся в глубине шкафов.

Арбат мечтанный! Изменивший
моих воспоминаний святость:
ресторан, где я, на радость,
«шпикачки» лопала и кекс?

Там я – девчонкою, бродившей
в фойе редакций... Где хулили
мои стихи – кафе открыли.
Зато теперь легален секс.

Из моего отеля видно:
стоит Булат, поднявши ворот,
под арки зазывая город
баллад гитарных и дворов.

И щиплет горло, и обидно,
что дождь то сжалится, то брызнет.
И шлёпает октябрь по жизни,
и вспять вернуться не готов.

Я ДОЧЬ ФРОНТОВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЛЮБВИ

Я, папа, живу далеко от Днепра –
волна Средиземного моря гранит
на набережной возле Яффо дробит –
здесь пальмы и небо, и бог... И добра
мне щедрые горсти судьба припасла,
когда позвала в эту дальнюю даль.
Хотелось забрать боевую медаль
твою, да таможня добро не дала.

Храню фотографии. Личный архив
звена истребителей есть и альбом.
И мама на снимке прижалась плечом,
на китель медали свои прикрепив.
Я дочь фронтовой и последней любви,
с израненным телом и жаждою жить!
И призвана долей наследству служить:
под небом бескрайним – для неба живи!
Я, папа, сегодня накрою на стол.
Я чарку тебе «фронтовую» налью.
И «мамину» песню тихонько спою
про то, как казак до дивчины пришёл...

* * *

Я тогда не умела ходить по-московски,
ни общаться, ни ездить, ни пить, ни курить.
Чтобы спрятать акцент, говорила по-польски.
Да и было о чём ли со мной говорить?

Молодая дурёха в зауженной юбке.
Из достоинств немногих, пожалуй, мозги.
Не спилась в кабаках, не пошла в проститутки
потому, что писала плохие стихи.

Потому, что в тулуп завернувшись по сменам,
заработав на хлеб и билеты рубли,
я бежала в концерты и грезила сценой,
галереи Москвы тоже были мои.

Кантиленной тропой с позолоченным прудом
я бродила, Блаватскую сунув в рюкзак,
Кантом бредила и, непонятно откуда –
книгой Рериха, купленной за четвертак.

Всё – пределы Москвы. Всё отсюда: театры,
долгостой за билетами в зимнюю стынь.

Не оттуда ль глаза мои подслеповаты,
не оттуда ль ментальность моя – монастырь?

Я приеду. Пройду фэйс-контроль на вокзале.
Я увижу Москву дорогую мою!
Отыщу «Форнарину» в карминовом зале
и, как прежде, всю жизнь перед ней постою...

* * *

Я на Старый Арбат попаду по судьбе,
по камням мостовой под мороз и под ветер
сотни тысяч дорог принесу на себе,
чтоб шагнуть на одну в синем мартовском свете,

чтобы окна дворов оглянулись мне вслед,
чтоб колонны домов прислониться мне дали,
чтобы чистой слезой ностальгических лет
омывались глаза и лучисто блистали.

В этом доме – пила, в этом доме – жила,
здесь в театре рыдала о сути и смысле.
А сюда я подборку стихов принесла,
и... двух слов не связала – так путались мысли!

Рыжий парень один по ступенькам влетел
на последний этаж под арбатскою крышей –
закружил, заласкал, завертел, как хотел –
никакого романа в помине не вышло.

А в богемных мансардах твоих галерей
сквозь столичную муть и содружество наций,
сквозь преступную святость арбатских детей
проступали черты болевых эмиграций...

На Арбат по пути мне сегодняшним днём –
я другою диоптрией зрение мерю.
Ах, Арбат мой, Арбат! – полыхает огнём
сердце юное в перекорёженном теле.

Я О ТОМ ПЕРЕУЛКЕ...

Я о том переулке, где пахло горелыми листьями,
что сжигались
в преддверье зимы на ноябрьских кострах.
Хулиганское, светлое детство мазками искристыми
воскрешаю и помню,
пока не рассыпалось в прах...

Пока жизнь,
что дышала озоном тропическим плазменным,
не развеяла в памяти тоненький дым из трубы,
летний двор, где соседи,
пресытившись зноем и праздником,
часто вялили рыбу и в банках солили грибы.

Вспоминай меня, двор!
Понастроены новые здания
там, где мамины мальвы на клумбах садовых цвели.
Здесь кружил-проникал в лабиринты мембран обоняния
насыщающий запах родной плодородной земли!

Я – пацанка.
Я центр той вселенной, что зреет в зародыше:
ноги босы и сбиты колени, в шелковице рот.
И зовут меня смачно
«бандиткой» и Витькой – «поскрёбышем»,
и душа моя юная громко под вишней поёт!

Как взрывалась сирень
после первого майского тёплышка,
и парил в переулке парфюм её, сладок и густ!
В том дворе
до сих пор сохранилось «секретное» стёклышко –
как душа у Кащея,
зарыто под розовый куст.

ДАРИ МНЕ ВЕРУ, СЛАВНЫЙ НЕВСКИЙ!

Необъяснимую любовь –
к колоннам серым Петербурга,
к барочным сводам куполов
и к ренессансу площадей,
к щадящей влажности веков,
хранивших разводное чудо
его эпических мостов, его несолнечных аллей –

вдруг ощутила я на Невском...
Огромным воздухом пространства,
широким жестом созиданья
надисторичности домов,
меня несёт,
как водной веной несутся льды в весенних танцах,
меня по Невскому проносит, освобождая от оков

лабильности иносказаний и обязательства респекта,
стрихнина полу-лжи и правды,
полуналоженной на стих.
И разрешаются проблемы прямою линией проспекта,
и усмиряются конфликты –
прямым нокаутом, под-дых!

Дари мне веру, славный Невский,
что можно выстоять и выжить
с прямой спиной (прямой колонной)
под разномастным арт-огнём!
А те, кто не был на проспекте –
пусть восхищаются Парижем.
Я здесь была в сознаньи полном,
что я души не чаю в нём!

АННА И КРЕСТЫ

(диптих)

ЗАРИСОВКА БЕЛОЙ НОЧИ

Про белых ночей лёгкий штрих неспроста
лопочут аллеями Летнего сада
наяды и фавны. Струною моста
подчёркнута суть Петербургского града!
И выключен говор ночных фонарей,
и полнится небо нежнейшею краской,
и абрисом статным встают на заре
дворцы и соборы столицы прекрасной!
Уже обесточен, уже розовел
в той белой ночи Петербург над мостами,
и сфинкс полусонный на воду глядел,
и мраморной лапой ложился на камень.
Мосты сведены. Удаляясь в залив,
плывут по пастели последние баржи.
А Анна, библейские очи открыв,
глядит на Кресты и не двинется даже...

КРАСНЫЙ КИРПИЧ КРЕСТОВ

Красный кирпич Крестов,
красная пыль репрессий.
Анны триста часов
в давке с другими вместе.
Женский двуликий сфинкс,
полуживой на камне –
реку заслужишь Стикс
или Крестов страданье?
Анны библейской стать.
Именем сына, мужа
просит Кресты принять
хлеб в узелке ненужном...
Просит Кресты простить

молодость и беспечность.
Сфинксам на волнах стыть –
имя их стуже – вечность.
В лицах их смерть и жизнь.
Речка одета в камень.
За парапет держись,
чтобы в Кресты не кануть!

ЧИТАЮ БРОДСКОГО

Я Бродского читаю. День во мне
Перемешался с ночью. Руки стынут.
И с жадностью вселенскою придвинут
Чай обжигающий к губам. Как на огне,
Как на поленьях адовых, душа,
Читая строки, ёжится и стонет,
А взгляд – каким-то зреньем посторонним
С листа вбирает буквы, не спеша.

Чем так пленит и ранит монолог,
Такой огромный и такой негромкий?
Я слышу, как струится голос ломкий,
И – мозг взрывает непевучий слог!
Читаю Бродского. Весь день, всю ночь, всю жизнь,
Читаю, упиваясь словом каждым.
Войдя строкою в жизнь мою однажды,
До выхода в финале – удержись!

Не мантрой, не молитвой, а судьбой
На вымученных родственных дорогах,
Да поцелуем в темечко от бога
Мечтаю окрылённой быть тобой.
Благословляю мысленно твой след,
И мессианским именем болею...
Читаю Бродского. Вот всё, что я имею
Сквозь призму стран и строчек, зим и лет.

ТЕЛЬ-АВИВСКАЯ СОНАТА

Я – в Тель-Авив! Прости мне эту блажь!
Обожжены жарою выше меры,
Сидеть в берлоге с кондиционером
И пить послеобеденный купаж –
Не лучше ли, чем ехать в Тель-Авив
В свой выходной, под солнцем плавя шины
В разгар невыносимого хамсина,
Рюкзак с водой в дорогу прихватив?
Но Тель-Авив, особенно дневной,
С домами тесными, «периода мандата»,
И с Яффским портом, встроенным когда-то
В легенду Андромеды – якорь мой!
К театрам первым, в тень библиотек,
К домам, где родилась литература
Не ради развлекательного тура
Стремились поселенцы. Новый век
Влетал в окно, топорщил парус штор,
Рождал иврита перепев гортанный,
Под плеск и говор моря неустанный,
И – розой полз на каменный забор!
В твоих аптеках, барах, кабачках,
Жила душа хмельного Тель-Авива,
Что похотью «марсельскою» кружила
Во взглядах проституток и в стихах...
Там, вдалеке, бурлит высотный центр –
Гламур, богатство, биржи и алмазы,
А здесь – на эмигрантскую заразу
Заплачен шекель и отпущен цент...
Давай закажем ледяной абсент
К обеду с припортовою барбуньей,
Оставим tips* бармену и певунье
За ягодиц вихляющий акцент.
А темнокожий шумный эмигрант
Уже собой заполнил переулки
И продаёт фалафели и булки,
И кажет на там-таме свой талант.

Прощай, мой Тель-Авив! Закончен день.
Звучит во мне рыбацкая соната.
И пахнет розой, что цвела когда-то,
К старинной башне прислонивши тень.

* tips – чаевые (англ.)

ПОЛУПУСТЫНЯ

Не каждому по нраву эта стынь,
Дневному жару в пару – холод ночи.
И марсианским таинством морочит
Меня полупокой полупустынь,
Которые то – холод, то – теплынь,
То – яркий свет, то – тёмное пятно
На склонах гор, что с ночью заодно.
Я примеряла жизнь, на перевал
Взбираясь бодро, по судьбе катила
По серпантину, красные картины
Полуденный мираж мне рисовал.
Окружность солнца плющило в овал.
Вдали сверкало море, но порой
Мешали горы разглядеть прибой.
Так, полумерой, в профиль и анфас,
Моя полупустыня ворожила.
А плазмы солнца золотая жила
Жгла куст последний – тот, что про запас
Зверью и птице в самый жаркий час.
Его полузавявших листьев сок
Пьёт тот, кто от безводья изнемог.
Я видела, как яростно цветёт
Апрельский склон, как пьяно пляшут змеи,
На тёплый камень возложив камеи
Чешуек изумрудных. В месяц тот
Живёт ручей – часы наперечёт.
Затем – жара, и кажется – навек!
Растресканы до крови русла рек.

АККО – ПРИЮТ КРЕСТОНОСЦЕВ

Кубки заздравные, выкрики зычные,
ряса монашья, верёвкой прихвачена –
здесь, в этом городе сорокатысячном,
войн крестоносных судьба обозначена.
Верой гонимые в глушь аравийскую,
руки в еду опускавшие с жадностью.
Факелы дымные. Латы арийские,
в мёртвые очи, глядящие с жалостью.
Бритое тело под белой рубахою,
ночь на коленях в мольбе простоявшее.
Жизнь прожигают не с рыжей девахою –
с божеской верой, чело осенявшею!
Страшно за городом. Вороны слушают
трупов молчанье, упавших стенания…
В городе пиршество. Морем и сушею
новых солдат приведут на заклание!

МЕДНЫЕ КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Медные копи царя Соломона,* красные скалы...
Ветром пустыни, сухим и солёным, лица ласкало!
Древние гимны пустынной долины спали в отрогах
розовых гор,
                что венчались козлиным загнутым рогом,
ланью пугливой на пиках отвесных,
                лётом орлиным...
Армией каменной в узницах тесных спят исполины!
Спят,
        облачённые в яркие стразы,
                сны фараонов...
Здесь брали золото, медь и алмазы –мощь Соломона.

* Парк Тимна расположен в двадцати минутах езды на Север от Эйлат в одном из разломов гор, где находится удивительная долина, окружённая отвесными скалами, высота которых иногда достигает почти девятисот метров, некогда бывшая медными копями царя Соломона.

В ИЗРАИЛЕ... НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ...

Я ехала с сотрудником в машине
по утренней дороге на работу.
Всходило солнце, и шуршали шины...
Друг другу поверяли мы заботы
и новости последних дней. Учили
нехитрых русских фраз белиберду.
И эти упражнения носили
обыденный характер. На ходу
вдруг он сказал: – Ты спеть мне обещала
романс старинный русский. Это можно?
Я встрепенулась, воздуха набрала –
и первый звук пропела осторожно...

И голос зазвенел, набравши силу! –
в романсе шар кружился голубой.
Машина вдоль по трассе проносилась,
как тройка с колокольцем под дугой!
Я – пела! И про снежную равнину,
и про сирень, цветущую в саду...
Я пела в полный голос! И машину
все пропускали, пялясь на ходу
на тётку сумасшедшую, что пела
с самозабвеньем, с русским удальством!
Попутчик улыбался. И летела
душа наружу с лёгким ветерком!

Я пела о любви и о тревоге,
что до поры хранила на замке...
Звучал романс на утренней дороге
в Израиле... на русском языке...

Москва-Санкт-Петербург-Тель-Авив

Константин КРИВЧИКОВ

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Посвящается С.П. Волкову и всем моим старшим товарищам-северянам, живым и ушедшим из жизни

«По ком звонит сей колокол, тоскуя?»
Д. Донн

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино»
В. Ульянов-Ленин

Вас этот век, как вор в законе –
на шухер ставил, брал на понт.
Ты не туда, Антониони[1],
забрёл, найдя Забриски-пойнт[2].
Пусть в тех долинах смертью веет,
и воет *алчности* мираж[3]…
Но *край земли*[4] куда страшнее,
чем голливудский антураж.

Здесь – на куличках не у бога, –
как спрятанный в шкафу скелет,
ржавела «*мёртвая дорога»* –
вождя безумного завет[5].
Корёжа время и пространство,
не в новый мир – Эдемский сад –
к свободе, равенству и братству
она вела, а прямо в ад.

Вела под лай овчарок ражих
во тьму – до светлого конца.
Век-волкодав[6] не знал пощады,
терзая *ужасом сердца*[7].
Загадки не бывало круче,
чем тип «советский человек».
Не то ты делал, Бертолуччи[8],
когда снимал «Двадцатый век»[9].

А тот – Кащей – не ждал исхода.
Казалась вечной мерзлота,
вам не хватало кислорода,
и *ускользала красота*[10].
Полярной темью гуще *тени*[11]…
Но, не сводя с экранов глаз,
вы в темных залах разглядели,
как в *пепле* теплится *алмаз*[12].

Что вам *снега Килиманджаро*[13]?
Не раз через Полярный круг
шагал с бутылкою Стожаров
и нёс закуску Омельчук.
Сырки и «Ряпушка в томате»,
хлеб – на последние гроши,
жизнь от зарплаты до зарплаты…
Зато – с душой. И – от души!

Струилась стружкой строганина,
плескался в кружках терпкий спирт,
молчал вальяжно Шамсутдинов,
набычась, Гольд чеканил стих.
Пирушки длились до рассвета,
вскипая от запретных тем.
А с чёрно-белого портрета
смотрел с прищуром «папа Хэм»[14].

Сквозь рамы стужею тянуло…
ТАМ – Хамфри Богарт[15] пил «Мартель»,
летела *золотая пуля*[16]
и точно попадала в цель.
Манила, словно «Камасутра»,
жизнь за хребтом Уральских гор…
Безумны мартовские утра[17],
когда глядишь в *окно на двор*[18].

Под лозунг «*всё для человека*»[19],
блудливый Воланд[20] *правил бал*[21].
Улисса[22] знал Умберто Эко,
а *имя розы*[23] не назвал.
Архангел вострубил[24] похмельный
и *звёздный* выронил *билет*[25].
Взглянул на дом свой ангел[26] *бледный*[27]
и понял, что *возврата нет*[28].

Кто над *гнездом кукушки*[29] плачет?
Спроси *безумный этот мир*[30].
Не принесло зеро удачи,
и *ровно полдень*[31] наступил.
Сошлись и разошлись дороги,
и растворились миражи.
Сидишь уныло, свесив ноги,
над пропастью, но не во ржи[32].

Мин***у***ло время каламбуров,
размыл следы *июльский дождь*[33]…
Ах, уходящая натура,
ты вызываешь в сердце дрожь.
Не попрощавшись, по-английски
друзья уходят, рвётся нить…
Вердикт «без права переписки»[34]
никто не в силах отменить.

Друзья «уходят за морошкой»[35] –
туда, где вечность и покой,
не приседая на дорожку,
в ответе только пред собой.
Они – горели и не гасли,
платя долги – имели честь.
Ус***а***тенко, Марласов, Б***а***сков…
«Ау-у…» Лишь тишина окрест.

Без слёз и крови слишком пресна
любая жизнь, как артефакт.
Уж никогда не будут вместе
т*вои товарищи*[36], Ремарк.
Пропал *охотник на оленей*[37],
напился *сталкер*[38] неспроста…
И не случится воскресенье,
пока Голгофа без креста.

Увы, назад не оглянуться,
а *игры в бисер*[39] – чушь и блеф.
Лишь остаётся, улыбнувшись,
принять провалы за успех.
Ведь всё же сыграна на совесть
своя, пусть маленькая, роль.
И сам поймешь, чего ты стоишь,
когда наступит *день восьмой*[40].

Успеть бы – в *мартовские иды*[41]
суда судьбы, без *праздных слов*[42],
забыв нелепые обиды,
простив с усмешкою врагов,
«…звонит сей колокол, тоскуя»,
как заклинанье повторить,
спеть а капелла «Аллилуйя»
и томик Бунина открыть…

Примечания к основному тексту:

[1] М.Антониони – итальянский кинорежиссёр и сценарист, классик неореализма, снявший культовые фильмы «Фотоувеличение», «Забриски-пойнт», «Профессия: репортёр» и др.

[2] Забриски-Пойнт – название местности в Долине Смерти (Калифорния), где снимался один из эпизодов фильма М. Антониони «Забриски-пойнт».

[3] Пусть в тех долинах смертью веет и воет алчности мираж – в Долине Смерти, считающейся одним из самых засушливых и жарких мест на Земле, проходили съемки легендарного немого фильма «Алчность».

[4] Край (конец) земли – так переводится с ненецкого языка название полуострова Ямал.

[5] Ржавела «мёртвая дорога» – вождя безумного завет – речь идёт об участке железнодорожной трансполярной магистрали Чум-Салехард-Игарка, строительство которого было начато в 1947 г. силами заключённых ГУЛАГа и прекращено сразу после смерти И. Сталина. В народе эта недостроенная и заброшенная магистраль получила обиходное название «мёртвая дорога».
[6] Век-волкодав – выражение поэта О. Мандельштама.
[7] Терзая ужасом сердца – аллюзия на строки А. Пушкина «Ужасный век, ужасные сердца!» из пьесы «Скупой рыцарь».
[8] Б. Бертолуччи – итальянский кинорежиссёр и драматург, автор фильмов «Конформист», «Мечтатели» и др.
[9] «Двадцатый век» – фильм-эпопея Б. Бертолуччи.
[10] И ускользала красота – аллюзия на фильм Б. Бертолуччи «Ускользающая красота».
[11] Полярной темью гуще тени – аллюзия на фильм Н. Кошеверовой «Тень» по одноименной пьесе Е. Шварца.
[12] Как в пепле теплится алмаз – аллюзия на фильм польского режиссёра А. Вайды «Пепел и алмаз».
[13] Что вам снега Килиманджаро? – аллюзия на фильм американского режиссёра Г. Кинга по одноименному рассказу Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро».
[14] Папа Хэм – прозвище американского писателя Э. Хемингуэя.
[15] Х. Богарт – знаменитый американский актер, снявшийся в фильмах «Иметь и не иметь», «Касабланка» и др.
[16] Летела золотая пуля – аллюзия на фильм итальянского режиссёра Д. Дамиани «Золотая пуля».
[17] Безумны мартовские утра – цитируется первая фраза рассказа немецкого писателя В. Борхерта «В мае, в мае куковала кукушка».
[18] Когда глядишь в окно на двор – аллюзия на фильм-триллер американского режиссёра А. Хичкока «Окно во двор».
[19] Под лозунг «Всё для человека» – подразумевается фраза-лозунг «Всё во имя человека, для блага человека» из третьей программы КПСС, принятой в 1961 г. и намечавшей построение в СССР коммунистического общества.
[20] Воланд – персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», то же, что и Сатана.
[21] Блудливый Воланд правил бал – намёк на фразу «Сатана там правит бал» из оперы Ш. Гуно «Фауст».
[22] Улисса знал – обыгрывается название знаменитого романа ирландского писателя Д. Джойса «Улисс».
[23] Но имя розы не назвал – обыгрывается название романа итальянского писателя У. Эко «Имя розы».
[24] Архангел вострубил похмельный – ироническая перефразировка выражения «ангел вострубил» из Книги Апокалипсиса.

[25] Звездный выронил билет – обыгрывается название романа писателя-диссидента В. Аксёнова «Звёздный билет».
[26] Взглянул на дом свой, ангел – аллюзия на роман американского писателя Т. Вулфа «Взгляни на дом свой, ангел».
[27] Ангел бледный – обращение из одноименного стихотворения В. Брюсова.
[28] И понял, что возврата нет – обыгрывается название романа Т. Вулфа «Домой возврата нет».
[29] Кто над гнездом кукушки плачет? – аллюзия на фильм венгерского режиссёра М. Формана «Пролетая над гнездом кукушки» по одноименному роману американского писателя К. Кизи.
[30] Спроси безумный этот мир – аллюзия на фильм американского режиссёра С. Крамера «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир».
[31] И ровно полдень наступил – аллюзия на фильм-вестерн американского режиссёра Ф. Циннемана «Ровно в полдень».
[32] Над пропастью, но не во ржи – перефразировка названия повести Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».
[33] Размыл следы июльский дождь – аллюзия на фильм режиссёра М. Хуциева «Июльский дождь», вышедший на экраны в 1966 году ограниченным прокатом.
[34] «Десять лет без права переписки» – лживая формулировка (эвфемизм), означавшая во времена сталинских репрессий расстрел.
[35] Друзья «уходят за морошкой» – обыгрывается выражение «уйти за морошкой», эвфемизм, означающий у некоторых северных народов (ненцев, эвенков) смерть.
[36] Твои товарищи, Ремарк – аллюзия на роман немецкого писателя Э. М. Ремарка «Три товарища».
[37] Пропал охотник на оленей – аллюзия на фильм американского режиссёра М. Чимино «Охотник на оленей».
[38] Напился сталкер неспроста – аллюзия на культовый фильм режиссёра А. Тарковского «Сталкер».
[39] А игры в бисер – чушь и блеф – иронически обыгрывается название романа немецкого писателя Г. Гессе «Игра в бисер».
[40] Когда наступит день восьмой – аллюзия на роман американского писателя Т. Уайлдера «День восьмой».
[41] Успеть бы – в мартовские иды – аллюзия на роман Т. Уайлдера «Мартовские иды» и фразу «Берегись мартовских ид!» из пьесы В. Шекспира «Юлий Цезарь».
[42] Суда судьбы, без праздных слов – аллюзия на выражение из Евангелия от Матфея «…за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда».

Виталий ОГОРОДНИКОВ

* * *

Моя Родина – просто вот этот домишко,
Где на солнышке греется плюшевый Мишка.
Моя Родина – небо над двориком нашим,
Где мы с мамой парящему облаку машем.
Это улочка, что на задворках вокзала,
Тракт Московский берёт с этих башен начало.
Это площадь Центральная с майским парадом,
Град Тюмень, я горжусь этим солнечным Градом.
Нивы, пашни, тайга, и просторы, и шири,
Моя Родина – это богатства Сибири.
То снега выше крыши, то ливни косые,
Моя Родина – крепкая наша Россия.
Моя Родина – Трезвость, семья и друзья,
Моя Родина – просто планета Земля.

* * *

Небеса засосало болото –
Крики птиц глубоки и низки,
Но рисует невидимый кто-то
На продрогшем тумане мостки.

И в багрово-кипящем закате,
По воде с леденящим лицом
Жерди, слани, упругие гати
Он выводит волшебным резцом.

И… Тропа! Под рукой живописца –
Отступают трясины и мхи,
И дорога в подошвы стучится,
И в кустах шебаршатся стихи.
Где волнами, а где валунами
Стёжки топкие вымостит он.
И идёт по тропе вместе с нами…

ТОБОЛЬСК, КРЕМЛЬ, ШРУБУ

В детстве это письмо, словно небо – размашисто, смело
Написалось само и по свету само полетело.
Ведь куда и кому не сказал я ему, слава Богу
Так-то проще письму отыскать и друзей, и дорогу.

И оставить меня, ох уж эти проделки свободы –
Полистать времена и эпохи. Секунды и годы.
Снова вспыхнул восход – в канделябрах ожили огарки.
А письмо всё идёт, хоть на нём уже выцвели марки.

Истрепалось оно, но по-прежнему славно чудило
И забыло давно, что с него разбежались чернила.
Далеко, тяжело. Где болело – то мёрзло, то мокло,
Но однажды дошло – блеклый сумрак, побитые стёкла.

Как осунулся храм, пол прогнил, потолки отсырели,
Та же пыль между рам, та же склянка и ветка сирени.
Горячей, чем в огне, отголоски Рождественской вьюги.
Пробудился во мне человек в серебристой кольчуге.

В ТИРЕ

Разговорчивый, радостный, славный – не злой,
Завсегда подбодрит, если кто-то не в духе,
Дед полы подметает железной метлой
И из валенок щиплет свинцовые плюхи.

Я сюда прихожу, а *сюда* уже нет,
У бордюрины скрючилась корочка хлеба,
Только крыша оставила в облаке след
Да вон лампочка вкручена в самое небо.

Тирщик, тирщик, да где тебя носит – Ау!
Уж винтовки как псы на цепях присмирели,
И галдит вороньё – уж не их ли зову,
В серой ветоши крон никакой акварели.

Только прошлое всё же дохнёт горячо,
Брызнет лихо румянца в лицо, не жалея.
И затвора щелчок, и отдача в плечо,
И закончится тир, как вот эта аллея.

И развяжутся улиц тугие узлы,
Ведь давно уже в пыль истрепались мишени,
И никак не понять вечно юной Тюмени,
Кто в ней ищет следы от железной метлы.

* * *

Враз все дороги в Рим,
Италия закрыла!
Актёр смывает грим,
И умбру, и белила.

У зеркала сопя,
Пока мы вирус кроем,
Смывает он с себя
Героя за героем.

Вот смылся царь Додон,
Вот рикша с попугаем,
Вот он – уже не он.
И даже узнаваем.

А встреченный гурьбой
Восторженных поклонниц,
Он станет сам собой –
Причудливый гасконец.

Игра всегда экстрим
С завязки до развязки.
Актёр смывает грим
И примеряет маски.

Александр ГОЛОЗУБОВ

СИБИРСКИЙ КРАЙ

Сибирский край! Суровый край!
Богат ты нефтью и лесами,
Здесь до июня зимний рай
Ещё томится под снегами.

Здесь рощи белые берёз
Листву мгновенно распускают
И даже в утренний мороз
Цветы на гривах расцветают.

Озёра раннею весной
Лазурью солнечной сияют
И светло-талою водой
Болота севера питают,

Чтоб на торфянике росла
Поляной клюква молодая
И, чтобы вечно ты жила,
Югра – красавица, родная!

Всё это – Родина моя:
Пролески с белыми грибами,
Пологий берег у ручья
С густыми всюду камышами,

С медвежьей тайною тропой
За старовартовской протокой
И комариный гулкий рой
Над хвойной просекой широкой.

Наш знаменитый Самотлор
С его качалками стальными
И дивно вытканный узор
На небе тучами льняными.

С кедровым выступом Ларьяк
Вдоль Ваха с сочными лугами,
Российский серебристый стяг
Над нефтяными городами.

Горжусь я тем, что в нём живу
Уже как сорок лет семьёю.
Пишу душой и дорожу
Своей Югорскою землёю!

ВЕСЕННЯЯ ОБЬ

Мне нравится, когда весенним утром
Над Обью солнце красное встаёт.
Вода сверкает алым перламутром,
Теченьем льды стремительно несёт.
Она их мчит к седому Салехарду
И крошит лёд на мелкие куски.
С пути смывает всякую преграду:
Сухой валежник, зыбкие пески.
Река в июне снова молодеет,
Как любящая женщина весной,
По берегам черёмухами млеет
И вербами с пушистой бахромой.
А осенью опять она стареет
Степенно катится в сырую даль.
И руслом и протоками мелеет,
Укутавшись в туманную вуаль.

О СИБИРИ

Люблю Югорию! Родную!
За ширь бескрайнюю полей,
Люблю за зиму снеговую,
Весной - за стаи журавлей.
За нашу первую бригаду
На «Самотлорской» буровой,
За труд героев и награды
От бывшей партии родной!
Земля Мансийская и Хантов
Богатством славится озёр,
И красотой своих закатов
На низком небе Вахских сёл.
А сколько дичи в этом крае,
А сколько рыбы, соболей!
Другой Отчизны - не желаю:
Она на свете всех милей!

ГОРОД НАД ОБЬЮ

Как хорошо в сибирском крае,
В туманном мире холодов.
И пусть зима бушует в мае,
Дыханьем северных ветров.
Но выстроен над Обью город
На сваях вечной мерзлоты,
Он полон мужества и молод,
И Торум смотрит с высоты.
Шумит кедрач, взывая шишкой,
Болота дремлют вдоль дорог,
Вдруг рык издаст хозяин Мишка,

Храня таёжный уголок.
Богатства Западной Сибири -
Всем знаменитый Самотлор!
О нём молва летит по миру,
О чёрном золоте озёр!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Летний вечер мятой дышит.
Стихли звонкие скворцы.
Под соломенною крышей
Сладко дремлют сорванцы.
Тусклый свет горит в оконце.
Мать читает для детей.
Алой лентой скрылось солнце
За полоской тополей.
Вместе здешние ребята
Провели на речке день,
До вечернего заката
Загорать было не лень.
Солнце им ласкало плечи
С голубых высоких свод.
Брызги яркие, как свечи
Золотились в лоне вод.
Крепко спят уже мальчишки
На перине пуховой.
Мать собрала тихо книжки
В шкаф сложила угловой.
За окном река о камни
Бьётся тёплою волной.
Ясный месяц через ставни
Охраняет их покой.

ВСТРЕЧА С МАМОЙ

Вечером небо под вьюгою хмурится,
Бледная скрылась за тучу луна,
Снова иду я по Парковой улице,
Вижу родной силуэт у окна.
Мудрая женщина, милая, добрая!
Мама любимая, что ты не спишь?
Может метелица кружится злобная,
Спать не даёт, одиноко грустишь.

Или ты вспомнила детство голодное
В страшные годы великой войны,
Степи изрытые, лето холодное,
Вместо посевов в полях валуны.
Или ты вспомнила жизнь свою прежнюю,
Мужа покойного, малых детей,
Может, цветущую вишню весеннюю
В белой накидке пушистых ветвей…

А я осторожно стучусь в край окошка.
Ласково смотрят с любовью глаза.
На лбу появились морщинки, немножко,
А на ресницах от счастья слеза…

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

О Русь, ромашковое поле,
Берёзы, липы, тополя.
Тебя люблю душой до боли,
Родная русская земля!

Любовь к тебе мне не измерить
Она со мною с детских лет.
Одной тебе могу я верить,
Моя надежда ты и свет.

Ты золотистыми лучами
Весной лелеешь белый сад.
Зимой пушистыми снегами
Всё заметаешь без преград.

А летом лунными ночами
Льёшь свет потоком на поля,
Где под туманными парами
На пашнях зреют зеленя.

Я не отдам земли родимой
Врагам и недругам твоим,
Здесь мамой я рождён любимой,
Крещёный образом святым.

НОЧНОЕ ОЗЕРО

В синем озере зеркальном
Отражается луна.
В небе сказочно-хрустальном
Словно замерла она.
Свет её играет с влагой,
Серебрит лучами гладь.
Звёзды дружною ватагой
Золотят на ивах прядь.
Вьётся в береге прохладном
Туман бледною волной:

Над берёзкою нарядной,
Над зелёною травой.
Всё кругом благоухает
И в саду и на полях.
Белый май июнь встречает
Ровно в полночь на часах

ОДА

Сибирские просторы, российская земля.
Суровые морозы, холодная заря.

Здесь город Нижневартовск подняли всей страной
Столицей Самотлора назвали нефтяной.

Теперь на синем небе зажглась ещё звезда
- Почётного нефтяника - города труда.

Сегодня Нижневартовск - жемчужина страны
Над Обью распростёрся вдоль правой стороны.

Сияет белой ночью церквами куполов.
Видны его проспекты из космоса миров.

Его богатства - люди, его богатства - нефть,
Пусть будет солнце ярче над городом гореть!

Любимый Нижневартовск! Живи и процветай!
Славою нефтяников навеки прирастай.

Наград твоих высоких от Родины ни счесть…
Ты гордость наша, юность, надежда ты и честь!

ЖЕМЧУЖИНА СТРАНЫ

Город Нижневартовск-жемчужина страны!
Столица Самотлора, Сибирской стороны.

Нефть его богатство, кедровые леса,
Лазурные озёра, приобская краса.

Новость Самотлора развеяла молву…
- Отчизна ликовала и пела гимн ему!

В небе необъятном зажглась ещё звезда,
- России златоглавой! Великой навсегда!

Славься юный город успехами труда
Нефтяников-героев на многие года,

Факелом «Алёши», дорогой кольцевой,
Любимый Нижневартовск гордимся мы тобой!

Город молодёжи и творческих людей:
Учёных и поэтов, строителей, врачей,

Летних фестивалей вдоль берега Оби,
Где льётся море песен, улыбок и любви!

Здесь в Югре-Мансийской уютно людям жить,
Отчизне и народу с достоинством служить,
Но если вновь придётся, встанем как один,
-Россию-Мать Святую врагам не отдадим!

Славься юный город успехами труда
Нефтяников-героев на многие года,

Факелом «Алёши», дорогой кольцевой,
Любимый Нижневартовск гордимся мы тобой!

Юлия ПЕТРОВА

АССОЦИАТИВНОЕ *

Так же можно задохнуться
От бескрайности снегов!
Отдышаться,
                и очнуться.
На безветрье холодов!

Бесконечное пространство!
Блеска Солнц,
                молчанья Лун,
«Близкой» звёздности – богатство,
Синевы небесных странствий,
И... седых туманов дум!

Время словно спрессовалось
Над бескрайностью такой:
Бесконечность...
                и покой!

Так в раздумьях рисовалась
Вся бескрайность Бытия
Всей России, наслаждаясь,
Белоснежностью!.. Храня

Память-Зов Земли: протяжность,
Недопознанности важность!
...Каковы снегов края,
В непохожести – какой?

Но всегда во всём – Святой!!!

* Ассоциация - размышление по прочтении стихотворения Поэта Николая Шамсутдинова

ВЗДОХИ ЗЕМЛИ

Как трудно пишутся слова,
Без Вдохновения – дела.
Душа как будто замерла
На стрелке ВременнОго дна,
                и не одна...
Повсюду чуден запах гари,
Во снах же снится только пламя.
Кругом в такой всё тишине,
Что Разум тоже, как вовне,
                и на Земле...
Непониманьем полон Он:
Ведь от Земли лишь тяжкий Стон!
Как колокол она гудит
И прошлого не возвратит,
                и не простит...
Кто б? С непрощённостью прожил?
Ведь всякий внёс хоть каплю лжи
В её строенье – на Века!
Жить в ожиданье: вновь беда?
И так Всегда?

ПЛАЧУТ ДАЖЕ НЕБЕСА

Плакала Зимушка, плачет и Ивушка,
Красное лето в молчании ждёт,
Осени прочит слёзный пролёт.
Кто же виной?
                Високосный ли год?

Женщин сезоны – с надеждой на Лето...
Но уже холод – плохая примета!
Льёт-заливается: небо обидело?
Так много слёз и землица не видела.

Где-то читала я, что наши слёзы
К выси вздымаются, преображаются,
К нам возвращаются –
Не повторяются: чистой слезою
К новому Счастью Душа омывается!

Что же со Счастьем?
Вот наважденье?
Закрыла Природа от нас Откровенье!
Раз засветилось бы блеском, лучами!
Нет, видно скована крепко цепями...

Где же ты, где нашей встречи начальность
Снова в мечтах «проживать» виртуальность?

ПРОСТИ ЗЕМЛЯ

Прости, Земля, великодушно
За равнодушье – наш недуг,
Ведь Ты всегда была послушна...
Раскаянье пришло не вдруг!

И оглянуться бы успели,
Как раскачали все качели
В движеньях спешных так дерзки:
Они жестки, больны, резки!

Ведь намекала недовольно
И вольно, и невольно – Больно!
Что нет изящества и блеска
В тумане дымном по-все-мест-но...

Пришёл внезапностью (!?) урок
Не с мудростью недоосмыслен,
А в суете тревогой быстрой:
Что? Запасаться жизнью впрок?
Обратный путь, известно, труден:
Прости, прости! А там – что будет...

НУ, ВОТ И ОСЕНЬ...

Последний Лист - красивый самый!
Так трепетен, ещё в Цвету.
Но, ветерок уже неслабый...
Слетать пора уже ему!
И красота... и обречённость,
И море мыслей в голове...
Какая всё же утончённость,
Стихом запала в Душу мне!
Есть, у кого в осеннем поле
Душа сжимается от боли?
Боль - это признак постоянства
Всех генов жалости в крови:
В безболии - пустот пространство,
В ком боли нет - в том нет любви!
Последний лист - и тот трепещет:
Осенний контур... чуть дыша
Болит, как чья-нибудь Душа...

* * *

Уже Зима! Метельно, мглисто,
И не взглянув на календарь,
Презрев возню шуршащих листьев
На днях вторженьем стал Декабрь.
Все думали: ещё хлопочет,
Как- будто чуточку ворчит,
И нам подвохов не сулит!
Но, вдруг, в анфас – морозно, чётко
Как вскинется, ошеломит –
Душа завихрится чечёткой!
Альтернативой снегопаду –
Как рвётся замысел Весны!
Увы... пока ещё начало... Ох!
Сколько медлить до поры,
Когда Весна раздаст Дары!!!

НАВАЖДЕНИЕ

Заснеженность – такое Наважденье!
Природы приоткрылось Откровенье,
Симфонией проигранных безумств:
Метели, вихри ветра, веток хруст
Остановили бег: и радужностью чувств
Вселила в нас «трудов» свои волненья,
Сомкнувши в неожиданном мгновеньи
Великой Тишиной отдохновенья!

Казалось, засветились резонансом
Космическими брызгами-лучами,
Мы скованно невидимо цепями,
Пока что в еле видимом альянсе.
И расстоянья километров нет,
Где Будущее с Прошлым бы смыкалось.
(А если честно, даже не пыталось) –
Так и слился дуальности дуэт!

Пусть это наважденье, ирреальность,
Зато познала мира безначальность!..

ПРЕДЧУВСТВИЕ СЕВЕРНОЙ ВЕСНЫ

...И солнце замерло – предрешено?
Метель-красавица прошла давно.
Так безмятежно
                на поле снежном!
Ты человек, но манит снег:
В него б упасть,
                как на кровать.
Вот и счастливость, наконец
К Весне мечтательный венец...

Вот воды малые польют ручьем,
Струною лопнувшей испуг: цветём!

Но, знаю «вечная», стучится к вечеру
Звездой сияющей, с зимой играющей,
Ещё не выспавшись, в моё окно –
Ночь! Ранняя – ей так дано!

Теперь при ней уже не спится:
Слух птичьим щебетом роится!!!

ОПЯТЬ ХОЧУ НА СЕВЕР

Мы слишком полюбили города,
Страдая от плакучего предзимья.
В надежде добегаем до окна с утра:
С небес ни крошки, где уж изобилью
Снегов, лишь слякоть и вода!
Приехать бы дня на три хоть куда,
Где наш пейзаж, давно прошит морозцем,
Изысканно-красив, рисунком точен,
Где с ночи так искусно оторочен
Любой рельеф – художника рука?
Нетронутая белоснежность – ни следа,
И не пройти к соседу огородцем!
И ничего, что небо ещё хмуро,
И ветви сада запорошены –
как хороши!
Уйдёт палитра сотворив всё Чудо,
Уж солнечные блики неробки.
Засеребрятся под лучом снежинки,
А льдинки создадут мазком витраж,
Куда ни глянь – какой пейзаж!
Сплочён в единый наш российский
Вернисаж!

Игорь КИРИЛЛОВ /СЕВЕРСКИЙ

ТАЁЖНЫЕ ВСТРЕЧИ
(поэма)

Мороз, как водится, был строг,
К нам двигался собачий холод.
Всё говорило – будет голод.
Он в лес придёт, дай только срок.
Ворчал, ворочался медведь.
Лось обгрызал кору с деревьев.
А волк повадился в деревню,
Он рисковал и шёл на смерть.
Ночами рьяно выли псы,
Предчувствуя лихого гостя.
Заборам требовались гвозди,
Коты топорщили усы.
И в этот неурочный час
Геолог вышел из урмана,
Окутанный густым туманом,
Но лик – хоть ставь в иконостас.
Густые пряди бороды,
А к ним – коричневые кудри.
И взгляд спокойный, очень мудрый –
Защита от любой беды.
От лыж широких чёткий след
Тянулся змейкой бесконечной…
Мечтал он: «Вот бы лечь у печки».
Нет рядом печки. Ну, так нет.

2

Деревня. Попросился в дом.
Его впустили с лёгким сердцем.
И предложили водки с перцем,
И стал своим он за столом.
Был скромен ранний тот обед:
Так – язь колодкой, оленина,
Ну и конечно осетрина.
Грибы, картошка, винегрет.
Наелся очень быстро он,
Прилёг на лавке возле печки,
А за столом звучали речи,
Стаканов доносился звон.
Была поставлена на стол
Бутыль с ядрёным самогоном
И змий забористый зелёный
Здесь гнул своим копытом пол.
Пошли враз половицы в пляс,
За ними следом –
небылицы являться стали
Всем тут в лицах.
Но не о том сейчас рассказ.
Когда же подустал народ
От водки и от сытной пищи,
Ушли все те, кто был тут лишним.
Хозяин, сунул трубку в рот и задымил,
И молвил слово,
и поглядел на всех сурово…
Такой случился поворот.
Нашлась хозяйка: сразу, вмиг, гнев мужа
Обратила в шутку, пересыпая прибаутки,

явила всем свой лунный лик.
Вот с головы слетела шаль
И мягко улеглась на плечи.
В окно уже стучался вечер,
А с ним негромкая печаль.
А что же гость?
Он видел сны:
а в них он видел буровые,
Фонтаны видел нефтяные,
Размашистый приход весны.
Но быстро пролетела ночь.
Сопя хозяин слез с кровати,
Возились дети на полатях
И гнал рассвет сон сладкий прочь.
Подумал гость: вставать пора,
Умыться, обтереться снегом,
Размяться, насладившись бегом –
И в путь, всем пожелав добра.
Но подоспел тут самовар,
Без чая уходить негоже,
Растроган гость, хозяин тоже –
Гостеприимство – дивный дар.
И вот сидят
и дуют чай с ватрушками и рафинадом.
А хорошо бы – с шоколадом –
Гость вдруг подумал невзначай.
Рюкзак раскрыл он свой большой
Да глянул бегло: Что осталось?
Патроны есть да сала малость.
Что ж хватит, что б дойти домой.
Ну вот – нашёлся шоколад.

Две плитки, в каждой грамм по двести.
Оставлю ребятишкам местным,
Гостинцу каждый будет рад, –
Подумал он, но в путь пора.
Встал и собрался за мгновенье.
Всем счастья пожелал, везенья.
Да с тем и вышел со двора.
О, как их много на пути
Случайных встреч и расставаний.
Да, здесь бессильны расстоянья
И как легко потом идти.

3
Ох, да какая ж благодать,
Вернувшись с дальнего похода,
За всё хвалу воздав природе,
Расслабиться и отдыхать.
Свою превозмогая лень,
Укрыться в бане раскалённой.
Оттуда выйти обновлённым,
Как просветлённый новый день.
Затем нырнуть в большой сугроб и
Насладиться чистым снегом.
Бескрайнее увидеть небо
Тебя целующее в лоб.
Минует час, затем другой.
Уйдёт за горизонт светило.
Всё станет серым и унылым,
покроется колючей мглой.
И в белое оденет ель,
А к нам пожалует метель.

4

Опять метёт, темнеет быстро.
А где-то скоро Новый год.
У них – шампанское, артисты.
А здесь метёт, метёт, метёт.
Там оливье и телевизор.
Весёлый гам, да лёгкий флирт.
А здесь лишь пёс.
Зовут «Провизор»
Да утонувший в дрёме мир,
Где рация бухтит негромко,
Морзянку прерывает свист.
А в небе изредка, по кромке
Крадётся ярко-красный диск.
Здесь часты всполохи ночные
В разгул идут на семь цветов.
Ещё не скоро буровые
Дойдут до неприступных льдов.
Всем надоели разговоры
И вмерз в площадку вертолёт.
Пурга по северным просторам
Широкой поступью идёт.

5

Однажды стук раздался в дверь,
А дело было поздней ночью…
И тут уж думай всё, что хочешь,
Но быстро встань, пойди-проверь.
Открыл, а на крыльце малец,
Пришёл на лыжах из деревни.
Весь в куржаке седой и древний.

Встал предо мною молодец.
«Батяню заломал медведь» –
Сказал он голосом недетским.
Суровым, хриплым, очень резким:
«Прошу, не дайте помереть».
К утру взмыл в небо вертолёт,
Мальчишка указал площадку,
Нелёгкою была посадка…
И снова взлёт и перелёт.
К обеду мужика везли
По коридорам мы больничным,
Он выглядел вполне прилично,
А врач там был с «Большой земли».
Да, доктор сделал всё, что мог
И совершил, похоже, чудо.
Сказал нам просто: «Жить он будет
И даже не лишится ног».

P.S.
Я навестил его в больнице.
Две миловидные сестрицы
Следили за порядком тут.
Сказали: «Пусть срастутся кости,
Тогда и приходите в гости,
Пусть так же раны зарастут».
Нам дали несколько минут.
Поговорили ни о чём:
О доме, о жене, о детях.
Творится что на этом свете,
Куда идём и чем живём.

Михаил КУЛТЫШЕВ

СНЕГИРИ

Снег хлопьями ложится на дрова,
Опилки сыплются к ногам из-под пилы.
Зима у нас не месяц и не два –
Вот почему их загодя пили.
Они впитали солнечный заряд,
Хоть их немного высекли дожди;
Но поглядите, как они горят,
Как жарко печка пламенем гудит!
Ходи, топор, вдоль чурок веселей,
Зимою пригодилась, чтоб берёза
И хвасталась поленницею всей:

– Мол, проживёшь в суровые прогнозы!

…Вдруг колокольчиков рассыпались звонки.
Что это, и откуда эти звуки?..
Гляжу, ищу тот звон из-под руки –
Как к арфе прикоснулись чьи-то руки.
Мой пёс кружиться по дорожке перестал,
Заливисто залаял вверх, на ветки…
Гляжу – а тополь ярко-алым стал,
Нагнулись вниз украшенные ветки.
Присели снегири немного отдохнуть,
Распространяя громкие звоночки,
Пересчитаться, чтоб в далёкий путь
Еще сорваться до прихода ночи.
Сегодня Сретенье, и снова снегири
На крыльях к северу уносят злую вьюгу,
И тополь алым пламенем горит,
Словно маяк, светя на всю округу.

ГЛУХАРИНАЯ ВЕСНА

Кедр так вздыбил свои ветки –
Человеку не достать –
И живёт из века в век он,
Посмотри, какая стать!
Глухарь сядет, оглядится,
По весне прочистит клюв,
Запоёт гортанно птица
Полной грудью, вдаль взглянув.

И замрёшь – не соловьиной
Он мелодию ведёт;
Не услышишь трели длинной,
– Чуфр! – помногу издаёт.
И слетятся копалухи
На концерт его, как снег, –
Молодые и старухи;
Будут все кругом сидеть.

И мечтать на этой зорьке
О заветном женихе –
Чтобы жизнь не стала горькой –
О желанном петухе.
Подползти, зажмурить веки,
Слушать песнь и пляску их…
Мир природный в человеке
Жив и с нефтью не затих.

Если раньше мы боролись
За проходку, за баррель,
То сейчас тревожит совесть
За лесных наших друзей,
Чтоб в протоках вместе с рыбой
На озерах, у стариц,
Стерхи мерить ширь могли бы
И издать свой трубный клич.

Чтобы шли, не пачкав ноги
О разливы нефти, в день,
И рогатый иль безрогий
Мимо пробегал олень.

Я хочу, чтоб краски были
Летом яркими в лучах
И из трав веночки плыли,
И багульник не зачах.
И медведь, и росомаха,
И песец, лиса, бобёр
Жили б вольно и без страха,
Оживив лесной простор.

* * *

Сейчас позаросло, забылось:
Весенних дней большой накал,
Когда за каждый метр здесь бились,
Но он к себе не подпускал.
Среди кустов мелькнёт дорожка,
Прочерченная среди волн,
И мастер всем кричит: «Немножко,
И Самотлор наш покорён!»

Поднимет трубы буровая
И рыкнет дизель, вспыхнет свет…
И долото, всё ускоряясь,
Уходит в твердь, где дна-то нет.
…И подтвердилось: только выстрел
Пробил трубу, из-под земли
Стволы берёз и зелень листьев
Лизнула нефть: «Скорей бери!»

И завертелось: бензовозы
Свои испачкали борта;
В апреле сильные морозы,
Но хлещет в ёмкости «река».

Ревёт и факел (очень жаль;
Как говорят: горит валюта!)…
Все в мире просят нефти дать,
Но нет трубы ещё покуда.

Нефтяник! Жить тебе и детям
В объятьях северной тайги,
Так бережлив будь с кладом этим,
Его умножь и сбереги!

ЧЕЛЯБИНСКИЙ МЕТЕОРИТ

Я увидел дразнящий след,
Я увидел разящий свет;
Это был неизвестный сосед.
Только был – и его уж нет.
Озадачен и поражён,
Я стою, словно бы пригвождён
Этим светом, слепящим лучом,
Разрезающим небо мечом.
Не по слухам, историям – сам
Я воочию видел – могуч!..
Порождённый на небесах,
Вспыхнул вмиг ослепительный луч.
Что там атом рукотворим –
Столько в несколько Хиросим
Натворил «хулиган»-исполин
Над Челябинском в миг один!
Где гарантия, что на землян
Не навалится что-то ещё?..
То нам мстит исполин-океан,
То в атаку космос пошёл.
Так выходит, защиты нет?..
Ни локатором рассмотреть?..
Ни ракетою мощной сбить
Этот смерть несущий предмет?..

Александр ЖУРАВСКИЙ

О, ГРУЗИЯ-ПОЭЗИЯ МОЯ

О, Грузия - поэзия моя.
Волшебный звук чарующей чонгури.
Где облака над Мцхетой всплакнули,
Небесных слёз на Джвари не тая.
Там, где Кура с Арагви обнялись,
Где жизнь – вино, створённое богами,
Светицховели поднимая ввысь,
Молитвами живёт, а не штыками.
Священный кедр, растущий на скале,
Двенадцатью апостолами св**я**тый.
И песнопением Грузии объятый,
Свечой заздравной светится во тьме.
Я к родникам целебным припаду,
И буду пить речь Картлоса глотками.
О, Грузия,
Я так тебя люблю,
Ковчег Георгия под облаками.

* * *

Ах! Отчего по Сакартвело,
Чонгури душу рвёт струной,
Что от разлуки зачерствела,
Как пури, скрытый под луной!
Ах! Отчего в глазах скитальца
Святая видится гора,
И мнут лозу сухие пальцы,
А слёзы ворожит игра?!

Ах! Отчего в немой чужбине
Влечет в забытый монастырь,
Где мать так ожидает сына?..
И мать - одна, и сын - один.
Играй, чонгури, «Шалва Чемо»!
Пой, одинокая душа!..
Мне подпевает Сакартвело!
И я ей вторю, чуть дыша...

КАВКАЗ

Там гор вершины, чудные поля
И вереницы гладкоствольных елей.
Струит ручей и тянется тропа
В тиши кремнистых и глухих ущелий.
Там меркнет солнце за горами,
Лучи над пиками горят.
Орёл потворствуя с ветрами
Вонзает долу властный взгляд.
Там нет ни нищих, ни богатых,
Щебечут птицы, бьет родник,
В утёсах кроются агаты,
Горит соцветьем огневик.
Там монастырь, в горах Кавказа,
Над облаками длань простёр.
Туда к святым иконостаса,
Бросаю я уставший взор.
Прочь от речей благоуханных,
От лжи времён, надменных фраз.
От золотого истукана…
Душа стремиться на Кавказ.

* * *

А мне бы в Грузию, туда, где плачут ветры,
Где водопады тосты говорят.
Где за столом приветливым и щедрым
Тебя вином Кварели напоят.

Где акварели Пиросмани на клеёнке
Так обновляют душу всех людей.
Там, где от взгляда малого ребёнка
Становишься ты чище и мудрей.

Туда в многоголосье дивных песен,
Гортанных слов картвели за столом.
Где грозный мир тягуч и легковесен,
Где бьёт фазан доверчиво крылом.

А мне бы в Грузию, забыв про все границы,
Нить тонкую своей судьбины вдеть.
В источнике святой Нино напиться,
И облаком над Джвари затвердеть.

МОИМ ГРУЗИНСКИМ ДРУЗЬЯМ

Как хорошо на свете без границ,
Мир без бойниц и скорбных песнопений.
Как величаво отраженье лиц
В глазах друзей в застольный час вечерний.

Как хорошо не сориться, не жечь
мосты, их сохраняя для возврата.
И Картлоса внимать святую речь,
которую, мы помнили, когда-то.

Как хорошо душевной красотой
Великих гор безмерно восхищаться.

И перед роковою пустотой,
Дай Боже нам, навеки не расстаться.

Не хоронить ни память, ни друзей,
Во внуках узнавать черты родные.
И забывая про земных вождей,
смиренно посещать места святые.

Дай Боже нам земную благодать,
Пирующим у твоего престола.
И как бы нам Тебя не называть.
Дай нам вина в бокалы, не раздора.

Как хорошо когда пылает свет
прожитой жизни, а впотьмах не тлеет.
Кто как огонь горит на склоне лет,
тот никогда на свете не стареет.

Я в пояс кланяюсь Вам новые друзья,
За хлеб, что вы со мною разделили.
За то, что в дни мирского бытия.
Вы песнями мне душу освятили.

За то, что в ваших звонких голосах
Я услыхал звучание чонгури.
За тосты, что алмазами в речах,
Над Цаленджихой горестной сверкнули.

За то, что Вы на свете этом есть
И есть народ, в легендах древних славясь.
За вашу гордость и за вашу честь.
Мегрелия - чеми гули шентан арис!

Согласно грузинскому историку XI века Леонтию Мровели, у кавказских народов был один предок – **Таргамос.** Он был сыном Ноя и внуком Яфета. У Таргамоса было 8 сыновей, которые считались родоначальниками всех кавказских народов. Родоначальником грузин считается **Картлос**, сын Таргамоса. «Учебник по истории Грузии - http://rus.allgeo.org/»
Чонгури – музыкальный инструмент «Моё сердце с тобой - чеми гули шентан арис» с грузинского.

Светлана ТИТОВА/СВЕТЛАЯ

ГЕНИАЛЬНОМУ ПОЭТУ

Н.Ш.

Подземный родник проснулся с рассветом
В хвою проник и помчался по следу
Мысли,
пронзённой волей поэта.
Волшебным раскатом хрустального звона
Песни пролил в ручей полноводный.
Пусть напиваются люди и помнят,
Пусть наливают полными вёдра,
И наслаждаются вкусом свободым.

Пусть вторят поэту, плачут и спорят
Смеются от счастья снова и снова.
Слышат земли вековые рассказы,
Ищут родник,
с землёю он связан
С воздухом, с небом и светом сакральным…
Словом божественным и уникальным.
Вкусен, пронзителен, весел и звонок
Новорожденный стих без пелёнок.

Сибирским морозцем зубы щекочет,
Верой и ветром наполнится хочет...
Северный ветер так чист, так печален,
Знает о каждом, кто жив, кто отчалил...
в лодке Аида, путник опальный...
С нами сегодня - родник гениальный.

ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ И НЕБЕСНАЯ ОРФЕЯ И ЭВРИДИКИ

Посвящение читателю

Старательно пишу сей труд игривый,
Для Вас, читатель мой бесценный,
На суд высокий и степенный
Предание несу о старине болтливой.
Потешусь от души надеждой сладкой,
Что снова прочитав о трепете любви,
Со страстью вспомните былые дни,
Слезу смахнете в умилении украдкой...
Скажу собратьям по капризному перу
И острому читательскому глазу,
Что подражаю всем поэтам сразу,
Вселенским слогом тихо говорю.
О той любви, что спрятана в мирах,
В судьбе Орфея с нежной Эвридикой,
Встревожу в памяти сияющие лики,
Почившие в печально-сладких снах.
Для юности любовь - пора очарования:
Не внемлет смерти и не верит в увядание.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ. В ЦАРСТВЕ АИДА

Любовь недолгою бывает на земле
И расцветает только в небесах.
Разлука предрекает сердцу крах
Кифарой золотой, томимою в стихе.
Волшебно пение, где замирают птицы.
Танцует с нимфами лесными Эвридика.

Змея, живущая в пещере дикой,
Божественный почуяв звук и лица,
Смертельным ядом в царствие Аида
Жену Орфея подло отправляет,
Шипя в приюте мрачном исчезает.
Поблекла красота от Персефоны вида.
Во след бросается Орфей прекрасный
Спасти умершую жену из-под земли,
Явить на белый свет святой любви…
Немедля выбрав путь опасный.
Перед Аидом встав и Персефоной,
Поёт пронзительно Орфей, и звоном,
В краю теней над царственной короной,
Вздымает не покой - умерших стоны.
Слышны в аду уж пламенные волны
Под голос трепетный и нежный,
Что горько просит подарить надежду.
Проснулись тени, ожиданья полны.
Божеств подземных дрогнули сердца,
Покинуть царство мёртвых разрешили,
Однако, правила блюсти предупредили:
Тень Эвридики не увидеть до конца,
Покуда царство мёртвых не покинет,
Не потревожив тихий сон теней,
Пусть ищет Эвридике светлых дней,
Пока Аид ворота не задвинет:
«Иди. И не гляди назад!
Ступай до самых главных врат!
Пусть тенью полетит с тобой,
Судьбы суетная любовь!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ. ПУТЬ К СВЕТУ

Во тьме кромешной, в грязной влаге,
Дорогой долгою шагал Орфей.
Средь мрачного покоя и теней,
Наполнен гордости и юности отваги.
И потихоньку с Эвридикой говорил:
- Ответь, любовь моя, твоих шагов
Не слышу... И только эхо моих слов
Взлетает с каждым шагом выше…
А тишина, звенящая во тьме,
Изматывает дерзко душу мне...
Сказал: «Иди и не гляди назад!»
А как же вздох и робкий взгляд,
Что окрылить меня готов
В тяжелом мраке вечных снов?
Не ведаю, куда теперь иду…
На радость нам, иль на беду?
Кто там под кровом покрывал?
Кого же мне Аид послал? ...
Был взгляд его печален и уныл.
Вдруг перепутал иль забыл?
Что как не сбудутся надежды?..
Тогда любви моей одежды
Накроют Эвридику нежно...
Кифара нам споет прилежно
Волшебный любящий сонет.
Но Эвридики словно нет.
Шагаю, но шагов не слышу
Она мертва, она не дышит.
Жена! Ужель опять увижу!
Милейшего лица черты?

И оглянулся: Эвридика... ты?
Вспорхнула тень неслышная
Обратно, в царствие теней,
Не вспомнив тех минут и дней,
Где нежно пел любовь Орфей.
И мир земной забыл о ней.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ. СТРАДАНИЯ ОРФЕЯ

Как часто слышим мы, друзья,
Осиливший дорогу, не устанет,
Покуда его вера не оставит.
С чем убежденно соглашаюсь я.
Что ж, Эвридики призрачная тень,
Стремглав, сорвавшись, улетела,
Словно душа, что оставляет тело.
А впереди забрезжил яркий день.
Нарушив клятву данную, Орфей,
В страстях, ниспосланных судьбою,
Вскричал: «Что сделал я с тобою?»
На свет средь солнечных полей
Полился плач. Таинственных дверей
Навеки скрыла сумрачная мгла
Исчезла милая. Любимая ушла.
Кифара, голос - сладостный елей,
Не слышны Эвридике были... Ей
Надлежало: вечность и покой.
Забрали Боги девушку с собой.
Несчастный плакал наш Орфей...
Как пел Орфей, взывая к милой!
Но Зевс божественною силой

Метнувши молнии на небе синем,
Ворота адовы закрыл: Изыди!
Исчезли ворота, следы простыли,
Однако жертвенный влюбленный,
Предал себя любви неразделенной,
О той, что до сих пор мы не забыли...
Вот наш герой в унынии и скорби
Среди вакханок смелых, молодых,
Всегда смеющихся, не понимая их,
В тоске один печально бродит,
Утратив Эвридику, с нею - веру.
Иссякли звуки песен о любимой,
Уз брачных нет и к участи унылой
Мечта устремлена его в пещеру.

ПЕСНЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПОДАРОК АПОЛЛОНА

С небес всевидящий Бог Аполлон-
Отец прекрасной нежной Эвридики,
Орфея сверху радостно окликнул:
- Себе вредящий не свободен! Он
Подобен лесу с берегов двоих:
Один зеленый, но желты березы,
Над речкой тихою роняющие слезы.
Зачем, скажите, миру грустный стих?
Вакханок молодых, что жизни полны,
Ты развлеки веселой музою, поэт,
Не трать напрасно легких юных лет,
Купайся на волнах, утехи полных.
И лиру, полную страстей, он подарил.
Предмет, божественно хранимый,

Чтоб чувства пробуждать неодолимо
И от души смеясь, в Олимп отбыл.
Играл Орфей и музыка волшебная
Мир опрокинула и, нежностью окован,
Навеки каждый оказался очарован.
Читатель мой, поверь, сама Вселенная
Себя почувствовала девой пленною.
С ней все влюбленные в тот самый час
Любить желали, как в последний раз.
Там лира плакала морской сиреною…
Как пел Орфей в самозабвения часы!
Кружились нимфы, с ними Эвридика,
Смеялись смелые вакханки дико,
Свои бесстыдные раскинувши красы,
Толкая в бешенстве друг друга,
Желая покорить Орфею сердце,
Надеясь, в пляске отворится дверца,
Но танцы нимф не разрывают круга.
И злобой растревожены, вакханки,
Влюбленному желали тяжкой муки,
Отчаянно тянулись женщин руки,
В безумии бросая с веток палки.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ. ВСТРЕЧА НА НЕБЕСАХ

Кровавой пикой тирса прилетела,
Пронзив страшнее бурь горючих,
Больней терзая змей гремучих.
Вакханок диких битва закипела…
И зверь в кустах мелькнул двурогий,
С ним рвут куски кровавые убийцы,

Гримасы корчатся – бесовок лица.
Орфей молчит, не чувствуя тревоги.
Став жертвою, лежит в капкане,
Толпой поверженный в мгновение,
Застыв, без сил и без движения...
Среди видений призрачных в тумане
Чудесный юноша увидел сон:
Вернулась Эвридика - день настал,
Что в трепете любви он ожидал.
Теперь свершится судебный закон.
Отчетливее тень, любимая мелькает
И радость приближает утешения,
Миг торопя святого пробуждения.
И счастьем новым сердце замирает.
Миг настает и погибает злоба.
-Вставай, любимый! – шёпот нежный.
Любовью, верой, светлою надеждой
Супруги связаны навеки оба!
Перед Орфеем красотой живою
Блистает Эвридика, но не тень
И солнечный сияет ярко день,
Словно омыт водою ключевою.
Орфей и Эвридика снова вместе.
Рай познается после испытаний:
Испитой чаши боли и страданий,
Из чистоты и верности невестной.
Любовь земная мечется в неволе,
Небесная - дарует супругам.
И, за руку держа друг друга,
Влюбленные уж не страдают боле!

КАК ЧУДНО

Как чудно море в золоте восхода!
Ступает солнце гордо в небеса,
И негой томной дышит бирюза,
Земному бытию дарит свободу.

Сверкая под ресницами медуз,
Раскинутых на глади безмятежной
Протягивает море волны нежно,
Лениво отходя от сновиденья уз.

И с трепетом ничем неотделимым,
В солёной крови моря голубого,
Глубинные легенды вьются снова.
И жизнь кипит, с земною не сравнима.

День суетливо близится в зенит.
Изнемогая от любви, поёт земля,
Звенит плодами, вспаханы поля.
Стремительно день чайкою летит.

И вечер быстро и нежданно наступает.
Вновь пламенея пред ночным уходом,
Ложится солнце в море снова,
Чтобы до завтра отдохнуть, зевая…

Восход, закат и жизнь, что между ними.
Мир наполняет наш легендами иными.
Увидеть море мне бы в солнечном восходе
Чтоб улыбнуться на восторженном исходе.

ТАМ, ГДЕ СОЛНЦЕ ЖИВЁТ В АПЕЛЬСИНАХ

Нам горячей испанской крови!
На корриде – победы в бою!
Там живут, там дышат любовью.
Серенады любимым поют.
Там безумно ласкает море
И хрипит утомленно прибой,
Обещая любви и покоя
И зовёт и ждёт нас с тобой.
Там столетние древа в маслинах
В них кипит испанская честь,
Там, где солнце живёт в апельсинах,
Нам приют потерявшийся есть.

* * *

Я родилась шестого марта.
В час ранний, раннею весной.
Я знала, что случится завтра
Какою проживу судьбой...
В горах оставлены тюльпаны
И зреющие персики в садах.
В холодные сибирские туманы,
Где ссыльных лица на крестах,
Меня везли на долгую разлуку.
Хрустальный колокольный звон
Пропел мне сладостную муку –
Прощальный родственников стон.
Покуда тихо плакали украдкой:
– Вернётся, деточка, глядишь…
Приблизилась не детскою загадкой
Тайги всепоглощающая тишь...

Был удивлён случайный странник
Средь бела дня попавший в ночь –
Со света белого изгнанник,
Что Бог хотел ему помочь...

МОЯ МОЛИТВА

Молитву святую утром
Как будто судьбу творю,
В блеске икон перламутровом
Небо искренне благодарю
Дай Господи, мне утешать,
Но не ждать утешений,
Дай, Господи, мне понимать,
Не смотря на лишения,
Дай, Господи, мне любить.
А не ждать любви,
Помоги не жалея отдать,
Чтобы вновь обрести.
Кто прощает, тому простится,
Верю, надеюсь, люблю.
Так время Истиной длится.
Святым Духом судьбу творю.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Предчувствие большой беды,
Как обещание большого счастья.
Меня знобит осеннее ненастье
И вещие вершатся в жизни сны.

ПОСВЯЩЕНИЯ

Светлой памяти Вероники Тушновой

«Не отрекаются любя,
Ведь жизнь кончается не завтра»,
Я перестала ждать тебя,
А ты пришел! Совсем внезапно.
В прихожую, из темноты,
Встав по-гусарски, на колено,
Хотел покаяться в любви:
Сердечко вызволить из плена.
Отрёкся милый от любви
В тот день, когда стонали стены,
Из океанов всей земли
Залить пожар хватило пены.
«Не отрекаются любя»,-
Твердила ласково Вселенная,
Потухли искры без огня…
Любовь жила одна - нетленная.
Ушла эпоха мерзлоты...
Бессмысленно мое прощение.
Пусть улыбаются цветы,
Здесь праздник, а не поражение.
Живёт любовью человек,
Любовь даёт душе приют.
Дарует миру новый век...
Так ангелы с небес поют.
«Не отрекаются любя»,
На рубеже - вчера и завтра
Как не любить, мой друг, тебя
И детство школьное за партой?

Н.Ч.

У моей подруги, свет - Надежды
Стильно все: прическа и одежда.
Так уверенно она хлеба печет!
И всему на свете знает счёт.
Добротою светятся глаза...
В них сверкает иногда слеза.
Белочкою прыткой Надя вьется
Звонко, искренне, душой смеется.
Деток бесконечно мама любит,
Каждого, стараясь приголубить,
Презентует каждому мечту,
Гейзер, что дарует красоту.
Наденька для нас сама любовь,
Основание, земли сибирской, соль:
Из любви, из веры, из надежды
Песнею красивою и нежной.
Ручеёчком по земле журчит,
В Новгород или в Москву бежит.
Посетила всех, всем помогла,
Благо каждому приберегла.
Стебелечек счастья и добра
Прорастает, в нас живет она
Вечной памятью о щедрости души...
Потому мы так любить спешим.
Надя щедро душу раздает,
Как на мельницу водичку льёт
Засевает истин зерна на земле,
Я опять, Надюша,… о тебе...

А. ЖУРУ

Мой добрый друг, страдающий дурманом
Поэзии хмельной, что в нашу жизнь
Ворвалась огненным фонтаном
И каждый миг вершит чудной каприз...
Ах, наслаждаюсь я красоткою в тумане,
Приятно волшебство сверкает в раме...

Н.Ш.

Я знаю, друг мой, Вы другой,
Как - будто сотканный из солнца,
Вы светитесь в людских оконцах,
Как луг с ромашкой полевой...

ДИАЛОГ С ПОЭТОМ

«Не страшась истории теней,
не греша течениями и школами,
свита так играет королей,
что всегда их оставляет голыми!
Николай Шамсутдинов

Да, бесстыдна обнажённость королей,
И не терпит чистоты невинности.
Ловит блеск от собственных теней,
Но других уничтожает за провинности.
Безобразна тошнотворность наготы,
В облаках обмана из величия,
Угасает гениальность простоты,
Прорастают подлость и безличие.
Не завидна примитивной свиты роль,
Алчность утолить стремится двор.
Свиту лепит из ничтожества король,

Не знаком тщеславию позор,
Но сыграет свита злую роль,
Распахнув всех прелестей узор,
Чтоб утратил репутацию король.

ТОСТ К ДНЮ РОЖДЕНИЯ

С Днем рождения, красивый человек!
Счастья и здоровья Вам навек,
чтобы были ласковы к Вам люди,
за здоровье первый тост!
Ну, будем?..

И простого человеческого счастья,
непогода ни к чему нам и ненастья!
Рождены поскольку Вы для счастья!
И подробно мы это обсудим,
с Днем рождения, хороший человек!
Ну, будем?..

А еще Вам пожелать хочу удачи,
да и как же может быть иначе?
То, что есть, у нас уж не отнимут!
Потому врагов пора закинуть.
Все решает на земле Любовь,
пусть она приходит вновь и вновь.
Пусть живет на самом лучшем блюде!
С Днем рождения, мой друг!
Ну, будем?..

С Днем рождения, добрый человек!
Самым светлым пусть Ваш будет век!

БЛАЖЕН, КТО ВЕРИТ

Любовь приходит к тем, кто ждёт,
Кто любит жизнь, надеется и верит,
Она порою круглый год цветёт,
И в феврале, и в марте, и в апреле.
Она искрится в душах наших близких,
Она искрится в дорогих глазах,
Кому-то дарит ангельские крылья,
Кого-то просто носит на руках.
В ней зажигается лампадный свет,
О ней поёт нам колокольный звон.
И только с нею счастлив человек,
Блажен, кто верит, верит и влюблён!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Летний дождь свободно и неслышно
Спустился тихим влажным шелестом.
Над гроздьями рябины лился пышными,
Черемуху омыл душистой прелестью.
Погладил стены... крыши... огороды...
Живительной, дремотно-свежей влагою
У луж-озер – в глубинном небосводе
Оставил капельки, стучащие с отвагою
Чечётку в острых каблучках... Ещё...
Спал тихо город, глядя в радужные сны,
А летний дождь тихонечко ушёл,
На клумбах распустив волшебные цветы...

ТАК ТИХО...

Так тихо шуршал листопад за стеной.
На целую жизнь, мы прощались с тобой.
Как будто она у нас не одна...
Как будто вернёмся снова сюда,
Где счастье сидит у нас за столом,
Плещется морем, плачет дождём.
И каждой минутой я дорожу,
На целую жизнь я тебя провожу.
Двери закрою. Собрать чемодан.
Уйти, зачерстветь, стать сильной от ран!
И снова вернуться однажды в наш дом,
Где мы засыпали с тобою вдвоём,
Где наша подушка, под нашим окном,
Знает планету, где спрятан твой дом...

ВСЁ ЗАБИРАЕТ ОСЕНЬ В ПЛЕН

Я сердцем жажду вдохновения,
Сокрытого природной властью.
Ловлю блаженство отражения
На бликах осени прекрасной...
Парят и кружатся листы,
Как бытиё и боль утраты…
Томленье вечной красоты
Сокрыто в тонком аромате.
Все забирает осень в плен.
Все, кроме запаха цветенья-
Нетленной клетки бытия-
Всегда живущего творенья!

МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКАМ

Когда минуты жизни сочтены
И этот мир душа уже не слышит,
Стучится сердце у самой страны
Быстрее медики работают и выше:
- Не уходи, останься на Земле,
Их души обращаются к больному
Давай-ка, вспомним о весне,
О солнышке и близких по-иному...
Так много сделать предстоит
Вспахать поля, дома, построить,
Родить детей и жизни научить...
Давай же, друг, бороться стоит!
Халаты белые от верной смерти,
Страну спасут, Россию не отнять!
Призвание служить дано на веки,
Врачи умеют звание держать!
Для подвига настало время!
И высший долг вершится на Земле,
Надежное, бриллиантовое племя
Всегда в передних флангах на войне!

* * *

Ты примиряешь двух послов:
слова без смысла, смысл без слов?
В том, правда, судебных основ:
чем больше смысла, меньше слов,
Ты отрицать, мой друг, готов:
над СМЫСЛОМ властвует любовь.

Ольга ГУБИНА

ПОСЛЕДНИЕ СВОДКИ

Живём сейчас с тобой как на войне.
С утра листаем сводки о «Короне».
Потери велики. В какой стране
Мать протянула к Господу ладони?

Китай, Америка, Европа и Россия…
Убийца – вирус атакует всех.
На человечество объявлена охота.
И беззащитны мы, а у него успех.

Но выбор есть. Нас умоляют: ЛЮДИ!
СИДИТЕ ДОМА! Чтобы нить порвать.
И просят нас, и просят-то немного,
Чтоб пандемию в рамках удержать.

Побудьте дома с близкими, родными.
Читайте книги, верьте в доброту.
И выйдите потом совсем другими,
Поверив в мир, любовь и красоту.

Ведь жизнь идёт, её не остановишь,
И вы спешите подарить тепло.
Вы просто посидите дома,
Чтоб этот вирус к вам не принесло.

Проникнитесь, читая утром сводку,
Где, заболевших численность растёт,
Умерших список полниться печальный,
«Коронавирус» царствует, цветёт.

Поймите люди, лишь от нас зависит,
Прервать победный ход заразы сей.
Вас призывают, трудно не услышать,
И поберечь себя, родных, друзей.

СИДИТЕ ДОМА! Отдохните люди!
Листая сводки, понимайте то,
Что и от вас зависит - жить ли будем?
Для нас ли снова солнышко взошло?

СТАРИК – ОСЕНЬ

Старик – осень в рваной рубахе,
И заплатах увядших листов,
На дождливые нити нанижет
Серый войлок облаков.

Он озяб, он простужен, он болен.
Кашлем ветра кряхтит за окном,
И за серым пустующим полем,
Он сидит, за зори, камельком.

Старик – осень, насупивши брови,
Слёзы бросит в леса и луга,
Он уйдёт, потихоньку, не споря,
Отогреет беднягу зима.

Разоденет в песцовую шубу,
Шапку тёплую. Запоёт…
Отогреется старик – осень.
Под метельную песню уснёт

* * *

Я снова там, где нет тебя.
Встречаю осени рассветы,
На тропках я ищу себя
В потоке солнечного света.
С надеждой снова загляну за поворот,
Вдруг ты там где-то,
Но лист осенний упадёт,
Прощальное письмо от лета.
Я снова там, где нет тебя,
Где быть тебя, увы, не может,
Но почему надеюсь я
И ожидание тревожит?
Тропинкам нашим не сойтись,
Судьба нас развела далёко.
Но я шепчу себе: «Держись!»,
Ищу тебя за поворотом.
И снова там, где нет тебя,
Брожу я в осени устало,
Ищу, ищу саму себя,
Ведь без тебя меня не стало.

ЖЕНЩИНЕ

Вроде в ней ничего особого,
Ну, улыбка, ну - добрый взгляд,
Голос мягкий из детства далёкого,
Что манил много лет назад.
Смех, рассыпанный как горошинки,
Да походка – полёт синиц.
Теплота голубая льётся,

Солнцем брызжет из-под ресниц.
Ну, такая, как все. И всё – таки,
Как магнитом притянет взгляд.
Вроде в ней ничего особого,
Только каждый ей, правда, рад.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

А у нас с утра сегодня снег
Падает на жёлтые берёзы,
На озябших веточках рябин
Крупные рубиновые слёзы.

И дрожит под снегом космея,
Как щенок, что убежал из дома,
А зима грозит из-за угла,
Хмурится сердито и сурово.

Он растает, этот первый снег,
Осень ещё солнцем улыбнётся.
Космеи весёлый хоровод
Нежным ароматом разольётся.

Будут ещё тёплые деньки
Памятью прощальною о лете,
Только, как предвестники зимы,
Кружатся снежинки на рассвете.

А у нас с утра сегодня снег,
Чистые, как лебеди над полем,
В танце новом набирают темп,
Птицы, не живущие в неволе.

Лидия ЖУРАВЛЁВА

ТИХАЯ ОСЕНЬ

Она идёт устало, медленно,
Роняя золотые листья.
И на душе её размеренно,
Прозрачно, тихо, влажно, чисто.

Пора итожить то, что пройдено,
Гоня вопрос, а что осталось?
А новый круг, в стволах диковинно
Возникнув, приближает старость.

Извечно времени кружение.
Мы в нём с осеннею листвою
Летим куда-то и с волнением
Ждём непривычного покоя.

ГАДАНИЕ НА РЯБИНЕ

Урожай рябины нынче небывалый.
Значит, быть холодной затяжной зиме.
На поникших ветках тяжесть гроздьев алых
Зябкий вкус тревоги обещает мне.

Знаю, не поспоришь с верною приметой:
У природы норов – он всегда крутой.
И не зря народ «готовит сани летом»,
Чтобы не бояться встретиться с зимой.

Даже редкий лучик прибавляет силы,
Надо эту радость попросту копить.
Запасу тепла я, чтоб с лихвой хватило
Зимушку без страха пе-ре-жить.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ОСЕННЕМУ ЛИСТУ

Перед тем, как раствориться
В безответной мгле,
Жёлтый лист на грудь ложится
Матушке земле.

Прижимается, без силы,
Как больной малыш,
Чтоб услышать голос милый:
«Ты ещё не спишь?

Спи, родной, и пусть цветные
Ты увидишь сны...»
Листья вырастут другие
У другой весны…

О тебе вздохну печально,
И слетит с ветвей
Тихий дождик слёз хрустальных –
Память летних дней.

ГУЛЯЩАЯ ОСЕНЬ

Забродила, загуляла девкой рыжею
Осень яркая, нахальная, бесстыжая.
Наспех сбросила одежды ветру под ноги,
И - нагой ему явилась, сумасбродная.

И опешил буйный ветер, как пред омутом,
Наготой и красотой девичьей тронутый,
Да, сломя свою отчаянну головушку,
Так и ринулся любви отведать вволюшку…

И звенела тишь усталая, осенняя,
Словно колокол, устав от наслаждения.

* * *

Осенний день задумчив, тих и ярок.
И взрывом – буйство солнечного света!..
Природа подарила мне подарок.
Зовётся он чудесно: бабье лето.

Недолог женский век, любовь проходит
В дождях разлук, в снегах потерь нежданных.
Но бабьим летом будто снова бродит
Сок вешний непогашенных желаний.

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

Когда мы были молоды, казалось,
Что шар земной несём в своих руках.
И счастье рядом, подождать лишь малость.
И сбудутся мечты, исчезнет страх.

Карабкаясь по жизненным уступам,
Не выбирали проторённых троп.
Идти вперёд и вверх! И, курс не спутав,
Добрались до вершин мы, кто как смог.

Но в час бессонный малая минутка
Вонзает в сердце каверзный вопрос:
А всё, что мог, ты сделал? Жизнь – не шутка,
Держи ответ по-взрослому, всерьёз.

Вмиг во сне забудешь, видя тени,
С которыми нельзя поговорить.
И отзвуки тревожащих мгновений
Ты долго будешь в памяти хранить.

ЗАКЛАДКИ НА ПАМЯТЬ

Жизнь, как книгу, не перелистать.
Но в неспящем сердце ночью, днём
Строчки, как закладки, помечать
Привыкают всё, что живо в нём.

Не как фото, а как слепки чувств,
Каждое мгновение – кристалл,
Угадать в котором я берусь
То, что он до времени скрывал.

Я осталась прежней или нет? –
Разобраться вряд ли мне дано.
Я пытаюсь разглядеть на свет
Сотканное жизнью полотно.

Всё ли было ровно? По душе?
Не кривило строчку ли порой?
Не слетала ль я на вираже,
Соблазнясь дорогою другой?

Было много трудных переправ.
Только, одиночество гоня,
Преданных друзей душевный нрав,
Словно оберег хранил меня.

Главное открытие сейчас
С детским удивленьем приму:
То, что исчезает мигом час
И, дразня, скрывается во тьму.

ЛЕТЯТ ГОДА

Летят года, как с горки ледяной,
И оставляют сзади чьи-то лица,
Которым суждено не повториться
Ни в этой нашей жизни, ни в иной.
Метельных дней лихой водоворот
Кружит и словно душу жжёт морозом,
И, ветром сдув непрошеные слёзы,
Тихонько наступает Новый год.
Но не обманет душу белизна:
Хрустящей снежной грустью контур задан, –
Всё чаще снег напоминает саван,
Всё реже ослепляет новизна.

СЧАСТЬЯ КРУПИЦЫ

Счастья крупицы я - бусинку к бусинке,
Прятала с трепетом, трогая бережно.
Пусть украшенья мои безыскусные,
Только цена их для сердца не меряна.

Перебираю минуточку каждую
Я, словно чётки, порою вечернею.
За каждый миг небесам благодарна я,
Был полон счастья он, в этом уверена.

Всё, что по правилам жизни досталось мне,
Было Любовью стократ приумножено.
Чувство минутного счастья как таинства
В гены и сыну, и внуку заложено.

Чтоб не сломала их злоба вчерашняя,
Чтобы не сбила их нечисть проклятая,
Чтобы шагали по жизни, бесстрашные,
С бусинкой счастья у сердца - от матери.

Людмила ТКАЧЕНКО/Мила РОМАНОВА

* * *

Мне не больно... ну может лишь только немножко.
Просто грусть накатила нежданной волной.
В бочке мёда всё та же проклятая ложка
Может дёгтя. А может отравы чужой.
Я не плачу. Ну что вы! Всего лишь дождинка
На щеке задержалась. Дождило с утра.
Август моросью сеет. Туманная дымка
За окном, и на сердце. Такая пора.
Нет уже ожиданий, претензий к погоде.
Дни стремительно тают, как сладкий пломбир.
Ни о чём не жалею. Я сильная… вроде…
Это «сильная» вовсе затёрто до дыр.
Да. Немного взгрустнулось. Проклятая ложка
в бочке мёда. Заканчивать это пора...
Мне не больно... ну может лишь только немножко.
И лишь капельку жаль, что дождило с утра...

* * *

«Умирать не хочу в этом месте» - вчера ты сказал,
Впрочем, жить здесь, наверное,
ты ещё того меньше желаешь.
И остался вокзал…
За спиною остался вокзал.
Не уйти, не сбежать… Даже если сейчас уезжаешь.
Как в картинах Дали, очертанья беспомощных тел,
И огромный гигант без лица… у крутого обрыва…
Мы когда-то не сделали… Или потом не смогли
И осталась лишь горечь. И память провала, надрыва.

Ты сейчас уезжаешь, но знаю, вернёшься опять.
Обещанья, условности снова плетут паутину.
А вчера мне сказал, что не хочешь здесь умирать.
Впрочем, разницы нет…
Ведь выходит такая картина.
Синтетический день разразится кислотным дождём.
Я промокну насквозь.
Нужно слушать прогнозы погоды.
Ты вернешься сюда.
Потому что твой временный дом
Постарел, обветшал и истёрся за все эти годы.
Ты вернёшься сюда. Хоть не хочешь здесь умирать.
Перспектива такая, тебя и бодрит и пугает.
И исчезнет вдруг время. Но после - родится опять,
А в обыденных снах фантастический город растает…

* * *

В твоих зрачках качается закат,
Снежинки в сером сумраке стеной…
Любовь прошла. Никто не виноват,
Ведь жизнь идёт привычной чередой.
Привычной чередой – минут поток
Во времени – лишь узкая тропа,
Я для тебя, наверное, урок,
Ты для меня, наверное, судьба!
Играет ветер снегом за окном,
И убегает, нас с собой маня…
Я стану для тебя декабрьским сном,
Ты зимней сказкой станешь для меня.
Остынет кофе и погаснет свет,
И вдруг поймёшь, что это всё всерьёз.

Ты на вопросы все мои – ответ,
Я для тебя – один сплошной вопрос.
Расстаться просто. Мне не тяжело.
Но хочется как в фильме – навсегда!
А в парке вдруг сугробы намело,
Сентиментальность, право, ерунда…

Этот вечер опускает мне на плечи
Фиолетовую шаль.
Стали медленнее речи,
В сумерках мерцают свечи,
Догорают и сгорают.
Ах, как жаль!
Слово может стать кинжалом,
Или острым злобным жалом,
Слово может воскресить.
Может вылечить и ранить
И надежду дать. И радость.
Иль убить.
Вечер тайну закрывает,
Он резвится, он играет
Что сказать?
Вечер точно правду знает,
Вечер сердце закрывает
На Безмолвия – печать.
В сумерках мерцают свечи,
Догорают и сгорают.
Ах, как жаль!
У меня озябли плечи,
Завернусь-ка я покрепче
В фиолетовую шаль…

* * *

Сыплет ветер пепел на погоны,
За спиной пока ещё друзья.
Пять шагов. И лик святой иконы
Станет явью. Стану былью я.
Пять шагов. Не много и не мало,
Чтоб понять принять их и простить…
Сердце будто оборвалось. Встало.
И не в силах я его пустить.
Там друзья. Грохочет канонада.
Я спиною слышу каждый звук.
Пять шагов мне просто сделать надо,
Чтоб избавить их, себя от мук.
Китель серый мокрым стал от пота,
Только нет! Не правда! Не боюсь!
Командир! Я вёл под пули роту!
Ты ведь знаешь – я солдат! Не трус!
Дезертир… Но кто поймёт причину?
Выслушает правду – почему?
Но молчу… Я всё-таки мужчина,
Объясненья, право, ни к чему.
Я смогу… Я знаю, что сумею…
Канонада где-то там вдали…
«Господи! Просить тебя не смею!
Но! Спаси!»
Взлетело эхом: – «Пли!»

Татьяна АНДРИЯНОВА

ВЕЧЕР

Как вечер разлёгся комфортно
И звёзды на небе включил!
Росою прохладной, бесспорно,
Цветов аромат освежил.
Был вечер чуть – чуть шаловливым,
Играя с Полярной звездой.
И ветра лохматою гривой
Махал, словно дворник метлой.

Клочками туманы развесил
Наш вечер – влюблённый чудак.
Пел лучшие песни на свете,
Твердя, что поём мы не так.
Признался речушке соседской,
Что с детства в неё был влюблён.
И сном, словно с рыбкою сеткой,
В ту сказку рекой унесён.

ЗАБЫТАЯ КОШКА

Я брожу, словно старая кошка,
Что забыли с собою забрать.
Посижу у окна я немножко,
На дорогу я выйду опять.
Проберётся слеза по морщине,
В сердце кто – то иголку воткнёт.
Сколько нас, вот таких, в целом мире,
Что от встречи до встречи живёт.
Нам, порою, звонить забывают,

Словно нет нас на свете уже.
Молодые – они же не знают,
Как тревожно за них на душе.
А что с кошкой себя я сравнила,
Их немало, бездомных, живёт.
Забывают по осени милых,
И никто и нигде их не ждёт.
Только мы с ними дружбу заводим,
Кормим, холим, ругаем порой.
И приюты для них мы находим,
И приводим бесхозных домой.

ТАЛАНТЛИВАЯ ОСЕНЬ

Талантов у рыжей красавицы масса.
Берёт с собой кисть, акварель или масло.
Старается нам свою душу излить,
Природой прекрасною нас удивить.
То было вчера. А сегодня – другая.
На скрипке мелодию тихо играет.
Конечно, свою. Ну, а как же иначе?
А скрипка смеется! А скрипка – то плачет!

Откроем в ноябрь потихонечку дверь,
Танцует в балете уж осень теперь.
В такие минуты её ты не трожь.
Изящней, пластичней её не найдёшь.
Ну что, убедился: талантлива осень.
И все получается, что ни попросим:
Поёт и танцует, легко шьёт наряды.
Умеет всё осень. Мы этому рады.

Светлана МООР /ВЕТА МООР

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

Природа - колыбель моя.
Любовь твоя неистребима.
И оттого - невыносимо,
А вдруг, она – обречена?

Белый цвет - чистота.
Белый снег - холода.
Белый стан - нагота.
Белый луг - красота.
Белый лик - рядом смерть.
Белизна - круговерть.

Не новый год, а обновленье.
Не новый снег, а новизна.
И солнце новое, чудесное
Подарит новая весна.

У Весны позывные сигналы:
Аромат разливает сирень.
И тюльпанчик заплещется алый
И длиннее становится день.

Все цвета есть - вот мозаика.
Жизнь - одни полутона.
Разукрашу тебя заново.
Моя новая весна.

Не первую весну встречаю,
А это чувство вновь и вновь,
Что не встречаю, провожаю
Тебя, насмешница-любовь.

Весенний аромат,
Любовное движенье.
А солнечный закат –
Начало пробужденья!

Кристаллики - хрустальные,
Хрусталики - кристальные.
Летите вы - и таете,
И навсегда вы - тайные.

Родиться... И снова увидеть,
Что жизнь обновленья полна.
Любовь торжествует! И бродит
По нашей планете ВЕСНА!

Безгрешных нет. И многолика
В кружении своем Земля.
Плывет неспешно по орбите
Моя счастливая Звезда.

Расправив крылья, парю я в облаках.
Здесь дышится легко, светло, вольготно.
А на земле витает страх
И вечные житейские заботы.

Должна решать, что хорошо, что худо,
Разгадывая чудеса.

В смертельной схватке бьюсь с самим Иудой,
Осваивая небеса.

Я вас люблю, пока жива.
А нет меня - и все пропало.
Я - снег, я - воздух, я - трава.
Я - все вокруг... Меня так мало.

Цветы живые на столе:
Желтится роскошью мимоза-
Пьянящий аромат полей-
И робкие росточки розы…

Единственный Ваш глас с небес
Добрался до тюменской дачи.
Я от работы уже плачу…
Душа в восторге: небо, лес!!!

Черта и грань… Ты перейди черту,
А грань – сотри!
Окажешься в другом пространстве,
Где светит солнце и цветут сады!

Апрель – кружит метель!
В тумане голова.
А к вечеру – безумная капель.
И я еще жива…

Лето сменило Весну:
Солнце меня рассмешило.
Утром в тревоге проснусь:
Что-то опять упустила…

И Солнца луч взойдет на небеса,
И рано утром выпадет роса.
А мир наполнится любовью и теплом,
Зеленой свежестью и новым Божеством…

Философия жизни – загадка:
Как достойно пройти, не спеша?
А в саду разноцветная грядка
Утверждает, что жизнь хороша!

Яблоневый снег в июне.
Аромат. Кружится голова.
Ветер лепестки целует.
И белеет инеем трава.

Колыбель мою качает лето,
Погружаюсь мысленно в жару.
Там за горизонтом, в лучах света
Родилась я, там же и умру.

В белом радуга сокрыта,
Как любовь в душе твоей.
Непорочна и умыта
Стала полностью моей.

Лето сменило одежды,
Вновь нацепив балахон,
Тайные наши надежды
Выбросим вновь на балкон.

Поэзия таит в себе сомнения и грусть…
И радости полна. И неизменно

Пройти все испытания. И пусть
Счастливые наступят перемены.

И мысль моя витала, кружилось все вокруг.
Реальность, вымысел соединились вдруг…
Чего-то точно я не знала, а думать не могла:
В плену сомнений,… узрев в квадрате три угла.

Ты – радуга!
Ты - небо!
Ты – звезда!
И ждать чего?
Предсказывать не стану…
Смешной, в слезах:
Люблю тебя всегда.
Ты – совершенство!
Нет в тебе изъяна.

Август. Вечер. Сияют огни.
Не достроена наша беседка…
Ты мне знойное лето верни
Той любви безрассудной и редкой…

Явилось солнце, наконец.
И светом озарило горы.
И гимн разбуженных сердец
Кавказ наполнил звонким хором.

Сошла на сердце благодать:
Парилка, дождь с небес струится.
Как можно было все создать:
От пестика цветка до мысли.

Озеро. Лодка. Парит надо мной
Небо в своей безмятежности юной.
В сердце закрались и лень, и покой,
Катится день к своей ноченьке лунной.

Мухомор - лесной красавец
Терпишь много ты обид.
Красоту твою не ценят,
Потому ты - ядовит.

Серая, страшная. Но лягушка!
Она слышит, как сердце мое плачет.
Как жаль! Была бы послушной…
И было бы все иначе.

Гладиолус склонил голову…
Улыбается мне. Говорит,
Я не слышу. Всего одно слово…
Обломился, упал и молчит…

Торжество хрупкой жизни
На краю лепестка…
Созерцаем. Бесследно
Улетает тоска.

Живёт, всегда, не умолкая,
Тревожа всех и день, и ночь.
Она: то добрая, то злая.
И не прогонишь её прочь.

Прикоснуться к прекрасному:
Вновь трепещет душа…

Нет печали. Напрасно
Непогода пришла…

Не золоти меня лучом,
Моя кокетливая осень.
Мы все тебя о чем-то просим.
Ты - дверь, с потерянным ключом.

Несравненный цветок гладиолус.
День рождения - огромный букет.
Четверть века. Божественный голос -
Твой единственный в прозе - сонет.

Бабье лето! Счастье! Все нарядится!
Снова лето! Платьице в горох!
В перспективе точно жизнь наладится.
От любви зацвел чертополох.

Снова солнце играет. Тепло.
Золотит уходящая осень.
Изумруд пробудившихся сосен.
Бабье лето нежданно пришло.

Красный огненный шар в горизонте -
Утомленное солнце вальяжно плывет.
В октябре летний день до прозрачности звонкий.
И мой белый ковер в опьяненье цветет.

Острова стабильности тяжелых элементов –
Вечности седеющая власть.
Мир в сетях одномоментный –
Точка. В нем легко пропасть.

Гроза, когда ничто не предвещает
Движение космических светил.
И сколько не гадай, никто не знает,
Когда и для кого сей час пробил.

Мелодия осени – в крапинку лист,
Море досадных, смешных мелочей.
И отраженье огней, дождик и вечер ничей.
На шелестящей афише – поющий артист.
Все - отрешенье.

Рябина пронзительно красного цвета.
С октябрьской вольницей лето - в бега.
В лучах предзакатных сияньем одета.
И ей не страшны холода и снега.

Новый год не в Риме, не в Париже,
На тюменской Северной земле.
Край таежный и любовью движим…
Жаль, сидит на нефтяной игле.

Выпал снег, как белый флаг надежды,
Станет чище стылая душа.
Наряжаюсь в белые одежды -
Оттого светло. Жизнь - хороша!

Пушистый, нежный, свежий
Разлегся, белизной, слепит!
А красота все реже - реже
Спешащих путников пленит…

Уже весна смеется и летает,
Вспорхнула стайка беспокойных птиц.
Природа дремлет, снова посылает:
И дождь, и снег, и мрачность скучных лиц.

Ну, что же? Пусть не слушаешь порою,
Прощаю всё, да хороша сама.
Как радостно, что мы всегда с тобою:
Весна и лето, осень и зима!

«Короновирус» без короны,
Но, словно, он и Бог, и царь.
Он нарушает все законы:
Всех без разбора на алтарь…

* * *

Короткая жизнь -
Все нам мало.
Рожденье, сумятица, смерть.
Так времени не хватало
Родиться и умереть.

И заново появиться
На новой петле виража.
Любовь и весна возродится
В потухших навеки глазах.

Кровь внучки моей заиграет,
Возьмется она за перо.
Я снова, я снова - живая!
Поэта живёт ремесло.

* * *

И вот, подкралась вновь бессонница.
Я не жена и не любовница
У короля безумных лир.
Я - мот, я - попросту транжир
Бесценного лекарства - сна.
И потому - всегда больна.
А результат - четыре строчки-
Я не дошла еще «до точки».
Я и «до ручки» не дошла,
Вздремнула, в царство снов взошла.
Не разберу: где явь, где сон:
Я - королева! Где ж мой трон?

РОЖДЕНИЕ

Июльский зной -
Цветущая пора.
На свет является лечебная трава.
На свет рождается
Загадка-человек.
Живет, поёт.
И смотришь,
Прожит век.
Любовь сжигает
Нежные сердца...
Ты эту чашу
Выпей до конца.
Она живой
Волшебный эликсир.
Цветы любви
Преображают мир.

ПИСЬМО В ДЕТСТВО

Я каждый день письмо тебе пишу:
От пробужденья позднего к обеду
До раннего утра. Прощения прошу.
И каждый день веду с тобой беседу.
Родная мама, только не сердись,
Пусть твои думы сердца не кручинят.
Ты в детство, словно в зеркало вглядись,
И все твои печали мигом сгинут.
Любовь как перст, любовь как божий дар.
Он мне тобой одной дарован.
Любовь - костер. Любви пожар:
Весь мир любовью околдован.
Я - тоже мать. И мне, когда темно,
Я в детство ухожу. И понимаю:
Письмо отправить мне не суждено...
Я просто, мама, адреса не знаю.

* * *

Не испытывай, Боже, терпенье мое:
Не для всех твои строгие правила.
В детстве видела «Око» твое:
Не слова, а дела наши праведны.
Я предстану пред страшным судом:
Не святая и даже не грешница.
Лучше я объясню все потом…
Но глаза мои больше не светятся.
Ну, зачем тебе, Боже, нужна
«Никакая», такая послушница?
Накажи меня, Боже, сполна,

Может, что-то, возможно, улучшится.
Между небом и между землей:
Так по жизни пройду непослушною…
А уйду – стану в небе звездой,
Стану самой любимой и лучшею.

МУЗЫКА ОСЕНИ

Слякоть не смогла омрачить твою душу.
Стук дождя о стекло - погрусти и послушай:
Ксилофон-перезвон… Вновь игра интонаций.
И из листьев цветных – островки аппликаций.
А зеркальный асфальт: отраженье-мерцанье огней
К изумлению старых, понурых, простых фонарей.
И несчастье роскошных, забытых, закрытых, дверей –
В «храмах» мрак при сиянии сотни зажженных свечей.
Пробуди, осень, музыку! Освети вечер мой, вечер твой,
Загулявшее счастье найдется и завтра вернется домой.

* * *

Спаси меня, орган!
И по спирали – на небеса, кружа.
Все истины – обман:
В рыданиях – очистится душа.
Богатство звуков и любовь
Другого мира. Планета
Гармонии и звуков. Вновь
Навязчивые мысли без ответа.
Многоголосье хора.
Безумных вихрей круговерть,
Бездонность океанов. Горы.
Рождение и смерть.

* * *

Солнце в угаре, лето в разгаре –
Время гуляний и отпусков,
Люди при шляпах, люди в загаре,
В пестрых одеждах радужных снов.
Жаркое лето – пора ожиданий,
Время надежд, неожиданных встреч,
Как на кофейной гуще гадания.
Взять, на лужайке зеленой прилечь.
И помечтать о шуршащем прибое,
И о соленой лечебной воде,
Об островах - целовались с тобою…
Знойное лето со мною везде.

* * *

Мелодия ветра,
Симфония ночи,
Я с вами сегодня.
И я не одна.
Мне снова удачу
Судьба напророчит,
А утром - обманет:
Все смоет волна.
Волна от прилива,
Волна от отлива:
Качается в небе
Шутница-луна.
Разрушится все,
Что я только слепила
Из света и тьмы,
Из воды и огня.

БЕСЕДА С ЗЕРКАЛОМ

Ты не безмолвствуй,
Скажи мне:
За всё ль я в ответе?
Что удалось,
А чего мне Господь не послал?

Думаю я, что он всех там поймет и приветит:
Всех, кто просил,
Тех, кто плакал,
Кто, молча, кричал.

Всё, что у нас в упоенье и долго копили:
Кто приумножил,
А кто-то и всё растерял.
Господи, как я любила!
Молила!
Ты мне вернул мою жизнь - мою дочку,
А мамину взял.

В жизненном цикле
Нет знаков и нет исключенья:
В муках пришли,
Все когда-то, куда-то уйдем.

Только одни предаются глухому забвенью,
Ну, а любимых и верных в сердцах бережем…

Тамара ЗУЕВА

ПОЮ ТЕБЯ, ЗЕМЛЯ СВЯТАЯ

Белоснежный край мне вечно снится,
Здесь встают сугробы на дыбы.
И Югра, в туманах чаровница,
Стала мне наперсницей судьбы…

Я пою тебя, земля святая.
Бьют в колокола твои ветра,
Льётся чудо, к Богу улетая,
Будит город ласково заря.

Часто здесь куражатся метели,
Споря с тишью матушки-зимы,
И несут пургу и канители,
На рассвете и средь стылой тьмы.

Детям нашим не страшны морозы,
Зимних вьюг мы любим карусель,
Хоть и не растут здесь абрикосы,
Север нашим душам – цитадель.

Выпестован сильными руками,
В холод ты прекрасен и в капель,
Округ наш, прославленный делами,
Стынь – для самых стойких – колыбель.

Никуда мне от тебя не деться,
Древняя и юная Югра,
Ты навек приворожила сердце,
Став моей наперсницей пера….

ПРО СЕВЕР

Шептали книжки мне про Север,
Про вьюги, холод и тайгу,
Где вольно дышит стылый ветер,
Где восторгаться я могу

Зимой, без устали бегущей,
И глушью дремлющих лесов,
Метелью над судьбой поющей
Под тихий звон колоколов,

Живительны с причудой сказы,
И облас лёгкий, и олень,
Щедры морозы на проказы,
Пушистых крон приятна тень.

Тут ночи белые крылаты,
Полны туманы колдовства,
Урманы красками богаты
В природном стане естества.

По воле смелого народа
Здесь бьёт фонтан дремучих недр,
Пленит Югорская природа,
Где Самотлор велик и щедр!

Здесь сказка Севера чарует,
Средь небыли рождая быль,
И вечность по снегам кочует,
И кружит ветер быстрокрыл…

СЕВЕР – ЮГ

Шёпот моря, с ветрами сливаясь,
Дарит сказки таинственных звёзд,
Приумолкнет волна, разбегаясь,
Разобьётся на капельки слёз...

Я, умывшись солёною тайной,
Слышу байки морского царя,
Поднимусь в ночь над синью бескрайней,
Смелой чайкою к дому паря...

А в глуши, за таёжною далью,
Молча прячется в кедрах луна,
И Вселенная кружит спиралью,
И рябина грустит у окна…

Мне другие волшебные сказки
Лес урманный на сон говорит,
Часто ветер заводит здесь дрязги,
Рвётся в двери, ворчлив и сердит.

Вглубь тайги по просторам зелёным
Смело сосны идут – корабли,
И гудят, и шумят мачты-кроны,
Каравеллы Югорской земли…

А за далью далёкой – далёкой
Море звонкие песни поёт,
И Кубанью зовёт синеокой,
И покоя душе не даёт…

* * *

Спасибо, поющим волнам Самотлора,
Где вечное мужество правило бал,
Здесь делал шаги свои первые город,
В тайгу для великих свершений позвал.

Как старых знакомых, Сибирь, обнимая,
Приют подарила под колким дождём,
Согретый любовью сурового края,
Народ загорелся и сам стал огнём!

Спасибо за эти манящие дали,
За искристый пух лебединых снегов,
Который, кружа невесомою стаей,
На окна летел подраставших домов.

Романтики в душах, тепла не теряя,
Огни буровых зажигали в ночи,
Оставшись в глуши белоснежного края,
Уюту столиц Самотлор предпочли!

Спасибо, что дали отпор злобной стуже,
От туч мошкары не сбежали назад,
И нефть, что покоилась дальше и глубже,
Была покорённой отвагой ребят!

Застряв в холодах, где вы, клад отыскали,
За чёрным богатством шагая, как в бой,
Победы трудяг записав на скрижали,
Навеки зажгли своей яркой судьбой.

Спасибо, что вас глухомань приютила,
Бродяг собирая у дымных костров,
Что стали Югре и опорой, и силой
Под струны гитар и под песни ветров!

Сергей ЦЕЛЫХ

ПОЛЁТ НАД ТАЙГОЙ

Вмиг раздвинулись вширь горизонты.
Я в «борту» с пересменки лечу.
И, любуясь родимой сторонкой,
Я в душе от восторга кричу.
А под нами таёжное море
Изумрудною плещет волной,
И деревья в нарядном уборе
Восхищают своей красотой.

Кедры круглые шапки одели,
А у ели – колпак шутовской,
Лишь берёзка – подружка метелиц
С непокрытой стоит головой.
А вокруг полыхает зарница,
Словно яркого света река.
Я лечу в этом свете, как птица,
Обнимая рукой облака.

ЮГОРСКАЯ РЯБИНУШКА

Об Уральской рябинушке песню
Вы слыхали, конечно, не раз
Ну, а я, о Югорской рябине
Расскажу вам сейчас без прикрас

Могучий кедр с кудрявою вершиной
Красуется у нашего балка.
С его ветвей трель песен соловьиных
Уносит ветерок под облака.

А у корней, от ветерка качаясь,
Легонько опираясь на забор,

Рябиночка, к стволу его прижавшись,
Ведёт с ним задушевный разговор.

Весной и летом, под луной и солнцем,
Под ветра шум и пенье соловья
Тихонько шепчут листики иголкам
Желанные, заветные слова.

А в тех словах восторги и печали,
А в тех словах признания в любви.
О них мне по секрету рассказали
Своею песней птахи – соловьи.

ЭТЮД

В пурпуре осинки
Стоят у тропинки
Стоят, как солдатики в ряд.

А в жёлтом – берёзки
Сбежали с дорожки
И в воду, любуясь, глядят.

И все они вместе,
Как в загсе невесты,
Надели свой лучший наряд.

Лишь кедры и ели
В зелёных шинелях
На страже порядка стоят.

ОСЕНЬ

Уже устало солнце греть,
Дожди всё мельче и тоскливей.
Листвы узорчатая медь
Слетает под ноги красиво.

Кружится красок хоровод
В осенних переливах света,
А время движется вперёд
И в прошлое уходит лето.

А ветерок бежит за нами,
Листочком золотым играя,
Теперь уже не за горами
Зима-проказница седая.

* * *

Ветер кружит у окошка.
На дворе белым – бело.
Все тропинки, все дорожки
В одночасье замело.

Разгулялась непогода
И в дугу деревья гнёт,
И с заката до восхода
Только темень, снег и лёд.

Вся земля в тумане будто,
Но я знаю наперёд
Час придёт, наступит утро
Снова солнышко взойдёт.

* * *

И на Север пришла весна,
В ручейки превратились и лужи
Ослепительные снега,
Принесённые зимней стужей.

В небе солнце и синева
И капель в барабан играет
И сквозь сказочные леса
К нам победно весна шагает.

БЕРЁЗКИ

Две берёзки-сестрички год, который подряд
Перед стужей осенней поменяли наряд.

Изумрудные платья поменяли не глядя
На парчу золотую, дорогие наряды.

Только ветры осенние что-то грубыми стали
У берёзок наряды на кусочки порвали.

И стоят они грустные в лихолетье осеннем
Ждут, когда их зима в серебро разоденет.

Две берёзки-сестрички вновь весенней порой
Надевают наряды красоты неземной.

И шикарные платья изумрудного цвета
Надевают опять, как и каждое лето.

Как и каждое лето нарядились в обновы,
Чтоб своей красотой нас порадовать снова.

И стоят, как царицы в изумрудном тумане,
Восхищая нас всех красотой и духами.

* * *

Расцветает купол неба звёздной пылью.
Ветерок разносит песни ввысь и вширь
И живём мы – покорённые Сибирью
И влюблённые в прекрасную Сибирь.

Ирина ГИМПЕЛЬ

История Югры

(сказание)

Лишь немного добавив усилий,
Чтоб не зря свою жизнь пыля,
Я осилю, конечно осилю
Мудрость древнего бытия.

Веков за семь до рождества Христова,
Когда метал на сушу жемчуг океан,
Рождается великая история,
Которую хочу поведать вам.
Облюбовав таёжное пространство
И заселив места вдоль русла рек,
Без всякого излишнего жеманства,
Свой первый чум поставил человек.

Богатые леса пушной Сибири,
Где в реках рыба бьётся через край,
И дикорос по всей по таёжной шири –
Для жизни был природы дивный рай.
Свой быт, обряды и традиции
И строго разделение труда –
Мужчина Севера – еды добытчик,
А женщина – хранитель очага.

Раскинув стойбища до Енисея,
Вдыхая вольный свет зари,
Шаманским бубнам свято веря,
Оберегали все обычаи свои.
Века листали в прошлое страницы,
Гонения, набеги, суета...
Сжимались до реки Оби границы
И не было завистникам конца.

Бог Торум по небу летая,

Расшитый пояс на земь уронил,
И стал он камнем, до небес взмывая,
Собою с запада народ огородил.
Народ не гордый и душою чистый,
Как белоснежный новогодний снег,
На землю падая, кружась, искрится...
К концу пришёл одиннадцатый век.

По указу князя Мономаха,
Новгородцев небольшой отряд,
Сквозь урманы, кущи и болота
Шёл неведомые земли открывать.
Годами, пробиваясь через дебри,
Природы первозданной тронув стан,
Нашли они неведомые земли,
Их встретил неприветливо туман.

Туман карабкался на скалы,
В реке слюда звенит стеклом,
А за рекой стеною камень
И в нём пробитое окно.
В оленьих парках люди ходят,
Речь непонятная звучит,
В оконном маленьком проходе
Меха меняют на ножи.

Вначале следующего века,
Югру внесли в Руси в реестр,
Открыв печалью в новой вехе –
Нести тяжёлый страшный крест.
В обход по морю-океану,
Вверх, через Обскую губу,
Пришли с Московии славяне,
Не для того, чтоб жить в ладу.

За двести лет до меньщиковской ссылки,
На земли те пришёл Ермак,

Чтобы сразиться с «братом меньшим»
И кровь пролить в святых местах.
Уш Ойко ста-аренький рассказывал,
Про жизнь нелёгкую свою,
Когда казак пришёл на землю ханты,
Все дружно вышли на борьбу.

А ось опять в рассвет багряный
Земное время двигает вперёд
По смутным хлипким магистралям...
В двадцатый век тридцатый год.
Вплетается в поляны хрупкий бисер,
Брусники гроздья спелые висят...
Кровавый конский след шёл от столицы,
Туда, где чумы мирные стоят.

Большевиков настало время
Здесь все крушить и убивать,
Насильно заставляли племя,
Чтоб христианство принимать.
Земля покрыта алой кровью,
Река таёжная клокочет и кипит,
И сиротливый ворон с болью
На этот стыд с сосны хрипит.

Простреленный шаманский бубен,
На берегу реки Казым,
И лёд кровавым встал торосом
Над лихолетьем не простым.
Мятеж, военное восстание,
Не многим удалось бежать,
Но кто спасались от заклания,
Остались новый мир рожать.
Венчает Ворнахатл прилёт вороны,
Лось шестиногий с неба зрит,
А под полярною звездою
У ханты жизнь ключом кипит.

Нина ЛЕКСИНА

ГРУСТЬ

В разгаре лето красное.
Сияет солнце ясное.
Зовёт родимый край.
Зовёт в дорогу дальнюю,
Зовёт он вдаль бескрайнюю,
В домашний тихий рай.
По рельсам поезд катится,
С слезами мне не сладится:
Пронзила сердце грусть.
Деревни, села сирые,
Как птенчики бескрылые,
Тебя ли вижу, РУСЬ?
Где парни твои рослые
И травы сенокосные?
Где женская краса?
Сверкают мегаполисы,
Рекламы, вышки, офисы
И в смоге небеса.
Гуляют ветры буйные.
Над речкой тихоструйною –
Родимое село.
Где землепашцы сильные?
Хлеба, сады обильные? –
Все было да ушло…
В разгаре лето красное.
Сияет солнце ясное.
Пронзает сердце грусть.
По рельсам поезд катится.
С слезами мне не сладится:
Тебя ли вижу, РУСЬ?

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Звенит, поёт лесной ручей.
И свистнул скворушка: «Ты – чей?»
- Меня вскормила грудь земли.
Зимой всё вьюги замели
И страшен в гневе был мороз,
Но уцелел я, не промерз!
Я – брат дождей и снежных туч,
А потому силен, могуч.
И летних трав – живой плетень
Прохладную бросает тень…
Определен мой путь вовек:
Я малый пульс морей и рек!

ГРИШИН РОДНИК

Жителю с. Удельное Нечасово, моему ученику,
Хмельникову Григорию Куприяновичу,
спасшему родник и колодец, почитаемые,
как святыня предками, посвящается

«Совершающий тайно свои добрые дела,
исключительно с целью богослужения,
будет прославлен в назидание ближним
по Промыслу Божиему».
Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Ключ запущенный* в овраге...
Был колодец – хоть куда!
Глянь: журчит в илистом мраке
Родниковая вода...
Тот родник спасал от жажды
Свежей, чистою водой.
Крест стоит? – Он спас однажды
Все село – перед бедой...
Был когда-то год бесплодный,
Жизни многие унес.
Собрался народ голодный

И молитву произнес.
Все просили Бога дружно,
Чтобы дождь полил поля.
И Господь полил, как нужно,
–Урожай дала земля!
В назиданье, в благодарность,
Крест поставлен был святой.
А родник, как Божья данность,
Утолял людей водой.
Вновь года пришли лихие:
Обезлюдело село.
Лишь две улочки кривые,
Илом русло занесло...
Кто почистит? Кто поможет?
Лишь кукушки слышен глас.
Кто колодец новый сложит,
Чтоб водичка – про запас?
И Господь нужду услышал,
Вразумил народ честной;
Он прислал к колодцу Гришу
С благородною мечтой.
Гриша принялся за дело –
И помощники пришли.
И кипит работа смело –
Вот что дивный Бог вершит.
Обозначили часовней
Чудный, райский уголок,
Чтоб плодам любви сыновней
Каждый радоваться мог.
Путник, преклони колени
И молитвой осенись,
В этот миг ты будешь с теми,
Кто продлил колодцу жизнь!

* Запущенный ключ – ключ, к которому стал, затруднен доступ, заилилось русло и пр., что замедляет скорость наполнения колодца водой.

Геннадий КАРКИШКО

БЕРЁЗА

Деревья умирают стоя,
Прожив с сородичами век.
Берёза, с ураганом споря,
Упала, словно человек.

Служила людям, как могла,
Ни сна, ни отдыха не зная.
В ней человек искал тепла,
Своё жильё обогревая.

От доброты – была щедра:
На дёготь, для нужды хозяйской.
Берестяные короба,
На веники, для неги райской!

На сок – народец напоить,
На дух, развеять чары злые.
Дубравы, русичей укрыть
От дикой конницы Батыя.

Лежала, не издав ни стона.
Припомнив давнюю весну,
Чуть улыбнулась, возле дома
Её сажали, не сосну.

Берёза, как душа народа.
Ей пел Есенин, знал Шукшин.
И оскудела бы Природа
Без зеленеющих вершин!

СИНЕГОРЬЕ

«Когда говорят о России,
Я вижу мой синий Урал…»
Л.Татьяничева

Кто слушал эхо Гребня ОТКЛИКНОГО,
Тот не забудет благодатный край
Высоких сосен, неба голубого,
И горную вершину – ТАГАНАЙ.

Озёр прозрачных голубые чаши
С холодной родниковою водой.
Сюда стал сердцем возвращаться чаще,
Как будто возвращаюсь я домой.

Пройтись опять тропой сосновых шишек
До озера с названьем ТУРГОЯК.
Взгляну направо - озеро ИНЫШКО,
Что уровнем повыше. Как же так?

Живёт легенда – Пугачёв в нём злато
От глаз Императрицы утаил.
Пытались, только дно глубоковато,
Искали, но никто не находил!

Легендами полна земля Урала.
Куштум воспел её своим стихом.
Там речка КИАЛИМ со скал сбегала.
По ней, мы знали, на Кордон придём.

А, как светлели, помню, наши лица,
Глаза горели трепетным огнём,
Когда с вершины каменной КРУГЛИЦЫ
Ласкали взором синий окоём!

Родной Урал – восьмое чудо света!
Мы знали это с самых школьных лет.
Он – синеглазый, по словам поэта,
На самой Голубой из всех Планет!

ЯМАЛ

Былинный край, земля родная.
Надежда Родины моей.
Веками недра сберегая,
Ямал, ты ждал богатырей.

Они пришли, с богами споря,
Пронзив твою земную твердь,
Чтобы народ не ведал горя,
Чтобы планету обогреть!

Одно заботит и тревожит:
Земные недра вороша,
Природе б, ран не преумножить,
Пока жива её душа!

Погубят красоту Сибири -
Пожары, нефтяной разлив.
Мест равных – не отыщешь в мире.
Потомкам что оставим, миф?

Леса горят кому в угоду?
Гадать я даже не берусь.
Враг своему молился богу:
Убьём Природу – свалим Русь!

ИЗВЕЧНЫЙ ВОПРОС

Лес по-над рекою
В пелене тумана.
Спиленной сосёнки
Кровоточит рана.

Вестником несчастья
Гусеницы след.
Разорённым гнёздам
Оправданья нет!

Плачет тундра слёзно,
Кто спасёт от бед?
Даже тучи грозно
Заслоняют свет.

Поминальной свечкой
Гибнущей красе –
Вышка буровая
В утренней росе…

УТРО

Неожиданно, ядрёно
Дятел «дробью» сыпанул.
Рябчик, стряхивая дрёму,
Испугавшись, упорхнул.

Ускользнула ночь в урманы.
Побелели облака.
Зорьки ранние туманы
Пали клочьями в луга.

Солнце встало и росою
Травы брызжут под ногой.
Быть с природою родною,
Хорошо в поре любой!

Дух и тело, исцеляя,
И, стряхнув тоску и лень,
На труды благословляет
Нарождающийся день!

* * *

Кочующая птица, дрозд-рябинник
Сегодня утром грянул о стекло.
И жертвой на балкон упал безвинной.
Что ж бедному певцу не повезло?

Несчастная любовь? Подруги гибель?
Или птенцов забило вороньё?
Куда летел и почему не видел?
Зачем разбился об окно моё?

Одною жизнью стало в мире меньше.
Осиротел и я, и Шар Земной.
Всего лишь птаха, а душе не легче,
Уже не пролетит над головой.

Всё для него оборвалось на взлёте.
Откочевал рябинник навсегда.
Его душа уже в ином полёте,
Там, где стоят без стёкол города

ТОПОЛЯ

Тополя, побледнев от стужи,
Вдоль дороги сбиваясь в ряд,
Понимают – уже не нужно
Им Питомника охранять.

Верный страж – нынче тополь лишний.
Что ветра, лёд секущей крупы,
Если нет ни малины, ни вишни,
Только улицы, да столбы…

Нет ни буйства цветущих яблонь,
Делового гуденья пчёл.
Нет Питомника, как такового,
Как не стало российских сёл.

А ведь было плодов - угаром:
Сколько ягод, и яблок, и груш –
В школы, садики – всё задаром,
Всё на радость ребячьих душ !

А теперь только шумы с лязгами,
Как грибы вырастают дома –
Пеноблочные, деревянные
Новосельские терема!

Не дома, а сплошные праздники.
Не боятся ни вьюг, ни тревог.
Как уволенные охранники
Тополя стоят вдоль дорог.

В МАСКЕ – БЫТЬ!

Люди, к вам иду я с апелляцией!
Не чурайтесь ныне важных тем.
Добровольцы самоизоляции
Никому не создают проблем!

Даже дома не снимайте маски!
Руки мойте с мылом каждый час.
Ешьте чесночок, оставив ласки,
Только б сей недуг оставил нас!

Верю я, недалеко то время,
Выйдем мы из «плена» за порог.
А, КООРОНА-ВИРУС, злое семя,
Словно враг падёт у наших ног!

Медикам во всём благоволите
Им, в единоборстве, нелегко.
Но КОРОНА-ВИРУС - не проспите,
Чтоб не оказаться «далеко»!

ОПОРА

Я врос корнями в сельский обиход.
Завёл скотину и отладил косы.
Ждал лета после хладных вешних вод,
Чтобы сбивать с рассветом ранним росы.
И, от упругости молочных струй,
Мне пел с утра доверчивый подойник.
Я песню принимал, как поцелуй,
И радовался, как влюблённый школьник!
Встречать табун я в детстве выходил:
Дарил горбушку «Зорьке», гладил спину.
Безмерно рад, что снова ощутил
Я с Родиной и детством пуповину.
И понял, что совсем, совсем не зря
Должны мы предков охранять могилы.

Родной страны священная земля
Врачует память сердца, дарит силы.
Опоры – никому не расшатать!
Она не даст нам головой склониться.
Врагам не посоветую искать
Побед у нашей дорогой границы!

МЕЧТАТЕЛИ

В их судьбе места нет укоризне.
Равнодушию, зависти – нет.
Ведь, порою, ценою жизни
Достигали они Побед!

Они двигались в неизвестность,
Покоряя земной простор.
К Океану стремились, в Вечность
Их таёжный манил костёр.

Страх таился в седых урманах:
Выстрел в спину иль нож врага,
Или гибель в речных туманах
О скалистые берега.

Но, для смелого ли препоны?
Любо знать ему, Что и Где!
По звериной тропе, по склонам,
Где сподручнее – по воде.

А по льдинам – пешком, на нартах,
Сквозь торосы, пургу и хлад.
Имена их найдёшь на картах,
Где полощется русский флаг!

В дерзновенных героев книжек
Мы влюблялись со школьных лет.
И садились к костру поближе,
Что дарил им и жизнь, и свет.

Александра ДАРЬИНА

ФАНТАСТ

Опережая время, мысль
лучом пронзает расстоянья,
и неуёмность состоянья
сулит фантасту новый смысл.

И выбор необычных тем
рисует яркие картины...
Порыв и творчество едины –
он отрешился от проблем...

И взгляд его со стороны
отыщет вдруг такие грани,
что нас, беспечных, болью ранит
сознаньем собственной вины.

Ему тесна та оболочка,
что называется душой,
и над Медведицей Большой
взлетает мысль его всей строчкой.

Опережая время, мысль,
лучом пронзает расстоянья,
и неуёмность состоянья
сулит фантасту новый смысл.

НИЖНЕВАРТОВСКУ

Мой город, как ребенок,
рос на глазах с пелёнок,
вставал на ножки-сваи,
неугомонным был.
Теснил тайгу, болота,
и если спросит кто-то:

– Что значит в вашей жизни
сей город на Оби?

Отвечу не скрывая:
– Дороже нету края!
Здесь молодость кружила
меж сосен вековых...

Здесь в тихую охоту,
качаясь на болотах,
морошку собирали
под звуки буровых.

Здесь «пьяною» дорогой,
урманной недотрогой,
проехать умудрялся
водитель чумовой...

А городу-подростку
всё не хватало роста,
он потянулся в небо
за башенной стрелой.

Стоит красавец стройный,
он всех похвал достойный,
ему отдали люди
весь свой душевный пыл:
строитель и нефтяник,
и медик, и механик,
водитель и дорожник,
топограф и художник,
газетчик вездесущий
тех лет не позабыл.

Мой город, как ребенок,
рос на глазах с пеленок,
вставал на ноки-сваи,
работал и дружил.

ПЕРВАЯ БЕТОНКА

По первой в городе бетонке,
Забыв на время сапоги,
Шагают в туфельках девчонки,
Как на плацу – с одной ноги.

И мужики про сигарету
Забыли... Припекло губу...
Глядят, сомлев, на стайку эту,
Дыханье затаив в «зобу»,

Пройтись бы им с такой девчонкой,
Босым, закинув сапоги,
Их одиночество в печёнках –
Всегда встаёт не с той ноги.

И глаз не сводит жадный зритель,
Сраженный, словно столбняком...
К ним в общежитие-обитель
Тоска заглянет вечерком.

По первой в городе бетонке
Шагают в туфельках девчонки.

СЕВЕРЯНКИ

Городские улицы чистые, широкие,
И берёзки русские выстроились в ряд.
Северянки милые,
                каблучками цокая,
Привлекают поступью любопытный взгляд.
А уж ночи белые, ночи Самотлорские –
Не до сна влюбленному, Обь к себе зовёт,
Очарован женскою красотою броскою...
Он под семиструнную
                о любви поёт.

ЛИСТОПАД-ХУДОЖНИК

Листопад неслышно за ворота вышел,
робко осмотревшись, кисть свою достал,
посмотрел на солнце, посмотрел на крыши,
взял и первый листик охрой расписал.
Затаившись в кронах, ожидал скандала,
разных нареканий молча, ожидал...
Мимо пешеходы шли походкой вялой,
лист не видя, каждый о своём мечтал.

– Значит, это можно! Значит, это нужно!
Я займусь искусством, вовсе не таясь...
Пораскрашу за ночь, пусть желтеют дружно
клёны и берёзы, и почтенный вяз.
Обо всём на свете позабыл художник,
краску дорогую до конца извёл...
Невзирая на ночь, на холодный дождик,
до утра для осени обновлял престол.

ЦАРИЦА – НОЧЬ

Зимний день совсем недолог,
не успеешь оглянуться –
сумерки у окон вьются,
вынуждая жечь свечу.
И сгущаясь меж домами,
от бессилия чернеют...
Ночь со свитою своею
оглядела небосвод.
Проверяет – всё ль готово
к её тёмному правленью,
чтобы жестом повеленья
царский полог опустить.
А под ним свой бал откроет...
Сновиденья в вихре танца...
Короли и оборванцы

сну подвластны, как один.
Правит тёмная царица,
в небе месяц воеводой,
власть её века и годы,
мир не против, правит пусть –
я за это помолюсь.

У ПРОРУБИ

У проруби, принявшей вид креста,
забытая, беспомощная старость.
Пришла сюда, уверуя в Христа,
ей только это и осталось.
Перекрестив прозрачною рукой
кусочек неба, что смотрелся в воду,
доверившись, вошла, не зная броду,
и, вскрикнув, окунулась с головой.

Она хотела жизни маету
всю смыть – и выйти облегчённой,
с душою чистой и не обречённой
на одинокость и на пустоту.
А выйдя из воды, не тело – мощи,
как говорится, краше в гроб кладут,
присела здесь – к утру её найдут...
И онемеют у фигурки тощей.

Не тело у воды, а мощи.

КЛАНЯЕМСЯ ЕЙ

И как бы жизнь ни относилась к нам,
цепляемся, не вглядываясь в беды...
Хотя и не одержаны победы,
за пораженья благодарны ей.
За все рассветы, что дарила нам,
за все закаты, что нас обжигали...

Мы, отметая разом все печали,
за все, что есть, обязаны лишь ей.

За ту любовь, что тропкою надёжной
вела впотьмах, оберегая нас...
И я надеюсь – в свой последний час
земной поклон отвесить ей успеем.
Без оговорок кланяемся ей
за зимы скудные, за вёсны и за грозы,
за смех счастливый и за смех сквозь слёзы...
Без оговорок кланяемся ей.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Старушка в чистеньком платочке
вошла во Храм совсем неслышно.
Пришла просить здоровья дочке,
не дочь пришла... Ну, так уж вышло.

И отерев слезу ладошкой,
лоб наклонив, перекрестила,
свечу во здравие над плошкой
от дуновения прикрыла.

Беззвучно шевелились губы
и Матерь Божия внимала –
старушка та в ответ на грубость
за дочь поклоны отбивала.

Просила отвести от дочки
все беды, что на белом свете
подстерегают одиночку,
а за неё – она в ответе.

И оплыла свеча, истаяв,
она всё кланялась смиренно...
Молитву, что творит седая,
Господь услышит непременно.

ГОРЖУСЬ И ПЛАЧУ

Рябины кустик на родной земле
дороже пальм,
экзотикой манящих,
берёзоньки милее нет, стоящей
у домика, что вырос на золе.

Что возродился,
как из пепла Феникс,
и ласточку приветил над окном,
я помню,
помню – матушка с отцом
хранили в горнице
весь год полынный веник.

Плач иволги – такой
только в России,
в нём души вдов,
оплакавших детей,
что своей кровью землю оросили,
ушедших рано в царствие теней.

Грустнее ив,
приспущенных от боли,
печали глубже, чем в России, нет...
Горжусь,
что появилась здесь на свет,
и плачу
о твоей,
Россия, доле.

Галина УГРЮМОВА

РЯБИНА

Неслыханная дерзость –
я сравнила
Себя с рябиной, замерзающей под снегом.
Я, как рябина,
безрассудно полюбила
Тебя таким, каким ты в жизни не был.

Я, как она,
лечила горьким соком
Всё то, чем был, иль будешь болен ты.
Я, как она,
не вовремя, до срока
Осталась без плодов и без листвы.

Меня за дерзость наказало небо,
Обрушив снегопады мне на плечи.
А я к тебе,
как за кусочком хлеба:
Сорви мне кисть рябины - станет легче!

А у тебя совсем другие планы,
И у тебя расписана вся жизнь.
А за окошком куст рябины пряной
Мне голой веткой машет: «Продержись

До новогодней сказки, до весны,
До цвета душного, до астры жаркой!»
Скажи мне,
остановишься ли ты,
Увидев куст рябины в платье ярком?

ОДИНОКАЯ СКАМЕЙКА

Сквозь деревьев веток розовеет
Серое октябрьское утро.
Одинокая скамейка на аллее,
Словно пледом, листьями укутана.

Дождик омывает, хлещет ветер,
Но она,
привыкшая к ненастью,
Вспоминает день, что был так светел
И наполнен теплотой и счастьем.

Шелестят возле скамейки листья
У прохожих редких под ногами.
И скамейка слушает их мысли
О зиме с холодными снегами.

Ей пичуга песни напевает
Об ушедшем и забытом лете.
Ветер лепесточки обрывает
В позднем увядающем букете.

Листья, что с деревьев опадают,
Образуют жёлтые сугробы.
Со скамейкой в прятки поиграют
И несутся вдаль - верни, попробуй!

Кутается в плед,
полна печали,
А холодный дождь все льёт и льёт...
Станет холодно, она под зимней шалью,
Снегом занесённая, уснёт.

ПАМЯТИ ЕРМЕКА ТАБУЛДИНОВА

Посвящается погибшему в чеченской войне 4 апреля 1996 года

Не забывается война, и на планете
То там, то здесь стреляют и бомбят.
А где-то далеко, как в ярком лете
Уже сады цветущие шумят.
Шёл поединок - мальчик и война,
И победитель в поединке лишь один.
А мать домой его уже ждала:
«Вернись скорей на родину, мой сын!»
Но бой последний, страшный и нелепый
Перечеркнул предназначенье жить.
Земля рыдала и рыдало небо,
Не в силах этот бой остановить.
Гудели горы, и земля просила:
«Не умирай, солдат! Дыши, зелёный!».
Откуда у людей берутся силы
Быть выше пули, смертью заклеймённой?
Покрыт печалью каждый скорбный камень,
Хоть горе кануло в ущелия пустые.
Ермек здесь о себе оставил память,
Он защищал здесь родину, Россию.
И с гор стреляющих тогда шагнул в легенду,
В бессмертный строй был вписан на века.
Апрель опять придёт на эту землю,
Вновь ярко зацветут сады, луга.
Бессмертие героя смерти выше –
Солдат остался в памяти навечно.
А мне Ермек запомнился мальчишкой,
По нашей улице шагающим беспечно.

Елизавета МЕРКУШИНА

ДУША НЕ УМИРАЕТ

Памяти Зои Михайловны Петрушиной

Осенний, последний осенний листок –
Хрупкой надежды круженье.
По ветру, быть может, свой ищет исток
Прозрачной души отраженье.
На пламя свечи, на искру огня
К окошку прильнёт в тихий вечер
Душа, что спасёт от тревоги меня,
Подарит счастливую встречу.
Мне ночью сейчас так спится легко -
Душа чуткий сон охраняет.
Мой ангел-хранитель, он так далеко,
Но сверху всё видит и знает.
Горячей слезою по мёрзлому льду
Прольётся судьбы искупленье.
Увижу я в небе надежды звезду,
Надежды на чудотворенье.
Закрою глаза, представлю на миг,
Что снова Душа со мной рядом.
Дыхания свет приглушённый, затих
И слов продолженья не надо.
Я просто запомню, запомню её,
Как грозы, как шум листопада.
Пока будет биться сердце моё,
Я верю – Душа со мной рядом.

ЦВЕТ БРУСНИКИ

Этот цвет кисло-сладкой брусники,
Раскалённого солнца Марокко.
Эти яркие, сочные блики
Уловить я хочу раньше срока...

А когда завершится творенье,
Зарождение нового мира,
Захочу вновь его повторенья,
Словно музыки трепетной лиры.

Этот миг уходящего лета –
Просто бледное солнце в зените.
Как прекрасен он в каплях рассвета,
Весь расшитый серебряной нитью.

Я качаюсь в земной колыбели
Под мелодию спящей природы.
И вокруг только вечные ели
Упираются в синь небосвода.

Вкус брусники развеялся где-то,
И осталась лишь горечь разлуки.
Только в сердце живёт это лето –
Наших чувств незабытые звуки.

ЧАЙНАЯ РОЗА

Время неумолимо,
И кофе утром спасает...
Страхи взглядам незримы,
Но сердце всё о них знает.

Роза чайная вянет
В кофе, вчера недопитом.
Душу зачем-то вновь тянет
Туда, где прочно закрыто.

Забыть и стереть просто надо
Из памяти, из телефона
Звук. И уйти с листопадом
В осень любви, без поклона.

Время – незримая сила,
Властвует и всё прощает.
Сердце упрямо любило,
Забыть вновь себе, обещая.

Роза вянет от боли,
От горечи в чашке кофейной.
Каждый живёт своей ролью,
В спешке за смыслом трофейным.

В осень, уйти просто в осень,
За тенью вчерашнего счастья...
Время, как прежде, не спросит
Зачем не умею прощаться.

Кофе заварено снова,
Дымится, от страхов спасая.
Хожу по квартире босая –
Сегодня желаю быть новой.

Роза уже не завянет,
Даря аромат лёгкий, нежный.
Душу зачем-то вновь тянет
Туда, где остыли надежды.

ОТВЕТ МИРУ

Не без изъянов, не без претензий
Ищу упрямо в цветах гортензий
Цвет совершенства, кусочек рая...
В саду блаженства лишь смех срываю.

Иду по лужам, встречая взгляды.
Мне блеск не нужен, ковров не надо.
Пускай смеются, пускай ругают,
О камни бьются, смолу стругая...

Сердца застывшие сковали волю
Людей, избравших такую долю.
Я одиночка – без стай горбатых,
Мне ближе слово, а не дебаты.

Молчу, как рыба, а сердце плачет –
Душа для мира ничто не значит.
Страдать и биться, и ждать ответа,
Но не пробиться в вагон с билетом –

Не то купе, соседи, кофе.
На канапе какой-то «профи»
Лежит и млеет, ест ананасы.
А я в плацкарте, последним классом

Спешу за счастьем, за добрым словом,
И в одночасье – лишь в пропасть снова.
Зароюсь в листьях, спасусь от грязи.
Поблекли лица – без власти князи,

Что нарекли и возомнили
Себя всем миром в нелепом мире.

КАПЛЯ ЛЮБВИ...

Мои руки и твой темперамент -
Просто синтез умеренных чувств.
Иссушен вновь колодец и пуст -
Вечер влагу впитал, как пергамент.

Разбуди меня шёпотом роз,
Лепестками касаясь до шеи
И шипами умело владея...
Чтобы снова по коже мороз

Пробежал лёгким, смелым скольженьем,
И навстречу любви лепестки
От движения крепкой руки
Рисовали двух линий сближенье.

Мне печаль твоя очень близка,
Я ведь тоже сомненьем томима...
Может, завтра пройдёшь просто мимо
И забудешь меня на века.

Мимолетность, случайность, игра –
Томный вечер прошепчет лишь это.
Две частицы забытой планеты
Не сомкнут влажных век до утра.

Мне судьба твоя очень близка,
Я ведь тоже надеждой томима.
Но сегодня хочу быть любимой,
Не пророча любви на века.

* * *

Написано в период пандемии

Мы,
наверное,
весну пропустим,
Не увидим зеленеющей листвы.
Аромат сирени горько-вкусный
Не коснётся больше головы.

Не услышим на рассвете клеста,
Что щебечет лихо - благодать!
Нам судьба определила место –
В душных стенах
просто чуда ждать.

Не страна –
душа на карантине!
Не позволено свободно ей дышать.
Словно в бренном море на плотине,
К Господу ей хочется взывать.

Не пускает враг
в сады и храмы,
В парках на скамье не пороптать.
Только снятся страны-океаны,
Хочется под солнышком мечтать...

Воздух свежей мятою,
пропитан,
Аромат пытаюсь уловить.
И глинтвейн «домашний»,
не элитный
Оживит надежду дальше жить.

Ирина ЗМАНОВСКАЯ

* * *

Как унизительно звучит:
«калека» или «инвалид»…
Наступят, иль перешагнут –
Больных и слабых много тут…
Планету охватил ковид
Страшнее он болезни СПИД.
Инфекция чужда желаньям –
Ниспослана нам испытанье.

Больна сегодня вся планета
И каждый понимает это.
И слышен человечий крик
В сакральный и опасный миг.
Здоровый дух или калека? –
В том символ сути человека.
Духовно чистый человек
Дарит планете добрый век.

Крест на Голгофу вслед за Богом
У каждого – своя дорога.
Пусть кто-то источает злобу
И тешит темную утробу:
Посеян замысел коварный
Структурой века элитарной.
Убийство подлое людей
Опасно для планеты всей.

Не смейтесь, люди, над больными!
Несём мы тяжкий крест отныне.

Александра МАЗКОВА/Аля АРХАНГЕЛЬСКАЯ

СУТЬ ВРЕМЕНИ

Смотрите – время «коротит» -
Искрится мироздание
Над немотой Кариатид,
Атлантовым молчанием.
Противоборствующих эр
Пласты перемещаются.
В мирах незримых тонких сфер
Все жернова вращаются.

Но нам неведомы пока
Исход и направление,
И как устроятся века,
Изменятся воззрения.
Тут плодотворна мыслей высь,
Чтоб плевелы развеялись,
Чтоб зерна истины взялись
Да по Земле рассеялись.

НЕ НОСИТЕ РОЗОВОЕ С СЕРЫМ

Не носите розовое с серым!
Я вас умоляю, ведь беда,
Если сверху, серая без меры,
На мечту накинута среда.
Так невыносимо безысходно:
Нежному – обыденный притон.

Что же для мечты наивной годно?
Пусть, хоть проза - свёкольный, да в тон.
Он загонит в угол серость мышью,
Пустит ушлой твари кровь на нет…
Лучше, чтоб трагедии не вышло,
С серым подобрать зелёный цвет.

ПИСЬМО СЕВЕРЯНИНА

Север! Жгучий мороз.
Ветер хлещет до слёз.
Ядреный буран свиреп.
На севере я окреп.

В долгих сумерках зим
Вспыхнет, неотразим,
Цветной фейерверк небес –
Эффект заполярных мест.

Там, где вытаял лёд,
Древний мамонт залёг.
Крутой археолог-ас
В музей экспонат создаст.

Песню пел мне каюр,
Весь от местных «кутюр».
В пути я тогда замёрз,
А он подобрал, довёз.

Ширь повсюду и даль.
Наша дружба как сталь.
И значимый труд тяжёл.
Я место своё нашёл.

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

К уходящему солнцу
Облака потянулись
Словно зонтик японский
В небесах расстегнули.

Кашемировой шалью
Тень легла мне на плечи.
Мне не скучно с печалью
В этот ласковый вечер.

И мне звёзды мигают
Со всего небосклона.
Я себя постигаю
Существом с Ориона.

Поселилась богиней
Я на матушку Землю.
Всё, что взором окину,
Всё на ней я приемлю.

Как в другом измерении
С высоты птичьей стаи
Всех людей поселения
Над землей пролетаю.

Приземлиться нетрудно
Одинокой кукушкой
На лугах изумрудных
У Бешкильки-речушки.

Здесь родные до боли
Колки все и болотца,
Волны хлебного поля,
Домик рядом с колодцем.

В доме бабушка Анна
Угощает блинами.
Хоть в делах непрестанно,
Но приветлива с нами.

Тётя, юная, очень,
С проступившим румянцем,
Поправляет носочек
И уходит на танцы…

И в картинках заветных
Как во снах прихотливых
С моей родиной светлой
Снова быть мне счастливой!..

Лена ФРИК/Елена ГУЩИНА

РАЗГОВОР С КУКУШКОЙ

Заслышав кукование кукушки,
Вся, замерев, я на лесной опушке
Молю её: «Добавь ещё годок,
Не верю я, что мой так близок срок…»

Она же, куковавшая так лихо,
С ленцой кукукнула и стало тихо…
И в наступившей звонкой тишине
Вздохнув, ответила кукушка мне:

«Не ты ль тут давеча на жизнь пеняла?!
Мол, всё идёт не так, и жить устала...
Покоя нет от внуков и детей,
Проблем не перечесть любых мастей.

Проблемы ты всегда легко решала
И, к счастью, одиночества не знала.
Не от того ль так счастлива была?!
Дом полон твой – знать много в нём тепла!

О чём печалишься, моя подружка,
С меня ли спрос?! Я только лишь кукушка.
Твои желанья трудно мне понять.
Свою бы боль в душе теперь унять.

Я от того так громко куковала –
Ищу детей, которых растеряла.
Но видно век одной мне куковать
А ты ступай. Тебе ли горевать?

Любовь СОШНИКОВА/БАЖЕНОВА

НАЧАЛО

Вернулась в тишину и сень лесов,
Пройдя такую долгую дорогу.
Так пересохло в горле, и без слов
Мне разреши здесь постоять немного,

И надышаться воздухом святым,
Что исцеляет и даёт мне силы.
Здесь сердце не останется пустым,
Здесь начинается моя Россия.

ЗАЧЕМ НА СЕВЕР

Вновь на север прилетела:
Здесь морозы и метели.
Вечер, ночь и снова вечер,
День прошёл, но не замечен.
Так по солнышку скучаю,
Но с друзьями выпьем чаю:
Встрече рады, греет дружба,
И искать ответ не нужно
На вопрос: «Зачем на север
Надо нам?» А тут прогнозы:
То бураны, то морозы,
От которых рельсы стонут,
Улицы в тумане тонут...
Нет большого здесь секрета:
В дружбе кроются ответы.

БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ

Я давно переселилась в зиму,
В край холодных северных ветров,
Где лежат, отчаянно красивы,
Горы заколдованных снегов.
По горам снежинки ветер носит,
То поднимет ввысь, и сам на взлёт,
То притихнет и прощенья просит,
То, влюблённый будто, запоёт.

В январе сибирские морозы
Так трещат, что стонут кедрачи,
Жмутся к соснам тонкие берёзы,
Воет ветер, будто волк в ночи.
Что ни день, то белая страница:
Всё вокруг белым-белым бело,
Но весна частенько стала сниться,
На душе и грустно, и светло.

Я ЗДЕСЬ ЖИВУ

Гуляют по болотам и дорогам
Здесь севера холодные ветра,
А солнышка лучистого немного,
Молочные туманы по утрам.

Хрустит искристый снег под сапогами,
Уж в ноябре, как крепости, снега,
Разбросанные всюду жемчугами,
Сияньем север вспыхнет иногда.

Начнётся только день, и сразу вечер
Ступает осторожно на порог,
И, кажется, что холод этот вечен,
Порою ниоткуда нет дорог.

Печально самолёты ждут погоду,
На крыльях чтобы нас нести к земле.
На юг летим, развеяться немного:
Порадоваться солнцу и весне.

Но только ждёт всегда любимый город,
В жару морозов не хватает нам.
В разлуке с ним - такой душевный голод:
Спешим домой, на север мы, к друзьям!

СЛЁЗЫ СОСЕН

Отчего, узнать бы, сосны плачут,
По весне, о чём они грустят?
Кто-то их обидел, не иначе,
А слезинки их – смертельный яд?
Нет, не яд – чудесное лекарство,
Лучший клей и яркая свеча,
Факел, что осветит твоё царство.
Не сердись на смолку сгоряча,

Если на ладошку вдруг упала
Маленькая капля янтаря.
Капелька смолистая – немало:
С нею не сравнятся доктора,
Чтобы излечить от ран и кашля,
Если вдруг к тебе пристала хворь.

Каплей осветится даже башня,
Чудо сотворить смоле позволь.
Отчего, узнать бы, сосны плачут,
Как любовью раненые люди?
Сосны мстят обидчикам иначе,
Их слеза лекарством верным будет.

ЧАШЕЧКА КОФЕ

Чашечка кофе в кофейне случайной,
Милой беседы короткое время
Как же порою меня выручают,
Будто снимают тревог моих бремя.

Каждый глоток (хоть и горький напиток)
Сладкою струйкою на душу льётся,
Воздух таким ароматом пропитан,
Что открываются сердца воротца.
И забываю про все огорченья,
Просто сижу в окруженьи друзей:
Нет ни печали уже, ни волненья
Пред испытанием будущих дней.

Чашечка кофе в кофейне вчерашней –
Нынче бальзам на открытую рану,
Я становлюсь веселей и бесстрашней
И понимаю, что мне ещё рано,
Рано печали-тоске предаваться,
Годы ночами считать и ошибки,
Надо душой молодой оставаться,
Время сыскать для бесед и улыбки.

Надежда КРЫМОВА

МОЯ СИБИРЬ

Суровый край, где вьюги да метели
Зимою долгою поют под свист пурги,
А на семи холмах, в пушистой колыбели
Живёт особенный народ - сибиряки!
Обласканный любовью тихой солнца -
Весёлый, солнечный душой, народ.
Ханты - Мансийск – небесное оконце,
В котором каждый виден поворот

Людей открытых и гостеприимных,
Что бескорыстны, праведно – мудры,
Сияющей дорогой снежно-длинной
Идут, рождённые в святой любви.
В полях бескрайних – поднебесья ширь,
Здесь не устанешь день и ночь бродить,
Любить и чувствовать великую Сибирь.
Без устали за жизнь благодарить!

ХАНТЫ - МАНСИЙСК

Уголок моей Родины-
Чудный Северный край,
Не зови «непогодиной»
Мой заснеженный рай.
Пусть дорога не близкая,
Донесут два крыла
В душу Ханты- Мансийска,
Здравствуй наша Югра!
Снег в лицо, щиплет ветер
Нам с тобой – нипочём.
Мы закутались в свитер
Здесь родное плечо.

ОСЕНЬ

За окном «права качает» осень,
Улетают птицы на «юга».
В небе – облаков седая проседь
И в причёсанных седых стогах.
Задувая мягко по настилу
Не слежавшейся ещё листвы,
Ветер ветку осени настигнув,
Закружился в вальсе до зимы.
Дождик побусил и завалился
К тучке ласковой за горизонт.
Солнышко на небе засветилось,
Воссиял счастливый небосвод.
Золотая скошена пшеница –
Прохрустевшая стерня полей.
Над осеннею летит станицей,
Зиму кликнув, стая журавлей.

РОДИНА

Нынче выдалась славная осень.
Постелила под ноги ковер,
Заманила в леса и сбросила
С головы золотой убор.
И посыпались листья рябины,
Клёна, тополя, нежных берёз,
Паучок пролетел в паутине
В буре восторженных грёз...
Запах мокрого мха грибного
Дождик брызгами распылил,
В дом охотничий – куренного
Чашку чая испить пригласил.
Задыхаясь листом смородины,
Ягод терпких вкус пригублю
Как люблю тебя, милая Родина!
Бесконечно, всем сердцем люблю!

Илья ПОЛЕЩУК

НЕФТЯНОЙ ФОНТАН

День, который бушует буран?
И к вагончику не пройти.
Слышно – тихо поёт фонтан –
Медногорлый рог так свистит...

Кто не пробовал нефть на вкус?
Боль не чувствовал – пальцы жгут –
Отморозил батька-мороз.
Лютый холод резвился тут...

Нас прозрачно-небесные своды
В край далекий, в Сибирь привели,
Здесь стояли в любую погоду
На краю родимой земли.

Расступался таёжный лес,
И показывал всякий раз,
Как нефтяники плакали здесь,
Счастья слёз не стыдясь.

Я сознаться теперь готов:
Нет у жизни ярче минут!
Где, не помня красивых слов,
Мужики обнимались вдруг.

Через топи – болот океан,
Через сотни тяжёлых вёрст,
Поднимался из нефти фонтан,
Что навек в нашу память врос.

НЕФТЯНИКАМ САМОТЛОРА

Глушь таёжная и болота
Тучи мошек и комаров
Здесь нефтяники на работе,
Улыбаются шляпкам грибов.

Сотни вёрст до любимых,
Ближе только до звёзд.
Уважительная причина
Зиму ждать и мороз.

Снег скрипучий и сани
Вмиг домой донесут
Мы придумали сами
Свой короткий маршрут:

От работы – до дома,
От звезды – до любви,
Возвращаемся снова,
Бьём поклон до земли

Самотлора – сиянию!
Нижневартовску на Оби!
Тайны нежной касанию –
Бесконечной любви.

В наших детях и внуках
Самотлора судьба,
Мы приехали в полночь.
Всё случилось вчера...

О чём,
прозаик,
ты хлопочешь?

Тамара ПАНАСЕНКО /Агафья САГАЛ

БУДНИ СЕВЕРА

рассказ

...«Пустой рюкзак, исчезла снедь.
А с нефтью как? Да будет нефть!
И нефть пошла... Мы, по болотам рыская,
не на пол-литра выиграли спор.
Тюмень, Сибирь, Земля Ханты-Мансийская,
сквозила нефтью из открытых пор»

Владимир Высоцкий

Производственные будни... Похожи и не похожи сами на себя. Бывают непредсказуемыми, странными, заполошными. А то – вроде старыми знакомыми. То – разведка боем, то – болотце застоялое. Вампиры... И ведь – кто кого «красит»?.. Вышла в смену в воскресенье по графику: сутки через трое. Это значит: сутки работаю, трое - дома. Разве это не мечта для детной мамы? Воскресенье, дождливый день, работы должно быть немного. Оделась в расчёте на любые погодные аномалии. Так быстро, как на «югах», погода не меняется. В считанные часы тут тебе и солнышко улыбнётся, и ветерок погладит щёки, и снежная крупа посечёт. Даже летом.

«Тормозок» с обедом припасла, рабочее место-диспетчерскую базы нефтепромыслового оборудования – оставлять без присмотра даже на время обеда категорически нельзя. Буровые работают в круглосуточном режиме. В любое время могут прибыть «Уралы», «Камазы», «Магирусы», как бортовые, так и бензовозы. В любое время могут подать в тупик вагоны под выгрузку. За своевременность выгрузки – погрузки отвечаем мы, трое: начальник смены – «Белая Лебедь», в миру – Зоя Анатольевна, сменный мастер «дядя Фёдор», и я – сменный диспетчер. «Лебедь» – начальник предыдущей смены, осталась на вторые сутки, поэтому мы должны завезти её домой, передремать пару часов. В диспетчерской коллега, отдежурившая сутки, любезно передала мне смену. Сообщила: «Вагонов под выгрузкой и на подходе нет, все «свои» вагоны «закрыла» и сняла с простоя». Приняв дела и прихватив попутно «Лебедь» с рабочими, направляюсь в речпорт за информацией по баржам, о чём вскоре горько каюсь. Надо сказать, что Газ-66 выделяется сменному диспетчеру для связи с пунктами прибытия грузов: речпортом и товарной станцией. В

считанные минуты водитель и «Белая Лебедь» – Зоя Анатольевна «обязана» своему прозвищу пристрастием к одежде и головным уборам светлых тонов – а так же мастер из ночной смены, Фомич, тракторист Володя с собачкой, и я благополучно погружаемся в ГАЗончик. «Лебедь» садится в кабину, как и положено главному начальнику, а остальные «мы» и собачка – в будку. Собачка, комнатный «пекинес», мило машет хвостиком и хочет со всеми дружить. Это как раз то, что нужно всем нам, нахохленным и раздражённым. Поочерёдно улыбаемся и поглаживаем её.

По дороге обречена выслушивать исповедь «Фомича» о трудной судьбе и производственной неразберихе, жалобы на потерю доверия к мастеру со стороны подчинённых, и ограничение его полномочий высшим руководством.

– Я им говорю: «Мастер – основное звено в производстве, цемент, на котором держится здание, а он(директор) – не понимает, и не хочет понять –разгорячился Фомич, махнул рукой и добавил: «Вот я и решил в «стропаля» перекинуться… Хоть карман чуть потяжельше будет. А то – ни почестей, ни денег! Только и плати штрафы за этих недотёп. Из своей зарплаты!

За разговорами не заметили, как доехали. «Лебедь» вышла из кабины, подошла к будке и открыла дверь, чтобы дать ценные указания. Я встала, как порядочный подчинённый. В это время – трах! – глухой удар в бок ГАЗончика. С размаху плюхаюсь на доски. «Лебедь» отпрыгивает от двери. Воцаряется «немая сцена». Потом все заговорили разом и кинулись дружно вылезать из машины. Виновник удара стоит, покорно опустив руки по швам. Втянул голову в плечи, как будто ждёт затрещину, и тупо улыбается. Это он, тот самый водитель грузовика с газовыми баллонами, который врезался нам в бок. Гореть бы нам «синим пламенем», если б не воля Господня и «его Величества Случая». «Мои» подскочили к бедняге, перепуганному не меньше нашего. «Лебедь» заорала дурным голосом, на что он неожиданно спокойно сказал: «Пошла на…» Водитель грузовика с газовыми баллонами был, что называется «тёпленький»… Тут, откуда ни возьмись, к нам подбежала женщина с жёлтым лицом, по-видимому, жена пьяного. Она закричала вначале на него, потом на «Лебедь» – и… понеслась душа в рай!.. Уезжаем, не дождавшись окончания перепалки. Моё первое суточное дежурство, кажется, не очень задалось… В речном порту диспетчеры по обработке данных проинформировали: платформа с ночной смены не снята с простоя и на неё крутится штраф. Означало это, что впереди меня ждал заведомый

скандальчик и объяснительная директору, с последующим лишением премии – за промахи предыдущей смены. Пока я ездила и решала вопросы – катушка штрафов крутилась. Спасибо, коллега, за науку. А наука простая: «доверяй, но проверяй»! Стропальщику Роману понадобилось всего-то десять минут, чтобы забить требуемый крепёж и снять ночную платформу с простоя. Ох, уж эти «палки в колёса»! Как же мы их обожаем!

За обстановкой по подходу вагонов и контейнеров в адрес базы нужно ехать ещё в два адреса: на станцию «Чёрный Мыс» – тупик (по вагонам) и на ст. Сургут – товарный, по контейнерам. А у моего «ГАЗончика, как на грех, «закончился» бензин. (Позже я узнаю, что расход бензина можно контролировать. И нужно, иначе будет «кончаться» регулярно). Нервно жду, пока вахтовый «КАВЗик» свозит рабочих смены на обед в Трангазовскую столовую. Вдруг подошли вагоны или баржа? Примерно в середине обеда, контрагент подал под выгрузку вагон с импортным оборудованием. Вначале ждали мастера, который отбыл в посёлок «Юность» за сельдью «Иваси». Потом – с мастером и сельдью «Иваси» – ждали арбу «Урал», чтобы выгрузить сразу в машину. Когда «поели жданики», а «арбы» всё не было – мастер передумал и решил разгрузить ящики «прям на площадку». Стали подгонять к вагону козловой кран – помешало препятствие. Моему удивлению нет предела. «Какие тормоза!» – думаю возмущённо. Но – бригадой командует мастер… А мастером – не я. Мы с мастером отвечаем за параллельные структуры. «А почему» – вопрос так и хочет вырваться наружу, но внутренний голос стоит на страже.

Первая, воскресная смена на должности диспетчера широко открыла мне «вежды» на все последующие. И больше «не закрывала».

…Между тем, ящики выгрузили, но зачищать вагон, на дне которого оказалось с полтонны щебня, стропальщики наотрез отказались. Говорят мастеру: «Составляй акт зачистки и плати!» Мастер – мне: «Мат им нужен, а не акт»! – И – во всю глотку: «Ах вы, мать вашу…!» – Услышали. Зачистили щебёнку. Диспетчер контрагента принял полувагон и снял с простоя. Пока стропальщики и мы с мастером занимались каждый своей частью «закрытия» вагона, кладовщики в подсобке «балдели», разливая пиво из электрочайника. На стульях, застеленных овчинными полушубками, они соорудили ложе, и возлежали на нём поочерёдно, не спеша потягивая сигаретный дымок – всё, как в «лучших домах». Незадолго до ужина сообщили, что на причале

соседней базы стоит баржа с нашим оборудованием, прибывшая в их адрес. Пришлось вызывать из дома «Лебедь» и брать с собой стропальщиков. Предстояла весёлая ночка в заключении воскресного дня. Шофёр вахтового КАВЗика, видимо, на неё и рассчитывал, ибо привёз с собой на смену совсем молоденькую девчушку с магнитофоном. Пока влюблённая чета ездила за «Лебедью», я, наконец, смогла перекусить. Завтрак, обед и ужин случились вечером. Правда, запить не пришлось: вода к диспетчерской не подведена, а водовозка в воскресенье выходная. «Что вредит – то учит» – говорят древние латинцы. Термос с тех пор я ни разу не забывала прихватить. «Лебедь» прибыла быстро, как раз к концу моей трапезы…

– Едем в речпорт – с ходу приказала она – будем с тобой сегодня как мотыги летать туда-сюда, если ещё вахтовик наш не «обломается» ненароком. Не зря же он эту «соплюшку» привёз.

«Лебедь» была в своём репертуаре, в нём её вряд ли кто-то перещеголяет. По пути заехали в магазин, купили сок запить ужин. На причале узнали, что нашу баржу (НВПэшку) ещё не подвели под разгрузочный кран. Мы и «грузовики» – стали ждать. Прошло ещё несколько ночных часов. Приблизилось время обеда для стропальщиков и водителей ночной смены. «Лебедь» скомандовала ехать – (столовая работает строго по графику и ночью – в единственном числе).

Как только прибыли, почти на другой конец города, с контрагента, по рации сообщили, что баржу поставили под разгрузку. «Закон подлости» действовал с завидной регулярностью. Показалось даже, с управляемой… Время ночного обеда пришлось сократить из-за дальности переезда, и всё же принести его в жертву простою. Груз с баржи и подоспевших вагонов возили на базу до самого утра. Мы (я и водитель с подружкой) на КАВЗике мотались – то к контрагенту, то на раскредитовку документов, на Чёрный Мыс. Кому-то из нас с воскресеньем, кажется, не повезло… И поделом. Работать надо на работе.

Наступивший за моим «отсыпным» днём выходной, – провели с сыном. У него летние каникулы, поэтому ездили в «город» на экскурсию в исторический музей и в типографию, которая сама «артефакт». По пути заскочили в большой универмаг и в книжный. В книжном был учёт, а в универмаге «выбросили» кроссовки. «Давали» по две пары на руки. Стоять в очереди не стали, до 1 сентября ещё далеко, размер ноги может увеличиться.

Из продуктов купить совсем нечего, а дома пустой холодильник. Решили загрузить его капустой, чтобы «светился» вначале он, а потом и мы. Колбаса местного производства не возбуждает ни малейшего аппетита. Срез – крахмально – сероватого цвета с голубым оттенком. Впечатление, что её делают из жира с добавлением синьки. Когда проглатываешь кусочек такого кушанья – желудок отказывается принимать с первой попытки. Вспомнился чей-то, недалёкий от истины, сарказм о Севере: «…Лишь песок кругом. И пьянь. И харчи, простите – дрянь». Их даже видеть не хочется, «харчи» эти, не то, что есть. Картошка, которая «второй хлеб» – и того хуже: чёрная и мягкая. Подмёрзла, видно, а выкинуть жалко. Мясо нашли только в «Дарах природы» и почти даром – по 6-20 кило! Даже дух захватило от таких «даров»! Овощей: огурцов, помидор, свеклы – свободно нет пока. Лето… Когда в Тобольске и Тюмени местные созреют – и тут появятся. Ох, как же нам, южанам, невкусно жить без зелени и овощей! Хуже, чем без мяса! А на частном рынке – огурцы – 8 рублей кило, а помидоры – 20! Странно, почему не 200? На Севере же деньги ничего, кроме здоровья, не стоят! Они же здесь сыплются прямо с неба, как манна. А вчера в городе, говорят, ОРС (отдел рабочего снабжения) продавал свежую редиску с ботвой! По 1-50 за килограмм. Без зазрения. А какое зазрение летом? Начальство всё в отпусках. Люди когда-то с голоду и лебеду ели! Глядишь, эдак скоро и картошку с ботвой привезут, а что добру пропадать? Пусть лучше пузо лопнет. Не у торгашей, естественно.

…Наш «папа» сдал вступительные в Тюменский «политех». Слава ему и мне немножко – моя политика! Я ему веские аргументы привела. Говорю: «Ты задумайся, муж, почему лабазники нас, нефтяников ботвой кормят? Да потому, что мы – «свиньи необразованные»… А закончишь институт – другой поворот!» Посмеялись…

Не состоявшийся поход в музей переносим с сыном на следующий выходной. В каникулы ребёнок остался неприкаянный совсем. Велосипед ему боимся брать – опасное движение габаритного транспорта по узкой дороге. «Три плиты – не проспект»… Поэтому – свои выходные проводим с чадом.

Детвора базовская, да и поселковая, летом мотается по песку между сосен, среди балков, и на берегу протоки – довольно широкого ответвления от Оби, омывающей берег Белого Яра. Пускает кораблики и плотики, играет в догонялки и прятки. (Белые ночи, когда светло до двух часов и смеркается ненадолго –

ох и портят нервы родителям и нарушают весь воспитательный процесс). Когда беготня надоедает – дети пробираются на причал базы, стараясь не попадаться на глаза взрослым. Там, с самодельными дельтапланами из плёнки и дранки – «летают» с контейнеров – двадцатитонников, стоявших на берегу целыми улочками и переулками. В лес без родителей не углубляются (так родители думают) – а неподалёку пасутся, выискивая морошку и чернику с голубикой в начале лета, а в конце – бруснику. Клюква около посёлка не встречается. Она – привереда. Ей нужен болотный ландшафт со столбами зудящего гнуса, и непременно кочки… Растительность в таёжном Сургутском краю большим разнообразием не балует. Это ещё одна причина для сравнения с Кубанской роскошной природой, где нам «как дар – в весне купаться и окунаться с головой, в вишнёвый цвет, в клубы акаций, в медовый запах луговой»… Здесь – сосны, кедры, ель, осина, чахлые берёзки на болотинах, почему-то без крон… Это остаётся загадкой. И, между ними по песку – стелющийся голубовато – салатовый ягель с прорвавшимися сквозь его мягкий покров кустами багульника, волчьей ягоды, брусники. Черника и морошка, «девчонки», «стоят в сторонке» – соседства не терпят. Изредка встретится и первоцвет, синего и жёлтого цвета, «водосбор» – аквилегия, чахлая, бледная фиалка. И уж совсем штучно, в глубине тайги, там где можно найти и кустарники малины, засветит во мраке, похожий на нарциссы, кустик анемонов.

В эти выходные, во время езды в музей на переваливающемся с боку на бок при поворотах автобусе «Белый Яр – Снежинка», с замиранием сердца от страха, что вот-вот у нашего, без рессор, ЛИАЗа отвалится колесо, успеваю – таки немножко пристальнее обычного, разглядеть своё чадо, сидевшее напротив. Ну, ладно, я всю жизнь «бледня – бледнёй», как метко выразилась о моей «аристократической» прозрачной коже наша «Лебедь», увидев меня впервые. Ну, а дитя, спрашивается в кого?.. Как – будто его, бедненького, слегка подсинили – думаю и решаю «перевести чадо безотлагательно на усиленное питание». И «морковь с яблоками» – каждый день. Это здесь, слава Богу, есть. И даже не в сушёном виде.

– Мам, чё мы сюда приехали? – спросил ребёнок, когда мы вышли на конечной остановке. Вопрос меня насторожил. Кажется – сын не о музее.

– Что мы потеряли на этом дурацком Севере? – сомнения развеялись окончательно. – За лучшей жизнью, сынок.

– Ничего себе, «лучшей!».. Я черешен хочу. И клубники!

– Я тоже. Но – тебе легче прожить – ты скоро поедешь в пионерлагерь, на Азовское море, в Ясенскую, со вторым потоком. Там это всё есть… – Я улыбаюсь, приглаживаю сыну торчащий чубчик, и мы направляемся в музей.

А там!.. Мы, совершенно неожиданно для себя, увидели и узнали то, над чем долго думали и размышляли. Поистине неизмерима заслуга великого русского академика Ивана Михайловича Губкина. Он в 1932 году, в Свердловске, на выездной сессии Академии наук СССР обосновал необходимость широкомасштабного поиска нефти и газа на восточных склонах Уральского хребта. Это была его мечта. И, как оказалось, всего одному человеку надо верить в мечту долго и упорно, чтобы в неё поверили сначала его друзья и единомышленники, а потом и всё научное сообщество, а потом и глава государства. А потом – и вся страна! Имя этого большого мечтателя о Сибирской нефти и её неутомимого поисковика и разведчика – Фарман Курбан Оглы Салманов! Он свято верил доводам Губкина и систематически занимался поиском в течение 17 лет. Был убеждён, что могущество государства, поднимавшегося из руин после разрушительной войны кроется в недрах Западносибирского региона. Вначале – он был один одержим идеей поиска именно здесь. Губкин умер перед войной, в 1939 году. Позже его поддержал Новосибирский учёный, геолог, нефтяник, Трофимук Андрей Алексеевич. Сколько у них с Салмановым было недругов и скептиков! Сколько завистников!..

На экспедиции Салманова насылались ревизия за ревизией, проверка за проверкой. Это страшно отвлекало, нервировало и мешало поисковой работе. Работа велась с огромным риском, на грани открытия уголовного дела «За растрату государственных средств в особо крупных размерах». Но он упорно, годами, с перерывами и переездами (первая экспедиция состоялась в 1948 году) – искал нефть именно здесь, в Западной Сибири. Он её рассчитал и вычислил по приметам, ведомым только ему. Было исследовано около двух миллионов квадратных километров и потрачено последней (успешной) экспедицией два беспрерывных года исследований.

И вот – 21 марта 1961 года – на озере Самотлор, в окрестностях города Мегиона, Нижневартовского района, в двух сотнях километров от Сургута, забила первая скважина нефти, дебетом 200 тонн в сутки!

О долгожданной победе Салманов лично телеграфировал в Москву. Новая энергетическая эра в стране была открыта. Прорыв в глубины недр состоялся. «Могущество Российское» приросло нефтью Западной Сибири на столетия вперёд.

…Под рокот вертолётов
Плескалась, клокотала,
Из векового гнёта
Нефть выхода искала.
Болота разверзала,
Земли вздымая недра,
Фонтанами взрывалась,
Обрушивая кедры…
Мы приняли дары,
Как принимают роды:
От щедрости Югры,
От милости природы.
В упорстве и трудах
Качаем нефть, качаем,
«Десятый миллиард»
Сегодня добываем…

А через 22 дня Юрий Гагарин взмыл в глубины космического пространства! Может и ракетное топливо для космического корабля первооткрывателя космоса было получено из нефти, разведанной и добытой первооткрывателем нефтяных пластов Западной Сибири?

Тогда же Фарбан Салманов предсказал и огромные нефтегазовые ресурсы под толщами вечных льдов в Арктике.

В настоящее время на территории Западной Сибири открыто свыше 400 нефтяных и газовых месторождений.

Но – уникальными по-прежнему считаются: Самотлорское нефтяное и Уренгойское газовое.

На обратном пути из музея сын молчал и ничего не спрашивал. И только дома, за ужином, поинтересовался: «А где можно найти книжку про Фарбана Салманова?»…

Кажется, выходной день прошёл не зря.

Пока верстался альманах: Тамара Григорьевна Панасенко (литературный псевдоним Агафья Сагал) 23 сентября 2020 года «ушла за морошкой», так говорят северные аборигены. Причина: коронавирусная инфекция…

Геннадий БРОННИКОВ

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

рассказ

Бурого медведя называют в России хозяином тайги. Справедливо называют. По росту, весу, силе и выносливости нет ему равных зверей в средних широтах страны.

Встречи людей с медведями в лесах бывают не часто. Обычно они расходятся мирно, а драки происходят в большинстве случаев по намерению человека и не всегда он, человек, охотник, побеждает. Удачливых охотников называют в народе медвежатниками. Одним из таких славился в Уватском районе Тюменской области Павел Иванович Горбунов, житель деревни Лебаутские Юрты. Знали его и в охотобществах соседних районов, как одного из опытнейших промысловиков-следопытов.

В начале шестидесятых минувшего столетия познакомился с ним охотовед Увата Гавриил Георгиевич Сосновский. В лесу ранним сентябрьским утром охотился он с манком на рябчиков возле речки Потрошоной. Посвистывая писчиком, шёл по правому берегу и успел уже застрелить пять рябчиков, как из глубины тайги послышался лай двух собак. У одной голос был визгливый, у другой – грубый. Лай был злобный, непрерывный. Сосновский понял, что собаки преследуют крупного зверя. Но какого? Лося или медведя?

По мере приближения собак он стал различать и низкий басистый рёв медведя. Предвидя, что преследуемый собаками зверь может выйти к нему, вооруженному только мелкокалиберкой, он стал искать укрытие. Слева в нескольких шагах от себя увидел ветровальную сосну. Вершина её висела на берёзе, а корни были вывернуты. Под ними была неглубокая яма.

«Укрываться в яме опасно, – подумал Сосновский. – Медведи иногда спасают свой зад от укусов лаек у таких выворотней и лучше забраться на сосну». Это ему удалось сделать своевременно. Спустя несколько минут из сосняка выбежал крупный медведь, преследуемый двумя тёмно-серыми лайками. Они старались на бегу ухватить зверя острыми зубами, и когда это удавалось, медведь оборачивался, пытаясь поймать собаку. При очень болезненных укусах свирепо ревел и садился на землю. Увидев выворотень, зверь устремился к нему. Оказавшись за ним, он лишил лаек возможности хватать его за зад. Собаки расположились у выворотня, зорко следя за зверем, и несмолкаемым лаем звали охотника.

Сосновский подумал: «Где же хозяин лаек? И что будет, если

он не услышит их? Прошло уже больше двух часов, как я забрался на сосну, а на лай собак никто не появляется».

Прошло ещё около часа. Гавриил Георгиевич заметил, что собаки повели себя злобнее, лай стал громче, азартнее, лайки подступили к медведю вплотную, на что он отвечал угрожающим хриплым рёвом. Сосновский понял: собаки учуяли приближение хозяина и, отвлекая внимание зверя на себя, скрывают его подход.

Внимательно осматриваясь по сторонам, он увидел блеснувшие на солнце стволы ружья у комля крупного кедра в 20-25 шагах от выворота. Затем разглядел и охотника. Он сидел на корточках и то поднимал ружьё к плечу, то опускал его, стрелять в медведя мешали собаки. Но вот лайки угомонились, перестали соваться к вывороту и повели ритмичное облаивание зверя. Охотник долго и тщательно прицеливался.

После выстрела медведь, как ошпаренный, выскочил из-под выворотня и понёсся к вставшему на ноги охотнику. Он ждал зверя с поднятым к плечу ружьём. Гнавшиеся за медведем лайки пытались задержать его хватками сзади, но раненый зверь уже не обращал внимания на боль от укусов и мчался на расправу с охотником. Когда он был в пяти-шести шагах от хозяина лаек, грянул выстрел, и медведь на полном бегу перевернулся через голову, замертво растянулся у ног охотника. Обнюхав зверя, лайки умчались на речку пить, а их хозяин приступил к свежеванию медвежьей туши.

Сосновского на дереве не заметили ни собаки, ни охотник. Выходя из засады, он нечаянно сломал толстый сук. Охотник обернулся и, увидев незнакомца, не то удивился, не то растерялся от неожиданности. Он молча рассматривал охотника с малопулькой. Сосновский поздравил медвежатника с удачей. На лице его появилась лукавая улыбка. Спросил:

- Неужто зверь загнал вас на сосну?

Сосновский рассказал, как всё произошло. Похвалил работу лаек. Поинтересовался, почему он долго не приходил на зов лаек?..

Продолжая снимать шкуру с медведя, охотник рассказал о себе:

- Фамилия моя Горбунов, звать Павлом, по отчеству Иванович. Живу в деревне Лебаутские Юрты, отсюда километра три до неё, поди знаете? Вчера под вечер я пришёл в свою охотничью избушку, километров за двенадцать выше по Потрошоной, с молодыми собаками Кучумом и Липкой. С утра собирался с ними пострелять глухарей. Ночью собаки запросились вон. Выпустил их из избушки, а на рассвете не мог дозваться. Подумал: домой подались или за зверем ушли?

Пока варил похлёбку из рябчиков да завтракал, солнце поднялось высоко, а собаки так и не пришли. Без них глухарей не

добудешь. Вот и пришлось идти в деревню, посвистывая рябков. Ладно, что пошёл возле речки, а не прямиком. Не то пришлось бы Вам долго сидеть на сосне, – дружески рассмеялся он.

Снимая шкуру с медведя, Горбунов держал нож в левой руке. Правая была стеснена в движении. Он придерживал шкуру только большим и указательным пальцами: рука охотника была парализована.

Вернувшись с речки Кучум и Липка, принялись деловито обнюхивать гостя. Липка лизнула его руку и подставила под неё голову, давая понять, что следует погладить. Когда он исполнил её желание, она стала ласкаться, дружелюбно виляя закрученным на спину хвостом. Кучум был на год старше Липки и вёл себя солиднее. Обнюхав снятую хозяином шкуру, он степенно улёгся на ней и задремал.

Обе лайки были породистые, крупного роста, имели отличный экстерьер, сухие головы с высоко посаженными острыми ушами. Похвалив собак за породистость, Сосновский спросил Горбунова, есть ли у него другие охотничьи собаки и как они работают в тайге?

- У меня ещё имеются родители Кучума и Липки – Шарик и Пальма, тоже серые и такие же ростом и статью. Шарику девять лет, Пальме семь. Если бы сегодня они были со мной, то Вам бы на сосну лезть не пришлось: они остановят любого зверя на месте, не дадут ему ходу. А эти лайки молодые, у них еще сноровка не та. Станут постарше, будут работать как их родители. По лосю они уже идут хорошо и глухарей сажают на деревья отменно. Ещё по первому году стали их облаивать толково. Птица над ними сидит крепко, лая не пугается, интересуется! – с удовольствием рассказывал Павел Иванович.

О Горбунове, как об удачливом зверовом охотнике Сосновский слышал от местных старожилов ещё, когда только приехал в район. Теперь же ему посчастливилось познакомиться с ним на медвежьей охоте. Он мог наблюдать, как тот спокойно поджидал несущегося к нему крупного раненого медведя и сразил его метким выстрелом. Это свидетельствовало не только о самообладании охотника, но и о его опыте зверовой охоты.

Когда Павел Иванович закончил разделку медвежьей туши, день уже клонился к вечеру. Сосновский спросил:

- Что будете с мясом делать? Здесь пока оставите под охраной собак?

Горбунов ответил:

- У меня в устье Потрошеной есть лодка. Я сейчас пойду за ней, а Вы пока отдыхайте здесь. Если не возражаете, то переночуете у нас, посмотрите на наше житье-бытье. Завтра я опять поеду сюда охотиться на глухарей. Пожелаете, поедем вместе. Сегодня Ваша

охота рано закончилась из-за канители с медведем. Сосновский согласился. К закату солнца они приплыли с добычей в Лебаутские Юрты.

Дом Горбунова стоял на самом берегу озера Лебаут. Охотников встретил дружный лай четырёх собак, сидевших на привязи у дворовых построек дома. На лай вышла вся семья Павла Ивановича: жена Анна Петровна, старшая дочь Елена, сыновья Виталий и Семён, младшая дочь Валентина.

Пока семейство Горбунова во главе с хозяином занималось переноской мяса в погреб, Сосновский осмотрел лаек хозяина, полюбовался ими. Особенно ему понравился Шарик, который, несмотря на девятилетний возраст, был энергичен, обладал сильным, звучным голосом. Хороша была и Пальма. Сухая голова с узким черепом и острой мордой, круто завёрнутый хвост придавали ей особую изящность.

Ещё две лайки – весенние щенки – унаследовали от родителей, Кучума и Липки, породистость и экстерьер. Можно было не сомневаться в том, что они будут хорошо работать по птице и зверю в тайге, пройдя охотничью практику уже в следующем сезоне...

Так удачно начавшееся знакомство Сосновского с Горбуновым продолжалось много лет. Он приезжал к нему охотиться на уток на заливах Лебаутского сора. Охотились они на тетеревов и глухарей с лайками осенью, на лосей по лицензиям райзаготконторы.

Охота на лося обычно длилась не долго. Лайки Горбунова быстро находили лесного великана и ставили его на отстой... После охоты на рогача Павел Иванович переключался на отстрел белок, куниц и соболей с лайками до глубокого снега, а затем переходил на отлов их капканами и ловушками до конца промыслового сезона. При охоте на пушных зверьков лайки Горбунова иногда набегали на берлогу, и ему всегда удавалось застрелить хищника.

«Горбунов удивлял меня меткой стрельбой даже по таким быстролётным птицам, как утки и тетерева, – вспоминает Сосновский. – А ведь правая рука у него гнулась только в локте. На охоте он носил ружье, держа его левой рукой за цевье, а правой, большим и указательным пальцами, за шейку приклада.

Зимой при глубоком снеге стоило Горбунову увидеть на опушке леса свежий волчий след, как он немедленно запасался питанием на несколько дней, вставал на камусные лыжи и устремлялся за хищником. Преследуя волков, он настолько утомлял их, что они уже были не в состоянии уходить от него и даже оказывать какое-либо сопротивление...».

«Вот такой он охотник и защитник наш от таёжного зверья!» – говорили жители Лебаутских Юрт – небольшой деревни возле леса, озера и реки...

Тамара ВАХРУШЕВА

ЧАПАЙ

рассказ-быль

Село протянулось вдоль реки Чапаевки одной длинной улицей в два плана.

На крутом правом берегу. Дворы верхнего плана смотрели на унылую степь, там огороды, обычно к середине лета, выгорали от палящего солнца и ветров. А вот дворы нижнего плана смотрели на речку и напротив каждой избы на левом, пологом берегу, был сад. На плотиках стояли моторчики, которые почти всё лето качали воду. Река, словно голубая змейка, бежала по степи, стараясь быстрее достичь Самарки, а дальше попасть в Волгу. Обрывистый правый берег был заросший куреньями и колючей чилигой, деревья там не росли, так как весной глинистый берег сильно подмывало.

Девятилетний Санёк жил с матерью и тёткой Ниной, которая болела странной болезнью, она в любой момент могла заснуть, даже стоя. Мать его целыми днями работала в колхозе, и Санёк был сам себе хозяин.

Вот и сегодня он лежал на лавочке своего соседа, деда Андрея. Андрей Петрович, как его все называли, был невысокий, но крепкий мужик. У него были рыжие, как медная проволока кудрявые волосы и красивая борода, здоровые кулачищи, про них в деревне говорили, что он ими быку запросто мог шею свернуть. А ещё он лечил людей, когда к нему стучали, его жена, высокая, худенькая и тихая баба Саня спрашивала: «Вам врача людского или «скотского»?». На этот счёт у него было два чемоданчика с лекарствами и инструментом. Ещё почему-то деда Андрея, за глаза, звали «кипятком», говорили, «уж больно горяч Андрей Петрович».

Дед Андрей, подсел к Саньку, потрепал по выгоревшим, как солома, волосам и спросил: «О чём задумался, Санёк?». Немного помолчав, вздыхая, Санёк сказал: «Да вот хочу жениться на вашей Тамарке. Да только она у вас сильно дерётся. Может, деда Андрей, ты с ней поговоришь или излупишь её хорошенько». Дед засмеялся: «Да жалко мне её лупить, она ещё больно маленькая».

Тут выскочила Тамарка с чёрными, как смоль, косами и рыжими «конопушками», и сразу закричала: «Уходи с нашей лавки!». Вскоре дед запряг рыжего, как он сам, жеребца Мальчика,

в телегу, бросил охапку соломы, и они с Тамаркой поехали на пятое отделение. Дед Андрей работал в колхозе ветеринаром.
Как же Тома любила ездить рано утром, когда ещё воздух был наполнен утренней прохладой и запахами сада и речки. Вот и сегодня они ехали к казахам, которые пасли колхозных овец и жили посреди степи в юртах и глиняных мазанках, которые изнутри были устелены и увешаны красивыми коврами, на полу лежали горкой подушки и матрасы, заборов и огородов у них не было. Возле мазанок и юрт лежали огромные, как телята, собаки. Они помогали пасти овец. От деревенских собак они отличались тем, что никогда при виде человека не вскакивали и не лаяли.
В середине жилища стоял тандыр и висели два котла.

На встречу к ним вышел Тлек, его жена, тётя Люба, радостно улыбаясь, сидела посреди двора на войлочной циновке и, задрав широкую юбку, на голой ляжке катала лепёшки. Дед возмущённо заворчал: «Тлек, да купи ты своей «анчутке» стол, что же она так над хлебом издевается».

Тлек, смеясь, по своему что-то говорил своей жене и она, похожая на чёрную луну, тоже смеялась.

Из юрты вышла их дочь, Катай. Она совсем была не похожа на них. Высокая, тоненькая с бледной кожей и нежно-розовым румянцем на щеках, чёрными, жгучими, как угли, большими глазами, сверкающими из под густых ресниц, тонкие брови придавали её личику удивлённый вид. Кудрявые чёрные волосы были заплетены в две тугие косы. Она поздоровалась застенчиво улыбаясь. Томка всегда смотрела и любовалась этой красотой. Катай была приёмной дочерью. Когда у Тлека и тёти Любы ещё не было детей, они привезли её издалека, от дальних родственников. Она почти никогда не смеялась и не разговаривала, потому что плохо знала русский язык и кое-как закончила школу. Деревенские её жалели, так как она уже была просватана за сына Марьзи, который пил, почти не работал и ночами дебоширил у клуба. Но калым они заплатили за невесту хороший, надеясь, что Катай его образумит.

Из степи, как ветер, на коне примчался сын Тлека, Сасю, он был на два года старше Томки, но учились они в одном классе. В отличие от Томки Сасю был высоким, крепким парнем, как все степняки. В школе ему все завидовали. Он жил в интернате, как все дети с отделений. Но ранней весной отец забирал его пасти овец. На возмущение Михаила Ивановича, директора школы, смеясь, говорил: «А чему ему здесь учиться? Только голодом морите». И

вправду, Сяся почти ничего не ел. Столовскую еду, он ненавидел, всякие щи – борщи. Говорил: «Лучше хлеб с солью».

Осенью его тоже в школу привозили позднее всех. А сейчас он подсадил Томку в седло, и они мчались по степи. Голубое ситцевое платьице, как степной василёк трепал ветер, тугой пучок волос, завязанный в хвост, метался по спине. Они летели, обгоняя ветер и облака. Дед с Тлеком уехали на стан обрабатывать креолином овец. День пролетел быстро.

Вечером на подносе, источая аромат, лежали большие куски варёной баранины, стопка лепёшек, напеченных «анчуткой», в пиалах дымился душистый чай с молоком. Уставшие дед и Тлек, полулёжа на войлочных циновках, о чём то беседовали. Из степи слышалось убаюкивающее «пить - пирю, пить - пирю». Ржание коней и монотонное стрекотание кузнечиков. Засыпая, Тамарка думала: «Ну, ведь не может «анчутка» быть такой доброй». Бабушка даже при её упоминании крестилась приговаривая: «Не приведи, Господи, встретить»…

Санёк был рад что худющая, маленькая и злющая Томка уехала с дедом, но почему-то без неё ему было скучно.

Уж больно Санька любил гулять по их двору. Да и баба Шура напечёт чинёнок и обязательно угостит Саньку, приговаривая: «Вот ведь окаянный, опять увёз девчонку на весь день, голодом, на жаре вся испекётся. Поди, из-за этого и не растёт». А Санька, кусая горячую чинёнку, свободно, без Томки, гулял по двору. Разглядывая цесарок, маленьких курочек в «горошек» и дивясь тому, как громко они кричат. Индюков, важно, как большие корабли на Волге, расхаживающих по двору и кур у деда Андрея каких только не было. Краснорыжие и мохноногие, и высокие белые голенастые, но, краше всех был чёрный кочет, только страсть какой клевачий. В тени, под рыдваном, лежала большая свинья, облеплённая розовыми поросятами. Но больше всех Санька любил овчарку Альфу. Все её боялись, а Санька подходил и гладил, иногда не в силах сдержаться, целовал её в холодный, мокрый нос.

Лето пролетело уж как-то очень быстро. Дед накачал много мёда, фляги стояли в саду в прохладном омшанике. Санёк и Томка сидели, болтая ногами на полатях и смачно ели душистый мёд в сотах. От аромата мёда, спелых яблок и слив немного кружилась голова, они сидели тихо, потому что пчёлы не любят шум и суету. Пчёлы гудели, спешно собирая без устали пыльцу с осенних цветов. Вечерами на землю опускалась прохлада. Как-же тогда было приятно сидеть на крылечке и смотреть в бездонную

глубину звёздного неба, держа в руках банку парного молока и кусок подсолённого хлеба.

Наступил сентябрь, но всё ещё стояла нестерпимая жара. Школа стояла на пригорке, с одной стороны от неё был глубокий овраг, а с другой, бахчи. Но арбузы Саньку совсем не интересовали, там поспела зеленовато-чёрная бзьника и они с Томкой, по пути в школу, заходили на поле и опаздывали на урок. У Томки в школе работала мать и Екатерина Егоровна, классная руководительница, жаловалась ей: «Ну совсем не хочет учиться, опять опоздала». А тётя Люба просила: «Не ругай ты её, Катя. Она и так у нас не растёт. Поставь ты уж ей «четвёрку». А Саньку писали, чтобы пришли родители. Как же он за это ненавидел Томку.

Зима наступила сразу. Подули холодные ветра, принесли с собой вьюги и бураны.

Дядя Ваня, школьный сторож, на санях собирал по деревне учеников, потому что боялись, что дети могут заблудиться и уйти в степь и замёрзнуть. Санька жил рядом со школой и очень завидовал ребятам, которые жили на краю деревни в «Сталинке» и «заречке» и, хоть на недолго, тоже заскакивал в сани.

Толстый прозрачный лёд, словно выметенный веником, сковал намертво реку. И вся ребятня перекочевала туда, барахтаясь в снегу и визжа раскачивались на ветвях плакучих ив, объедали, с росших вдоль левого берега дичек, прошлогодние яблочки, катались с кручи на санках.

Томкина мать лежала в городе с аппендицитом, и девочка жила у дедушки с бабушкой.

В воскресный день Санька позвал её кататься на санках. Дед стоял на коленях и рубил маленьким топориком скотине тыкву. Баба Шура выбирала и складывала на противень семечки. В избе было тепло, пахло блинами, мочёными яблоками и арбузами. Саньке уже расхотелось на улицу, но настырная Томка уже собралась, схватила санки и побежала к круче, напротив проруби. Уж очень ей хотелось перескочить прорубь, пока её никто не видит. Дед, тоже надел белый тулуп и решил сводить скотину на водопой.

Томка торопилась, быстро села в санки и помчалась, хохоча и размахивая руками, санки неслись с бешеной скоростью и, вдруг, врезались в край проруби, отлетели на другой берег. Томки в них не было. Санька с ужасом увидел, как она барахтается в проруби, он громко закричал, как сумасшедший. На этот крик прибежал дед

Андрей, кубарем съехал с кручи, выволок «за шкирку» Томку и потащил её домой. Санька побежал за ними.

Дома дед Андрей быстро снял с Томки всю одежду, снял с чёсанка галошу и, шлёпнув несколько раз Томку по голой заднице, забросил её на печь, задёрнув занавеску. Томка ревела, как резаная. Бабушка молча вздыхала, дед её успокаивал: «Ничего, пусть поорёт, лучше пропотеет, а то, не дай Бог, заболеет».

Санька, не выдержав, толи от страха, толи от жалости, тоже заревел. Дед обнял его: «Не реви, ведь сам просил, чтобы я её хорошенько отлупил».

Наутро, видно хорошо пропотев, Томка, как ни в чём не бывало, скакала по избе, ей повезло, её в этот день не отпустили в школу. А Санёк, как дурак, просидел один за партой.

Альфа всё лето жила в саду, охраняя его от постоянных набегов ребятни, она бегала на цепи, вокруг сада. Но Томка ложилась на спину Альфы, крепко держась за густую шерсть, и ребятня успевала перепрыгнуть через забор и убежать вглубь сада. Утром Томку ругала мать за сломанные яблони и груши, но бабушка заступалась. «Не ругай ты её, она и так не растёт. Томочка невиновата, это её совмустили». Ну, а Саньку опять из-за неё дома драли уши. Он уже начинал думать, что она, такая хитрая, нарочно не растёт, чтобы её все жалели. Зимой Альфу перевели из сада во двор, в большую, устланную соломой, будку. Вскоре у неё появились щенки. На щенков была очередь, потому что они были от породистого кобеля. Санька, на правах соседа, выбрал самого лучшего и назвал его Байкалом. Щенок быстро рос, был красивым и игривым.

Наступила весна. Овраги наполнялись водой, неся с собой потоки красной глины и стремясь к реке. Река набухала, бабы говорили, «как беременная тёлка». Летом речка мирно текла зажатая в своё русло, в ней водилось много раков и рыбы. Особенно вкусной была краснопёрка белая, почти без костей, да пескари. Их жарили с яйцами, в сметане.

С утречка, до жары, ребятня хватали бидончики, удочки, сделанные из тонких и упругих веток ветлы, и бежали на рыбалку. Рыба с утра хорошо клевала, попутно, набирали в кульки из листьев лопуха, душистой ежевики, которая оплетала весь левый берег реки. Летом говорили, река как мать родная, и накормит и водицей напоит.

Но, весной Чапаевка превращалась в злую мачеху, через неё на толстых тросах был протянут перекидной длинный мост. В

половодье по нему ходили за реку на ферму и на маслозавод с сыроварней, дальше, за холмом, рос Дерилкин сад, там стояли колхозные ульи. В саду было глубокое озеро с тёмной пугающей водой, в которой цвели жёлтые кувшинки и белые лилии. Весной сад казался бело-розовым облаком среди степи. Вокруг засевали поля гречихой и подсолнечником. А дальше тянулись бескрайние бахчи. Но в этот дивный сад ходить немного было смельчаков. Только дед Ярмонька жил в мире и дружбе с пчёлами с ранней весны и до осени.

Вот и на этот раз река вновь грозилась показать свой буйный норов. Колхозную скотину спешно перевозили на дальние отделения. Дед Андрей почти не бывал дома. Перегоняли отары овец, которые испуганно метались по степи. Мычали коровы, но труднее всего было со свиньями, весной у них начинался опорос и, поэтому, некоторых свиней, на время половодья, отдавали колхозникам. Свиной визг разносился по всей деревне.

Деду Андрею тоже привезли несколько свиноматок. Переполошенные куры разбежались по всему двору и начали нести яйца, где попало. Но Санька и Томка с удовольствием искали их схороны с яйцами. Рыжая курица спряталась в катухе, под яслями, где обитал маленький телок Буян и, отложив несколько яиц, села их высиживать.

Вот и наступил тот день, точнее вечер, который ждали со страхом и тревогой. Почти вся деревня сбежалась смотреть на реку. Больше всего набилось народа на перекидном мосту. Река бушевала, потоки воды свирепо неслись, сметая всё на своём пути. Острые льдины, под напором воды, как необъезженные белые кони, вставали на дыбы, налетая друг на друга, падали вновь вставали. Степной ветер дул с неистовой силой, подбадривая бурлящую и ошалевшую реку. Казалось, весь мир восстал против человека.

Со всех оврагов, ревя, как раненый зверь, неслись бурные потоки бурой, как кровь, смешанной с глиной воды, наполняя реку и придавая ей сил.

Вот уже очередной напор сорвал деревянный мост. Брёвна разлетелись, словно спички, тяжёлые льдины подхватили их, безжалостно кроша и ломая.

Река не унималась, вот уже медленно, тягуче она пытается выползти на левый берег, чтобы вырваться на свободу и навсегда покинуть крутые берега, убежать в неведомую даль. Люди, молча, смотрели, очарованные силой и мощью бурной реки. На небе

сказочным ковром рассыпались холодные звёзды, огромная луна отражалась на глади тёмной воды, словно остров в бескрайнем океане, набегавшие волны старались утащить её в тёмную воду, но луна, не замечая их, любовалась своим отражением на фоне серебряных звёзд.

К мосту приближалась большая, как айсберг, льдина. Вдруг кто-то крикнул «Смотрите! Смотрите щенок!»… Сашка, внимательно всматриваясь в темноту, закричал: «Это же мой Байкал!».

Никто ещё ничего не успел понять, а он, худенький, маленький уже стоял на льдине посреди грозной реки, прижимая и запихивая под телогрейку, мокрого, скулящего от холода и ужаса, щенка. Народ, сбивая друг друга с ног, ринулся на берег. Женщины кричали. Река выла и ликовала, как злая ведьма, жаждущая жертвы. А Санька стоял, не понимая, что происходит, и только крепче прижимал к себе щенка.

Впереди, за поворотом, широкий омут заглатывал потоки воды и льда, тянул их в свою тёмную бездну, и словно напившись, выплёвывал, захватывая новую порцию.

Медлить было нельзя. Люди метались не в силах помочь. А льдина, всё быстрее и быстрее, мчалась к страшному омуту. Дед Андрей вырвал с упряжки оглоблю, схватил аркан, все его вены налились свинцовой кровью, обогнав льдину,он с силой накинул на Саньку аркан, крича тому: «Держись, милый! Я с тобой!». Санька быстро продел аркан через руки на пояс. Дед бросил оглоблю, один конец с грохотом упал на льдину. «Хватай оглоблю» - кричал дед. Санёк всем телом, навалился на неё. Дед с силой натянул аркан, Санька болтался в воде, крепко обхватив тонкими ручонками ледяную оглоблю. Река пыталась вырвать из рук слабого человека-ребёнка. Дед собрал все силы, его крик заглушил шум реки, рванул на себя аркан и оглоблю…

На земле лежали уставшие и измученные два человека и щенок.

Люди галдели, толкая друг друга.

Кто-то из толпы крикнул: «Ай да, Санька! Герой наш! Чапай!». С тех пор прошло много лет, наверное, многие уже и забыли эту историю. А только Саньку до сих пор зовут «Чапай» выросли его дети и внуки, но и их зовут «Чапаевы».

Виталий ОГОРОДНИКОВ

ДИАГОНАЛЬ

рассказ

Ильи было два в одном, один бегун, другой бабник. Мягко будет сказано, что они бесперебойно конфликтовали – люто ненавидели друг друга. Илье было с ними не просто. Привыкнуть к такому дуэту он много раз пытался. Они продолжали каждый гнуть свою линию, сменяя друг друга в самые неподходящие моменты. Как правило, утром бегун одерживал верх – он вытеснял бабника, проворно работая локтями, показывал ему неплотно сжатые кулачки и даже ехидно посмеивался. Но тот – второй, который бабник первостатейный, тоже был не промах и к вечеру уже он правил бал. Чувствовал себя в Илье как дома и уже никаким бегунам спуску не давал. Все их кулачки он разжимал, встряхивал пальцы, а потом показывал смачную фигу. И хорошо знакомые локти он распрямлял и норовил щёлкнуть прямо по косточке.

А вот Катя была одна в одной – благочестивая, грациозная, романтическая. Всю себя она отдавала музыке и балету. Тут было одно совпадение, дело в том, что бег – это тоже музыка, может немного и балет! В беге есть все темпы от Lento до Presto. В нём есть Legato, Staccato… Там есть и ритенуто, и фермата… Также, если хорошенько присмотреться, в беге можно найти антраше, манеж, арабески и даже па де бурэ.

Рано утром Илья, в котором на этот раз бегун одерживал превосходство, бежал привычным маршрутом, и все встречные и поперечные видели в нём одного единственного Илью, ведь то, что в нём есть ещё один, он никому не говорил, бежал себе и бежал. Также кулачки неплотно сжатые, отмашка локтей, ровное дыхание. Хотя Илья начал с прогулочного темпа, чтобы разбежаться постепенно, бабник не мог догнать бегуна, но мешал основательно – дыхание сбивал, подножки ставил, да камешки под ноги подбрасывал. Когда изо дня в день бежишь одним маршрутом, прохожие и коллеги-бегуны попадаются одни и те же. И даже звуки были одни и те же, но подбегая к надземному пешеходному переходу, он уловил довольно громкую музыку, которой раньше здесь не слышал. Конечно, частенько в таких переходах играют гитаристы, флейтисты, скрипачи, но не в

полшестого же утра и уж не «Танец маленьких лебедей». При этом играл там целый оркестр и довольно выразительно, и «Танец маленьких лебедей» чётко совпадал с пульсом Ильи.

Илья пробежал под переходом. Но когда музыку уже не было слышно, какая-то сила повернула его, и он побежал обратно. Он вспомнил, что слышал эту музыку в Большом Театре. Приближаясь, он опять отчётливо услышал эти ритмы, и снова вспоминал, что рядом с ним сидела очаровательная блондинка с маленьким биноклем и постоянно крутила резкость. Так он бегал довольно долго, то приближаясь, то отдаляясь от перехода, словно тоже резкость не мог навести. Музыка не кончалась всё это время. Илья сбавил темп и на цыпочках, (чтобы не вспугнуть музыку) начал подниматься в переход. Его кроссовки мягко шли по ступенькам, а музыка была всё громче и громче. И тут он увидел молодую девушку в футболке, трико и пуантах, стоящую возле никелированного поручня, который проходил по всему переходу. Катя выполняла такие упражнения, что у Ильи зашумело в голове. Бабник пытался завладеть положением, но получил добрый пинок под коленко и со стоном уковылял.

Катя продолжала репетировать. Рядом с небольшим приёмником полулежал рюкзак, из которого выглядывала пузырьком воздуха бутылка воды. Катя почувствовала, что рядом кто-то есть, огляделась по сторонам, и увидела Илью. Их взгляды встретились. Девушку ничуть не смутило появление зрителя:

– Ого! Зрители собираются. Карантин в стране, а театр уж полон! Не ожидала вас здесь увидеть. Бегун крутил головой в поисках театра и грозил пальцем присмиревшему бабнику – тому тоже было всё интересно.

– Я вас здесь раньше не видел, – сказал бегун, – Каждый день мимо пробегаю.

– Так раньше я репетировала в театре, а сейчас его закрыли. Вы что не слышали о новом вирусе? Карантин же всюду.

– Нам бегунам проще – улицу не закроешь, – ответил Илья.

– А нам что делать? Театр на клюшке, где репетировать? Хорошо ещё, что есть такие переходы – здесь всё как в зале, даже станок на той же высоте, – продолжила Катя, закинув ногу выше головы.

– Садитесь, будете моими зрителями.

Илья осмотрелся и удивился, что к нему обращаются во множественном числе. Он несмело присел на бетонный пол и так

увлёкся танцем, что не заметил, как бабник решил взять инициативу в свои руки. Илья-бегун смотрел с упоением на «Лебединое озеро», тогда как Илья-бабник, вцепившись в никелированные перила двумя руками, повернул их на девяносто градусов и увидел стриптизершу, извивающуюся вокруг зеркального шеста под заунывный, *недосолёный* блюз.

Однако у бегуна не только ноги были сильными, он возвратил перила в изначальное состояние, и снова зазвучал Петр Ильич Чайковский. Тут уже оба Ильи вцепились в шест. Шест становился то на дыбы, то снова занимал своё привычное – горизонтальное положение. А Ильи представляли себя, то в Большом театре, то в маленьком ночном клубе. Катя едва успевала реагировать на эти повороты и то отпускала, то вцеплялась в нержавейку мёртвой хваткой. Ночью оба Ильи выспались нормально, и силы были почти равны, поэтому шест почти непрерывно крутился, как секундная стрелка в часах. Они продолжали выхватывать друг у друга шест.

– Поставь на место, тебе говорят!

– Я тебе покажу, где место!

– Это ты-то мне-то, это я тебе…

– Эй, в партере, нельзя ли потише, – Катя, тяжело дыша, с укором посмотрела в сторону зрителей.

Бабник, воспользовавшись замешательством, изловчился, выхватил шест и пытался *отоварить* бегуна увесистым орудием, но тот, видя, что лебедёнок в любой момент может сорваться, перехватил его и с неимоверным усилием вернул в первоначальное положение.

Приёмничек тоже не понимал, что с ним происходит, ему казалось, что какой-то невидимка крутит в нём все винтики и нажимает разные кнопки. Бедная Катя не понимала, что ей делать и изрядно вымоталась. Переведя дыхание, она вернула себя в привычное положение. Тут уже оба зрителя оценили стройную Катю от тайны её глаз до изгиба талии и формы коленок, которую ни одно трико не скроет.

– Скоро люди пойдут, концерт окончен, мне пора, – она посмотрела на часики, быстренько переобулась в кроссовки, глотнула воды, упаковав пуанты и приёмник в рюкзак, закинула его на плечи и пошла вниз по ступеням. Оглянувшись, она улыбнулась, но никто не понял, кому предназначалась эта завораживающая улыбка.

Оставшись один, Илья загрустил – ни музыки, ни балета. Бегун равнодушно разглядывал свои поношенные кроссовки, бабник высовывался как пришибленный и бубнил себе под нос:

– Всё ты по своим балетам шастаешь. Нет, чтобы настоящее искусство посмотреть. Настоящее искусство только в ночных барах. Уж ночью я тебе задам.

Но он больше стращает – ночь прошла спокойно, и ни в какие ночные заведения бегун бабника не пустил.

На следующее утро Илья забежал в надземный переход, хотя музыки не было. Он поднялся по ступенькам и увидел искореженную трубу из нержавеющей стали. Она была свинчена каким-то великаном и стояла под наклоном, одним концом упираясь в бетонный пол. Оглядевшись по сторонам, он попробовал выправить её, но она не поддалась. И куда девались силы? Он пошёл вниз по лестнице, но, услышав чьи-то шаги, остановился. Оглянувшись, он увидел на противоположной стороне Катю с рюкзаком за плечами. Она тоже остановилась. Четверть часа разглядывали они друг друга, потом кто-то из них спросил:

– Ты сейчас кто?

– А ты?

И двинулись навстречу.

Нина ЛЕКСИНА

ЛЕС – БАТЮШКА

рассказ

Медовый август был на исходе. Яблочный Спас – готовь к зиме припас – уже проводили. Да и третий встретили. Считанные денёчки оставались до начала учебного года. Вот-вот осень у порога...

Ежатся от холода сжатые поля. Стерня, точно стриженые макушки новобранцев. Серым волком рыщет ветер по скошенным лугам, по облысевшим садам и посадкам. Зарядили было дожди, да, видно, передумали. И просияло солнце…

Вечером, входя в избу, бабушка Катя сказала мне:

– Погодушка-то уведрилась, Нинушка, ложись-ка спать пораньше, а утром, Бог даст, в лес пойдём. Разбужу с петухами. Сказывали грибники у пригона: грузди да волнушки поспели.

– Ура-а, меня в лес берут! – кричала я радостно.

Ушам своим не верила: я ведь ни разу ещё не была там. Село наше лежало в кольце золотых полей, очень далеко от леса. А он темнел вдали сплошной стеной, молчаливый, пугающий. Мне и младшей сестренке Тане запрещено было туда ходить.

Утром, рано-рано, бабушка разбудила меня:

– Подымайся, кто рано встает, тому Бог дает…

Я беспрекословно выпила кружку парного молока и оделась.

Выйдя за ворота, она первым делом перекрестила себя и меня, и мы отправились в сторону леса. Утренняя прохлада прогнала остаток сна. Ветерок ласково щекотал щеки и шею, ерошил на лбу мою коротенькую челку.

Бабушка Катя идет впереди, даже не идет, а как будто плывет. Длинная юбка, собранная резинкой на талии, вьется на ветру, закрывая ее ноги до пят.

Бабушка сама шьет себе нехитрую одежду на «зингерской» машинке: юбку из темной плотной ткани и блузки ситцевые или сатиновые в мелкий цветочек, исподнюю рубаху из светлой бязи. Одним словом, одевается так, как исстари одевались женщины в русских селах. Волосы заплетены аккуратно в мелкую косичку и собраны гребенкой. На голове неизменно – беленький платочек.

Мы миновали чужие огороды и сады, источавшие еще яблоневое мирро. Бодрость наполняла все мое существо. И я уже

чикиляла* на одной ноге и прыгала через маленькие лужицы, как козочка. Бабушка урезонивает меня:

– Лес-батюшка шумливых да суетливых не больно-то любит, силушка-то еще пригодится.

– Бабушка, а почему ты лес батюшкой величаешь?

– А потому, – отвечает она, – что ежели земля-матушка, то лес – батюшка, кормилец. В войну да в голодные годы лес нас и кормил, и обувал, и от холода спасал. И зверю дикому он обитель, и птахе укрытие.

По дороге в лес мы встретили дуб-великан, он был высокий, развесистый, может быть, даже столетний.

Показывая на него рукой, бабушка говорила:

– Видишь, сколько желудей на нем; в войну их в ступе толкли, муку делали, хлеб да лепешки пекли. А корой дуба и людей, и скот лечили. И теперь желудей-то много под дубом. Никто и не собирает. Даже свиньи «нос воротят».

Вот и лес... Несмело, след в след, шагала я за бабушкой, и от волнения у меня внутри все холодело: а вдруг вон за теми кустами *волк* поджидает? А в зарослях *яга* страшная прячется? И опять дуб навстречу – стоит на краю поляны, кряжистый, широкий в обхвате, с ветвями-щупальцами... А *Кота* ученого нет? Да ведь листья-то пожухли и опадают...

Чем глубже в лес проходили мы, тем тревожней становилось у меня на душе:

– А мы не заблудимся, бабушка?

Учительница говорила, что, идя в лес, надо компас брать с собой, иначе можно с пути сбиться… А *Леший* в чащобу не уволочет нас? – на всякий случай спрашиваю я.

– Полно тебе, внученька, вон наш компас – на небе, – указала она на взошедшее солнце. – Запоминай, с какой стороны солнце, коли в лес заходишь. А лес этот я вдоль и поперек в войну прошла. И места грибные да ягодные знаю. Так что тревоги твои напрасные. А Лешего-то из головы выкинь. Волков бояться – в лес не ходить...

Она сказала, останавливаясь:

– Вот мы уже и пришли. Сейчас во всей красе увидишь лес - батюшку.

Чикиляла – прыгала на одной ноге, пытаясь подольше удержаться.

Повязывая поверх беленького платочка на голове малиновый полушалок, она пояснила мне: так лучше её видно будет среди бурых стволов да травы.

– На дятла теперь ты так похожа, – говорю я, и мы весело смеемся.

И страх отступает от меня.

–Послушай, – говорит она, – ты следом за мной не ходи, а то вместо грибов пятки собирать будешь. Но и по сторонам шибко далеко не лезь – потеряться можешь…

Я мало-помалу осмелела и глазела уже по сторонам. Хороводились молоденькие березки. Обняла одну из них, покружилась – позолоченные листочки так и посыпались, что-то шепча на прощание. Голова закружилась от запахов увядающей травы, листвы опадающей и еще от каких-то неизъяснимых ароматов, неведомых шорохов, звуков. Было в лесу в этот час как-то торжественно-тихо, прохладно и таинственно, и вовсе не страшно... Главные солисты лесного хора уже покинули наши края… Порхали с ветки на ветку синички и еще какие-то неведомые мне птицы, но мне не хотелось докучать бабушке расспросами. Присмотрелась: бабушка грибы один за другим клала осторожно в ведро. Подняв голову вверх, увидела голубеющее небо и солнце, которое показалось мне мохнатым, будто запуталось оно в кронах высоких сосен, дубов и берез.

– Вот так великаны! – встрепенулась я.

Треснула ветка, я испугалась и закричала:

– Ой-ой, где-то рядом медведь!

Но бабушка успокоила меня:

– В наших лесах медведи не водятся. А у страха глаза велики – не только медведь, и слон может померещиться.

– А от меня грибы прячутся, – начинаю канючить я, – ни одного нет. Наверное, зря я пришла сюда.

– А ты, внучка, почаще поглядывай, они и вправду, от тебя прячутся. Всматривайся и вслушивайся, тогда лес все тайны свои тебе откроет, распахнет он свои кладовые, ничего не утаит. Как говорится, надерешь лычок – сплетешь ремешок, обдерешь палку – получишь скалку.

– Ох уж вечные эти бабушкины присказки, – вздыхаю я.

И вот, потихоньку, идем мы по бабушкиным грибным местам. Наконец, пристально глядя под березку, а вдруг показалось, вижу: вот он, грибок, что спрятался от меня. И я не ошиблась: ковырнула палкой листву – и вот гриб, да еще не один!

– Бабушка, я грибы нашла! Грузди или волнушки!

– Сыроежки это. Не бери их. Груздь сыроежке не товарищ, а волнушка не подружка. Не кручинься, твой гриб тебя дожидается.

Успокоенная бабушкиными шутками-прибаутками, иду по опавшей листве, цепляя на лицо паутину.

– Ах, грибы мои, грибы, да вы грибо-о-чки мои! – горланю я что есть мочи во все горло и отхожу чуть в сторону. Вот оно – везение: волнушки прямо передо мной, в траве. А вывел на них мухомор. Красный такой, огромный, в шапке сказочного гнома.

– Бабушка, а давай мухомор возьмем.

Но вокруг тишина. Мне стало жутко, и я заорала изо всех сил:

– Где ты, ба-а-буш-ка-а?!

– Да здесь я, рядом, давно тебя вижу, – чуть громче привычного отвечала она. – Ну что, распахнул лес-батюшка кладовые перед тобой? Э-хе-хе, в войну дикую малину да яблоки-кислушки ведрами носили, тем и спасались. Сады-то в суровую зиму вымерзли. Кабы не лес, пропали бы. Липовое лыко из лесу несли да лапти плели. К лесу-то особое почтение иметь надо, беречь как зеницу ока.

– Сколько времени мы в лесу, а кукушки не слышно. Куда подевалась, ведь она в лесу живет? – не унималась я.

– В эту пору кукушка не кричит: колоском подавилась.

– Как это подавилась? Каким колоском? – тараторю я, удивляясь.

– До Петрова дня кукушка кукует, пока хлеба не заколосятся. А потом уж все… Птенцов-то своих она бросает. И не кукует больше, – терпеливо объяснила мне бабушка.

Я подхожу к ней, обнимаю и плачу.

– Что ты? Что ты? – успокаивает она меня.

– Не уезжай от меня, прошу тебя, – реву на весь лес.

– Да я ведь по весне с первыми соловьями назад вернусь. Чаю, грядки поможешь мне посадить? А не ехать нельзя: тринадцать внучат у меня. Всем помочь надо. Давай-ка лучше передохнем. Устала, поди, без привычки?

Выбираем полянку, стелем мое пальтишко и достаем нехитрый паек: у бабушки – «постный день». Она пьет чай из бутылки и, степенно подбирая крошки, ест ржаной хлеб. Никогда еще хлеб и молоко, припасенные для меня, не казались такими вкусными.

Заглянула я в бабушкино ведро: оно наполнено грибами.

– Пора, внученька, к дому пробираться, солнце-то уж за полдень перевалило, стадо скоро пригонят.

Где-то совсем близко застучал по дереву клювом-молоточком дятел.

– А у меня голова что-то болит.

Бабушка сорвала какой-то зелёный лист и положила мне на лоб. Слышу, как она тихо нашептывает молитву.

– У тебя полное ведро грибов, – не успокаивалась я, – а у меня и половины не наберётся. И что это за листики зелёные у тебя в руке?

– Эти лечебные листики в народе называют медвежье ушко. Палец, когда нарывает, приложишь – и вытянет всю хворобу. В лесу много лечебной травы, да время сбора уже миновало. Небось, чай-то мой травяной любишь пить? Вот лес-батюшка нас и врачует.

Улыбнулась – голубизна из глаз так и брызнула. Добрая моя бабушка... Уже, по словам мамы, «седьмой десяток» лет разменяла, а молодостью так и светится, засмеётся – все зубы видать наперечёт, цельные, один к одному. Наверное, – думала я, – потому что мало кушает, – всегда у нее посты – вот зубы и уцелели. Да ещё с поклонами, слово божье в молитвах всегда причитает. Лечит взрослых и младенцев: репейные занозы из глаз убирает, а младенцам копчики правит. Она ведь не обучалась ни одного года в школе, но самостоятельно научилась читать и писать. Дорогу может находить по солнцу и звездам. А какой вкусный хлеб печет! Вот что значит – с лесом дружить. Кто же она, моя бабушка?

– Что приумолкла, егоза? – ласково спрашивает она меня. – Ай, уморилась совсем?

Возвращались домой мы усталые, но довольные – с грибами. Оглянулась назад: остался позади лес-батюшка. Теперь он не казался мне мрачным и неприступным. «Подружись с ним – и он одарит тебя своими богатствами», – вспоминаю до сих пор я бабушкины слова.

И теперь, в преддверии каждой осени, словно голубым подснежником, распускается во мне тихая РАДОСТЬ…

Габибулла МИРЗАЕВ

ЩУКА ПО ТАЙГЕ ГУЛЯЕТ

рассказ

Посвящаю Волдиной Марии Кузьминичне,
другу и матери всех малочисленных народов Югры

Выехав чуть свет, преодолевая несметное количество мостов над разлившимися реками, заполонившими в это время года едва ли не всю Западно-Сибирскую низменность, и собирая писателей из попутных городов, к десяти часам мы прибыли в уютный и своеобразный город - столицу нашего округа Ханты-Мансийск. Здесь должна была состояться литературная встреча «Цветок Сибири», посвящённая творчеству Любови Миляевой. Для тех, кто не знает, скажу: Ханты-Мансийск расположен на семи живописных таёжных холмах, в месте слияния двух великих сибирских рек - Оби и Иртыша. Именно здесь, на берегах рек богатых своей историей, по преданиям, были спрятаны величайшие святыни обских угров[1] – идолы «Золотой бабы» и речного бога «Старика Обского».

В своих расчётах мы чего-то не учли, потому к зданию старой городской библиотеки приехали с запозданием. Оставив машину поблизости, мы второпях обошли здание библиотеки и вскоре оказались перед ее центральным входом. У трёх берёз, обхватив одну из них и что-то рассказывая внимательно слушающим собравшимся, спиной к нам стояла ***она*** – маленькая, с седыми волосами, видными из-под сползшего на плечи большого платка. Не надо было напрягать слух, чтобы слышать её ровный добрый голос, где пустоту или между строчъе занимали фоном выступали чувства любови, тепла и заботы ко всему живому, сразу располагая нас, слушателей, к ней.

– *Если сосну называют матерью тайги, то берёза дух тайги. Надо чаще обнимать её,* – говорила эта маленькая седая женщина.

– *Береза очистит вашу ауру, сделает вас крепче. В преданиях моего народа березу ещё называют Посохом Великого Духа (Бога). Каждую весну, из года в год, когда начинает цвести земля, берёза рассылает по ветром свои семена, помогая тайге становиться больше и мощнее. А потом под тенью молодых берёзок и сосна, через живность всякую, даст свои ростки. То ли это птица,*

прилетевшая отдохнуть после длинного перелёта, выронит из клюва шишку с семенами, то ли белка, решившая припрятать шишку в земле, как зимние припасы свои. Сосна кормит всё живое в лесу и, потому, называют её – мамой тайги…

И тут, в заминке, пряча улыбку в прищуренных глазах, она повернулась. Наши взгляды встретились, и на мгновение мне показалось, что я знаю её давно, хотя и не мог припомнить, когда это было и было ли вообще.

Продолжая улыбаться, седая женщина, молча, направилась в нашу сторону. Люди, слушавшие её, невольно повернули, вслед за ней, головы. Она внимательно смотрела на меня.

– Ну, здравствуй, мил человек! – услышал я слова из уст этой подошедшей необычной женщины.

Немного растерявшись, в ответ я лишь кивнул.

– Я давно тебя жду! – сказала она, протянула руки, обнимая меня за пояс.

– И я… вам рад, – в замешательстве пробубнил, как во сне я, ответно обнимая человека, едва достающего мне до плеч. Что-то тёплое и родное заполнило душу, словно обнял я свою мать.

…Так и стали мы друзьями. Прошло немало уже времени с того дня. Мария Кузьминична и по сегодняшний день радует нас каждым своим приездом. Мы ж, в свою очередь, благодарим её за это, чем можем. Стали вроде как родными друг другу. Особенное отношение Марии Кузьминичны к моему внуку, ставшего больным по вине медиков. Она часто приезжает к нему и дарит ему подарочные сувениры от рукодельцев своего народа, и он сияет то ли от самого подарка, то ли от того, что видит её рядом. Родовая травма лишила внука речи, но она часами может внимать издаваемым им невнятным звукам. Одобрительно бывает, бывает и когда и не согласиться возразит, поправляя или объясняя основы непонятного другим бытия. И внук взаимен, слушая внимательно, пытается обнять, пожаловаться, а то и просто спрятать голову под её ласковой рукой, ища защиты от несправедливой судьбы.

В очередной раз, приехав в Нижневартовск по делам местной администрации и сославшись на плохое самочувствие, она изъявила желание, до начала мероприятия – «отдохнуть с дороги!». Перечить ей не стали. Посадили в машину и привезли по названному адресу. Новой нашей встрече, которая принесла нам новые радости, мы были только рады. А внук, и вовсе, счастлив.

Среди всего прочего мы смотрели и фильм «Братец Медвежонок», про малочисленные народы Севера, где наша гостья очень походила на главную героиню, чему и сама была очень удивлена. Посиделки перевалили всё должное время и до, и после мероприятий в администрации. Настало время, когда седовласая гостья стала проситься домой, и все наши уговоры остаться у нас «с ночевой» не увенчались успехом. Я завёл машину и, распрощавшись с семьёй на сутки, тронулся с Марией Кузьминичной в путь.

Дорога до Ханты-Мансийска занимает немало времени, потому и для всякого рода разговоров её было достаточно. Речь зашла и о внуке, о его здоровье, успехах в лечении и о том, что он ещё очень любит мультфильм «Храбрый оленёнок Айхо».

– Я обещал ему когда он снова, с родителями уже, приедет ко мне, мы отправимся в гости к оленям, того Айхо и его дедушки вожака Тургута. Что у внука будет возможность поиграть с тем оленёнком, а вожак Тургут, за это, будет катать его на спине. Было бы неплохо, Кузьминична, найти стойбище, где можно пожить нам с внуком пару дней. Он был очень рад моему обещанию и теперь ждёт, когда оно исполнится. Нельзя ли нам найти такого оленевода, который бы согласился нас принять? Я как, бывший ветеринарный врач по первой своей специальности и опыту работы, думаю, взамен был бы им тоже полезен. Я ведь изучал все болезни оленей. Где раны подлечить, где какую обработку сделать,… в общем, справился бы. Пока внук здесь, хотелось бы выполнить обещанное, ему!

– Щука по тайге гуляет. Сейчас это невозможно… – задумчиво ответила Мария Кузьминична. В её голосе чувствовалось искреннее сожаление, что она не может помочь нам пожить на стойбище среди оленей, исполнить мечту внука, моего. Даже, нотку вины почувствовал я в её голосе, хотя виноватой она быть никак не могла.

Образ слов, о гуляющей по тайге щуке, заставили меня улыбнуться.

– Ты, не веришь мне? – отвернувшись в тайгу, произнесла она.

– Нет, нет! Не подумайте, даже! Что вы!? – горячо возразил я. История одна, вспомнилась… – Мой брат, побывав немного на Севере, любил рассказывать по приезду друзьям, ради забавы, разные небылицы. Дескать, в сильные морозы северяне берут с собой две палки, когда выходят из балка на улицу, по нужде. Одной

палкой сосульки сбивать, другой – медведя отгонять… На миг представил обескураженные их лица, когда бы я, как бы промежду прочим, скажу: «У нас ещё, щуки, по тайге гуляют!..»

– Ты зря смеёшься. Река разлилась, сейчас время, когда оленей не держат на стойбищах. Их не соберёшь, они теперь, сами по себе! Надо ждать, пока река вернётся в свое русло и тогда олени вернуться к своим стойбищам.

Поглядывая на мелькающие в боковом окне заливные луга, просеки в лощинах, подтопленные наполовину лесные чащи, я ни стал перебивать мою спутницу своими извинениями. Лишь позже, сказал:

– Мария Кузьминична! Я очень уважаю вас, что бы позволить себе вас обмануть. Поверьте мне, я не смеялся над вашими словами. Я только представил себе лица своих земляков там, в горах, когда приеду в отпуск и скажу им просто, как вы: «У нас, щуки по тайге гуляют!» Ведь, слышать подобное им не так привычно… Простите, пожалуйста, если и обидел!

- Нет, не обидел! Я переживаю за Зайку[2]. Тайга сейчас кормит реку. А что касается щуки, то она пошла за другой рыбой, которая ушла из реки в леса, кормиться. Сейчас такой сезон! Река скоро смоет всё, что пригодно для пищи: со стволов, из-под деревьев, с полян, с листьев… Вот и пасётся рыба там. Мария Кузьминична продолжала свою мысль, рассказ о связи всего живого в природе. Рассказ, по сути начатый ещё там, у трёх берёз возле здания библиотеки, в Ханты-Мансийске.

Казалось, всё это я знал, ведь живу на Севере не первый год. Но, почему по-настоящему осознаю только сейчас, слушая эту мудрую седовласую женщину? Потому, что слова её образны, она не говорит типичными стереотипами, которыми так богаты казённые речи чиновников? Потому, что говорит она, дочь тайги, и не только она, а и десятки и сотни поколений её предшественников, родичей, живших ранее и понявших великий закон бытия: живи сам и давай жить другим?..

Про себя я удивился: ежедневно видя окружающее, я не задумывался над этим великим законом, понятым ещё предками Марии Кузьминичны. «Она умеет говорить», подумалось мне!

– Вы светлый и прекрасный человек, Мария Кузьминична! – шепнули мои мысли, вслух.

– Великий Дух сказал, что накормит всё живое… – слушал я её далее слова, вспоминая строки Писания: «Дающий *пищу всему*

живому, Всевышний, создал этот мир с великой любовью, поэтому дал *всему живому* неисчислимые дары и блага….» Слушая слова моей мудрой попутчицы, я открывал для себя всё новые и новые истины. В её словах было то, чего я не замечал, встречаясь очевидным и явным, едва ли, не каждый день! Слушая её мысли, высказанные вслух, с её неспешной речью, в глубинах души своей видел образы, открывая в себе всё новые истины, осознавая связь во всём и между всем, что окружало меня и ранее.

Я, как впервые, стал видеть большие берёзы, ветром рассылающие свои семена, прорастающие вдоль дорог. Видел средь их робких побегов и молодые поколения тенелюбивых сосен. Моему внутреннему взору открылись и мои ботанические знания со школьной скамьи, стержневое строение их корней, так созданные Творцом, забирающие у мочковатых, разбросанных по верху корней берёз глоток живительной влаги, как саму жизнь, ещё там, в глубине земли. Я видел и сосны, и сосновые шишки с рассыпанными семенами в тени берёз, и дальновидно порождённых плотными сосновыми кронами, не дающие более и впредь, выжить новому молодому побегу берёзы, тянущихся к солнцу, внуку или внучке «Духа Тайги». Плотная их тень постепенно порождала смерть в своей безжалостной борьбе за место под солнцем, превращая берёзовую рощу в глухой сосновый тёмный бор.

Я видел и щуку в тайге, рыщущую средь малиновых кустов, шершавых сосновых стволов, седых берёзовых и, без того пропитанных водой, осиновых деревьев. Наблюдал и за стремительно уходящим от щуки косяком плотвы, вольно пасущимся, до этого, в залитом таёжном пространстве обильно наделённого дарами и благами от Создателя.

Стал я видеть и то, на что раньше не обращал внимания: мусор - бытовой, по небрежению оставленный человеком среди затопленных разлившейся рекой деревьев. И бочки видел – пустые, плавающие в заводях, ранее набитые до отказа губительными для природы химикатами. Ёмкости видел – большие, по обочинам дороги, выпавшие или выкинутые с машин. Мешки, полные окаменевшего цемента...

А потом, в себе, в глубине сознания, я увидел и облик тёмно-серой массы, плывущий тенью в толще реки, заполоняющей собой всё до берегов. И рыбок видел в стайках своих, испуганных и загнанных этой тёмно-серой массой по малым притокам могучей

реки нашей Сибири. Мыслями, продолжая следить за чудищем, наблюдал и подлые смертоносные его повадки. Меня мутило от всего: от наглости – его, от бездушия – в нём, от отсутствия законности – к нему, от безнаказанности его творений зла. Вскоре, я устал! Я стал задыхаться в гремучем серном запахе той серой беды. Мне нужен был глоток свежего воздуха, и я в мыслях решил подняться выше, оглядеться шире, вздохнуть глубже.

Мне представился горизонт, а за ним и берег океана. Моё внимание привлёк огромный кит, лежащий на берегу и качающийся в каждой накатывающей морской волне. Там, я увидел и двух человек, в одеянии аборигенов[3], которые неподвижно стояли друг против друга. Тот, что с гарпуном в руках, большой, не давал второму, меньшему, приблизиться к киту. До сознания дошла жалобная речь:

– Пап! Я хочу есть!

– Нельзя, сынок! Оно отравлено! – угадал я мысли большего, преграждающего собой тому путь к еде, стоявшего молча и твёрдо, поперёк дороги сына – в небытие.

…И сегодня, проезжая по дорогам просторных Сибирских равнин нашего края, продолжаю видеть на обочинах прибрежных подлесков могучей Тайги («Матери пищевой цепочки всей Планеты») бытовые мусорные кучи, бочки из-под химикатов и полу-растворившейся отравы, увесистые мешки давно забытых здесь. С болью и отчаянием воспринимаю их как «всё убивающие зародыши «Серой Тени», которые не от Творца нашего, Создателя, Великого Духа или Отца Небесного! Продолжаю слышать в себе грустный голос того отца, обращённый к сыну:

– «***Нельзя, сынок! Оно, отравлено!»***

От виденья этого и своего бессилия в том, хочется иногда донести до людей простую и очевидную истину:

– Люди! Мы не одни, в этом Мире! Будьте милосердны к поколениям своим!

[1] ***Ýгры*** *— обобщающее этническое имя, присвоенное родственным по языку народам — манси, хантам. Угорские языки и родственные им финно-пермские языки относятся к уральской языковой семье. К современным народам, говорящим на угорских языках, относят венгров и обских угров (хантов и манси).*

[2] ***Зайка*** *— коротко и по-своему озвучено имя внука —* ***Заирбег.***

[3] ***Аборигены*** *— местные жители Югры.*

Любовь СОШНИКОВА/БАЖЕНОВА

ПОЖАР
рассказ

Было жарко так, что она во сне сбрасывала старенькое одеяльце, металась, всхлипывала и просыпалась. Ей снился сон, что она та самая француженка Жанна, которую сжигают на костре, из фильма, что недавно показывали в клубе. Ей снова приснился пожар, он снится уже который год: почти каждую ночь, после того дня, как сгорел её дом…

С утра был сильный ветер, он прямо сбивал с ног. Сашенька осторожно ходила по огороду, вышагивая между грядками. Они были пусты, ничего ещё не взошло, и только на одной узенькой грядочке росли маленькие розово-белые шарики с зелёными косичками. Они были совсем маленькими, но очень нравились на вкус – вырывать их было запрещено: мол, ещё не выросли. Вот поэтому Саша выискивала на грядке те места, где их было густо-густо.

– Вот их, сколько ещё осталось! Вот ещё пять сорву и больше сегодня не буду, – радостно поглядывая на редиску, она побежала к бочке с водой, чтобы вымыть и вдруг услышала странный и пронзительный крик: «Пожар! Помогите!», – и почувствовала жуткий запах гари. Выскочила из огорода во двор и увидела пламя, оно охватило крыши соседних домов и огненным облаком перепрыгнуло на её дом, на больницу и покатилось дальше…

По дороге быстро-быстро бежали детские ножки. Их было много-много. Почти все они были босыми, но не чувствовали ни камешков под ногами, ни стёклышек, ни колючей обжигающей ноги крапивы, росшей по обочинам. Почти не разговаривая, часто шмыгая носами, молча и торопясь, размазывая слёзы по щекам, дети старались не отставать друг от друга. Малыши звали маму, их подхватывали руки старших. Старшие и маленькие, почти не касаясь земли, неслись все вместе дальше.

Позади бушевало пламя. Оно осталось в деревне и огромным огненным языком лизало дом за домом, а невидимые клыки крушили стены домов и заборы.

– Война! – думала Сашенька, – но не стреляют и солдат не видно… Может, это огненный дракон из сказки…

…Босые ножки привели их в соседнюю деревню, где у крайнего дома стояла толпа женщин. Руки их шершавые, но добрые, как у мамы, подхватили детей, прижали к себе, гладили по головкам, ласково приговаривая: «Ну, будет, будет! Сейчас всё потушат, и поедите домой».

Поздно вечером детей привезли в кузове грузовика в деревню. Их встретили чёрные дымящиеся ямы, толпа народа в центре села, а за этой толпой стояли чудом уцелевшие дома, с занавесочками на окнах. Дома были окружены плетнями и цветущей сиренью. Мычали коровы, блеяли овцы, причитали женщины, плакали дети.

Детей молча разбирали родные, и так же молча разводили по чужим домам: к знакомым, родным и близким. Одна Сашенька стояла возле своего дома, крепко сжимая в руке сорванную ещё утром редиску. Она с ужасом вспомнила, что утром отец привёз из роддома маму, бледную, но улыбающуюся, с маленьким братишкой…

Сашенька долго ходила вокруг колыбельки, трогала малюсенькие пальчики, розовое недовольное личико малыша и говорила: «Ой, какой страшненький! Ой, какой маленький! Ой, какой недовольненький!» Потом мама отпустила её погулять.

Сашенька стала обходить свои владения: заглянула в конуру к Серому, посидела на качелях и отправилась в огород. А потом этот истошный крик: «Помогите!»…

Она бросила на землю редиску и громко-громко закричала: «Мама! Мамочка! Мама!».

А сзади её обхватили такие родные руки отца. Он был весь чёрный от копоти и в обгоревшей одежде! «Всё хорошо! – шептал он и гладил её по головке, – Всё хорошо! Все живы!».

Сашенька уже не могла остановиться: слёзы так и полились по её щекам. Отец подхватил её на руки и понёс, а она всё всхлипывала, пока не заснула.

Ольга ГУБИНА

КУЗЯ
рассказ

Не помню, как у нас появился Кузя, небольшой белый кот с серыми пятнами.
То ли подкинул кто, толи мои сердобольные дети подобрали это недоразумение и притащили в дом, сейчас это не важно.

Кузя появился в доме, только это является важным.

Он был как домовёнок Кузька, грязный, взъерошенный, ушастый и такой несчастный, что хотелось его кормить, гладить и жалеть. Котёнок не признавал туалет, место для еды, подстилку для сна. Особенно нравилось Кузьке минуты, когда вся семья садилась за стол кушать, он в ту же секунду подныривал под стол и делал свои грязные дела. Вонь от которых разносилась по всей кухне, я убирала Кузькины «визитки», меня тошнило и есть я больше не могла, на попытки мужа «показать Кузьке его мать» – натыкать шкодливого кота носом в его «подарки» мы дружно рыдали: «Не надо, он маленький, он научится».

Но однажды, после очередной выходки, Николай не слушая наши горестные вопли, жестко натыкал Кузьму носом в его грехи, у Кузи из носа шла кровь, а Николай закрыл виновного в подпол и строго запретил выпускать арестанта. Кузя жалобно рыдал в подполе, мы - наверху. Потом была тишина. Николай строго нам заявил: «Если ваш котёнок ещё раз нагадит, я его выброшу».

Когда Кузю выпустили из плена, его как будто подменили, он ел только из миски, на своём месте, в туалет ходил в подпол, чисто вылизывал свою шерсть, просто стал образцово-воспитанным котом.

С Кузей у нас связано много смешных и поучительных историй, если бы кошки умели читать, для них «Житие кота Кузьмы» стало бы настольной книгой.

Кузя стал образцовым котом, когда к нам переехали сын и невестка, у Светы была кошка, которая, окотившись, забыла своих деток, приходила покормить их и снова исчезала. Кузя согревал малышей своим теплом, подросших, учил есть из миски, и… приучал котят к туалету. Смотрелось это довольно уморительно; важный Кузьма вёл своих питомцев к миске с молоком, тыкал их мордочками в молоко, затем грязные мордашки облизывал и

заставлял котят лезть в дырку подпола. Так и приучил их к порядку. А ещё у Светы была собака, красавица спаниелька – Лада. У Лады была большая опухоль на сосках, она разгребала лапами землю, ложилась животом в яму, но, вскоре снова копала. Мучилась она сильно, а ещё и ощенилась тёмно-шоколадным щенком. Ветеринар сказала, что единственная помощь Ладе, это усыпить её, чтобы не мучить, метастазы уже были повсюду.

Так Кузя приобрёл себе сына. Пока Щенок был совсем крошкой мама-Кузя грел его, учил есть, но вот приучить к туалету приёмыша у Кузи не получалось. У кота чуть нервный срыв не случился, поест щенок, а в подпол не идёт, пролезть не может.

Щенка мы отдали в добрые руки. Кузя заскучал.

Дело было весной. Мы купили цыплят, продавец уверил, что все пятнадцать стопроцентно курочки. Разместила новых питомцев в большой коробке из под яиц, накрыв их тюлем, мы уехали на дачу.

Пробыли довольно долго, но начавшийся дождь прогнал нас домой и я, с ужасом подумала о бедных цыплятах, их, наверное, залило дождём или соседские коты-разбойники порвали тюль и съели беззащитных крошек.

Подъехав к дому, я бегом кинулась к коробке. Сердце дало сбой, пропустив удар…

Тюль сдёрнут, в коробке лежит, блаженно щуря глаза и тихонько мурлыкая, наш Кузя, а по нему и под лапами, и у живота сидят мои цыплята. Они признали в нашем коте маму.

Кузя всё лето следил за курятами, из них выросли добрые, ласковые петухи. Все как один белые, они ходили по пятам за Кузей и мной, когда я их кормила они взлетали мне на голову, руки, Кузе на спину. Если я шла к соседке, мои петушки во главе с мамой – Кузей взлетали, (а Кузя взбирался) на забор, вызывая у соседки крик: «Иди, я сама к тебе приду. Ну, тебя с твоей ордой». Все соседские коты, не смотря на обильное цветение валерьяны в моём огороде, обходили его стороной, потому, что мои разбойники накидывались на чужаков.

Кузя блаженствовал, он был королём, ни один кот не рисковал нарушить Кузины границы.

По осени петухов забили, а Кузя пропал. Куда он ушёл? Мы так и не узнали.

Но до сей поры вспоминаем этого добрейшего умного кота.

Галина ФЛЕГЕНТОВА/ ШПРИНГЕР

КОВИД-19 ИЗНУТРИ

рассказ-быль

Медицинским работникам ХМАО-Югры, посвящается

Глава 1. Вирус

Серое, туманное утро. Второй день Анну знобит, и она чувствует лёгкое недомогание. И потому все краски за окном серые: и утро, и дождь, и плачущие окна, и фонари, мокнущие под дождём. И вроде бы тепло, но почему-то ей холодно. И мысли медленно тянутся, и думается о том, что все бежим, бежим куда-то, забывая о том, что на заре, можно вдохнуть туманность утра, запах рассвета, послушать тишину и музыку дождя, играющего грустный сонет, каплями, падающими на оконное стекло и по крышам. Мысли не дают покоя и продолжают навевать печаль о друзьях.

Она вдруг подумала: а когда они собирались на чай с шарлоткой просто так, не по поводу, смеялись и рассказывали свои новости, радовались жизни и общению? Она не помнит. Ветер растрепал листья тополя, и он замахал мокрой листвой, мол, не грусти, всё этом в мире бренном, преходяще. Подумалось, что в этой гонке, перестали они мечтать, идти к мечте, ждать радости и верить в Бога, превознося себя и свои силы.

На такой мажорной ноте Анна уснула. А когда вновь открыла глаза, почувствовала, что рядом муж весь горит. Сон, как рукой сняло:

– Степан, проснись.

Муж открыл глаза, Анна поставила ему градусник, через минуту он запищал, показывая температуру тридцать девять и девять.

– Слушай, у меня слегка побаливает горло. Я вчера пил ледяной сок из холодильника. Не тревожься, пожалуйста, – проговорил Степан. Анна дала ему таблетку парацетамола. И пошла готовить завтрак. Налила чай с малиной. Каша готовилась в скороварке. Отметила про себя, что совсем нет сил, слабость, и подумала, что она, наверное, тоже заболевает.

По утрам Степан варил натуральный молотый кофе, ароматный, тонизирующий, экспериментируя с разными сортами кофе. Это был целый ритуал. И за час до завтрака, они пили этот

удивительный напиток королей. Но сегодня он с трудом встал, слабость обрушилась на него, было ощущение, что на грудь положили плиту, и ноги были ватными.

– Лежи, не вставай. Я приготовлю растворимый кофе. Твоя ангина пройдет, и будешь снова варить свой фирменный напиток-кофе. Степан послушался. Аннушка принесла ему кофе с молоком, и ещё чашечку чая с малиной, чтобы быстрее снижалась температура.

Он сделал глоток и удивился:

– Какой-то безвкусный кофе.

Она на кухне налила себе кофе в кофейную чашку. Кофе всегда своим ароматом разносился по всей квартире, но сегодня и она не почувствовала его запаха.

Кофе был выпит, парацетамол начал действовать, температура начала снижаться. Степан попросил кашу. Анна принесла рисовую кашу, удивилась, когда муж сказал, что каша безвкусная. Ей каша понравилась, она была вкусная с топлёным маслом.

Степан поел и уснул. Рядом легла у его ног кошка Софья. Она так делала, когда кто-то из них заболевал. Кошка вытянулась во всю длину, её серая шерстка блестела. Она не спала, положив мордочку на лапы, и грустными глазами глядела на мужа.

Анне не здоровилось, и она прилегла рядом со Степаном, засыпая, подумала: «Полежу полчасика и буду готовить обед». Но прошло два часа, их обоих разбудило воркование голубей за окном второго этажа, они гулили над окном, в своих гнездах.

Она встала, закружилась голова, ухватилась за стул, чтобы не упасть, слабость была невероятной.

Кое-как сварила пельмени, сил готовить обед не было. И опять отметила, что пельмени ничем не пахнут.

И тут Анну осенило, она не чувствует запахи! Удивление сменилось паникой, и всплыл вопрос в голове, почему?

Она взяла банку с кофе, открыла её и понюхала - и не почувствовала этого чарующего, волнующего запаха. Села на стул.

–Так, нужно успокоиться, – сказала она сама себе. – Степан, иди сюда, – позвала мужа.

Но Степан так ослабел, что уже не вставал с постели.

Тогда она подошла к нему, открыла баночку кофе и попросила понюхать. На его лице было удивление:

– Аннушка, я не чувствую запаха кофе.

Она присела к нему на постель, и страшная догадка появилась у нее:

– Это ковид, коронавирусная инфекция, ковид-19, которая уже два месяца свирепствует в стране. Это из-за него люди всей земли вынуждены не выходить из дома, быть на самоизоляции, надеть маски, перчатки, и бояться друг друга, чтобы не заразиться, – проговорила она вслух.

И в памяти всплыли все признаки этого заболевания: высокая температура, заложенность носа без насморка, сильная слабость, потеря обоняния и сухой кашель. Каждый день с экрана телевизора рассказывали об этих признаках коронавирусной инфекции.

«Всё сходится», – подумала Анна. На лице пронеслась буря эмоций: удивление, негодование, и мелькнула тень страха. Но это были лишь мгновения.

Степан все больше тяжелел, прямо на глазах, температура ползла вверх, не помогали ни аспирин, ни парацетамол, присоединилась сильная головная боль, и он все время спал. Аппетита не стало. Он уже второй день отказывался кушать, только пил чай с лимоном и с малиной, который жена приносила ему.

Анна приняла решение, что нужно вызывать скорую помощь и сдать мазок на ковид:

– Степан! Я вызываю скорую.

Врачи скорой помощи приехали через пятнадцать минут.

Зашёл врач, одетый в комбинезон белого цвета, очки на глазах, маска, резиновые перчатки, на ногах бахилы. Непривычно было смотреть на врача в такой одежде в явь, а не по телевизору. Врач измерил им температуру, взял мазки из носа и из горла, подписал пробирки. Заполнил направление, и сказал, что мазок будет готов через три дня, в понедельник.

А слабость нарастала, как и температура, которая поднималась все выше и выше, и ничем не сбивалась. Есть уже не хотелось совсем. Появилось чувство тяжести в груди, сухой кашель.

Анна прощупала пульс мужа, и то, что она услышала, ей не понравилось, пульс был сто двадцать ударов в минуту.

И всё равно, даже на минуту, она не допускала, что её и мужа отделяют от смерти уже часы…

Утром в субботу раздался звонок по телефону от врача ковидной бригады:

– Доброе утро! Ваш мазок положительный, у вас обоих коронавирусная инфекция. Пожалуйста, никуда не выходите и ни с кем не контактируйте. Вы опасны для окружающих. Через час я привезу вам лекарство и начнёте лечение.

Но лекарство бригада привезла только через три часа.

А состояние Степана и Анны ухудшалось с каждой минутой, появилась одышка. Она уже с трудом двигалась и соображала, открыла дверь, так как боялась, что приедет врач, а у неё не хватит сил сделать это.

Привезли лекарство. Но муж уже был в почти бессознательном состоянии.

Врач посмотрел на его серый цвет лица, синюшные губы, покачал головой и начал слушать лёгкие у Степана:

– Собирайтесь, нужно в больницу, у Степана Егоровича воспаление лёгких.

Как в замедленном фильме, она складывала в пакет что-то из лекарств, какие-то вещи, и понимала, что двигается еле-еле. С большим трудом подняла мужа. Врач вывел их через запасной выход дома. Последнее, что Анна запомнила, это их любимая кошка – Софья, сидела на лестничной площадке, забившись в угол. Они её выпустили погулять, и её огромные глаза цвета виски кричали «вы меня бросили», в них Анна увидела злость, страх, слёзы. Но ведь кошки не умеют плакать…

Ей казалось, что скорая едет очень медленно. Врач надел кислородную маску на Степана: он задыхался.

Анна понимала, что происходит что-то страшное, но до конца всё происходящее до неё не доходило.

Из машины скорой она позвонила дочери и сообщила, что у них ковид, и они едут в больницу.

За окном мелькали верхушки деревьев, звенело, своей жарой, солнечное лето. Был июнь месяц. Знойный день предвещал прекрасные выходные впереди, но только не для них.

Скорая подъехала к зданию бывшего наркологического диспансера, где сейчас расположилась инфекционная больница, и в ней был развернут госпиталь по лечению больных с коронавирусной инфекцией. Врач легко выпрыгнул из машины, и позвонил, нажав на красную кнопку, находящуюся с левой стороны здания.

Анна смотрела через открытые двери машины. Выходить им было запрещено, несмотря на то, что они были в масках. Здание, к которому они подъехали, было неказистым, одноэтажным, две

входные двери, разделённые подъёмом для колясок и каталок. Оно было ничем не примечательно.

Через минуту дверь распахнулась, вышел человек, одетый в такой же специальный защитный костюм, как и врач скорой: по белому тканому комбинезону проходили голубые полосы, на лице были надеты респиратор и зелёные очки, на ногах бахилы, на руках резиновые перчатки. Зрелище впечатлило даже их, видавших виды медицинских работников. Они с мужем имели огромный опыт работы в медицине.

Степан лежал на носилках и его взгляд был мутным, и Анне показалось, что он был где-то далеко от неё. В её сознании, затуманенном высокой температурой, пролетали обрывки сказанных фраз врачом, обрывки мыслей проносились и не задерживались в голове.

Доктор скорой, поддерживал её, помогая подняться по ступенькам и завёл в приемный покой, посадил на кушетку. Мужа вывели под руки два человека в защитных костюмах, он шатался, спотыкался, и тяжело дышал.

Глава 2. Госпиталь

В приёмном покое - два человека, одеты в такие же защитные костюмы. Похоже это были медицинские сёстры. Быстрыми ловкими движениями, несмотря на перчатки, взяли кровь из вены, измерили артериальное давление, температуру. Вошел ещё один человек, одетый точно так же, только вместо респиратора на нём была простая маска, на шее висел фонендоскоп* - это был врач. Он начал слушать лёгкие Степану, потом Анне. Доктор удивилась и вздохнула, а градусник снова зашкаливал за тридцать девять.

Ей казалось, что движения у всех медиков медленные и плавные, как будто они исполняют удивительный танец, и что это фантастический фильм или сон.

Но сон не заканчивался…

Их с мужем поместили в палату без дверей и с огромным окном без штор и с закрытой форточкой. В палате стояли четыре металлические кровати, и было две подводки кислорода. Это была палата интенсивной терапии – ПИТ.

Фонендоскоп* – это медицинский прибор из двух резиновых трубочек с резонатором для выслушивания работы легких и сердца.

Таких палат было восемь, а дальше по коридору находилось реанимационное отделение, с аппаратами искусственной вентиляции легких – ИВЛ, где двадцать четыре часа в сутки врачи спасали больных с ковидом, вырывали их из лап смерти.

Степана положили и сразу подключили системы, вливали растворы, в нос вставили канюли – трубочки, по которым зажурчал кислород, проходя через жидкость во флаконе, и оживляя его лёгкие. У Анны не было сил, и она уснула, словно погрузилась в забытье.

В обед принесли еду из трёх блюд в одноразовой посуде, но они с мужем не притронулись к ней. Раздатчица забрала обед не тронутым, и принесла банку кипяченной воды и электрический чайник. У Анны мелькнула мысль, зачем же столько воды?! Но уже на следующий день, они были благодарны и за воду, и за чайник, потому что есть они не хотели, а вот пить, пили много.

Степан спал, лицо было красным, он прерывисто дышал. Анна положила ладошку ему на лоб, он пылал.

К четырём часам дня зашла медсестра и принесла два одноразовых халата, две маски, две шапочки и две пары латексных перчаток:

– Одевайтесь, сейчас поедем на компьютерную томографию лёгких. Медсестра помогла мужу присесть. Степан с Анной начали одеваться. Каждое движение давалось с огромным трудом. И когда все были одеты, тут они почувствовали всю «прелесть» этой одноразовой одежды. Стало нестерпимо жарко, дышать и так было трудно, а после одевания синтетических одноразовых халатов, стало ещё хуже.

Машины скорой, которая должна отвезти их на исследования, всё не было. Зашла медсестра и, извиняясь, объяснила, что сначала отвезут реанимационных больных, а потом и их.

Из окна палаты, Анна видела, как каждые сорок минут, подъезжала скорая, и на каталке вывозили реанимационных больных, которые были одеты так же, как и они.

Только через четыре часа, когда уже им казалось, что они сварились в этой одежде, позвали и их в машину скорой помощи. На выходе им одели бахилы. Анна и Степан, шатаясь и поддерживая друг друга под руки, вдохнув вечерний воздух, ударивший пьянящей волной в голову, сели в машину. В ней уже было трое больных из госпиталя, и так же одетых в одноразовую одежду.

Медработник сел в кабину. Машина поехала. Анна смотрела в узкую полоску окна: мелькали деревья, высотные дома, спешили прохожие, попадались магазины, молодая женщина, держа за руку малыша лет пяти, торопилась куда-то… Но всё это было так далеко от них с мужем, где-то в прошлой жизни…

Скорая подъехала к многоэтажному зданию окружной больницы. Двое мужчин и одна женщина, легко выпрыгнули из машины и пошли в сторону больницы. Анна вышла с трудом, дышать стало ещё тяжелей. Степан начал падать, его подхватили водитель скорой и медицинский работник. Слабость валила с ног.

В отделении компьютерной томографии их встретил врач, одетый в такой же комбинезон, как и медики в госпитале. Невозможно было понять женщина это или мужчина, и только голос выдавал мужчину. Он был худой и высокий. Врач не разрешил снимать маску. Анну первую положили на стол, задвинули в томограф. Начали стучать молоточки, то громче, то тише. И в наушниках раздавался голос врача: «Задержите дыхание, не дышите. Дышите». Как же трудно было не дышать. И так продолжалось нескончаемо долго, и много раз. После исследования, Аннушка еле отдышалась. Муж побелел, лицо стало восковое, он ловил воздух открытым ртом.

Она не помнила, как они доехали, и попали в свою палату.

…Сознание включилось, когда они начали дышать увлажнённым кислородом. Лицо у мужа порозовело.

Через час пришёл врач и объявил, что коронавирусная инфекция дала осложнение на лёгкие, и у них обоих двухсторонняя пневмония, поражено восемьдесят процентов лёгких:

– Если бы вы не приехали в больницу, то это могло закончиться летальным исходом через несколько часов. Врач говорил, говорил, что начинают лечение антибиотиками, и необходимо разжижать кровь лекарствами. И, главное, нужно убить вирус ковида! А до сознания Анны доносились отзвуки голоса доктора. И у неё в глазах застыл немой вопрос: «Как же так? Так быстро? За сутки - и лёгких почти уже нет».

Страшно?! Нет, ей не было страшно.

Она смотрела на мужа и боялась за его жизнь. Впервые за многие годы совместной жизни, ощутила, что может его потерять. Как кинжалом, полоснула боль по сердцу, и оно начало выплясывать: то побежало быстро, быстро, то замирало и переставало биться.

Ей не было страшно, они с мужем безоговорочно поверили врачам и медсёстрам, их умениям, знаниям, их чётким действиям, профессионализму, они доверили им свою жизнь.

Началось изнуряющее лечение этого страшного и коварного заболевания. Вечером принесли продолговатые розовые таблетки – калетру. Доктор объяснил, что пить их нужно два раза в день, в одно и то же время, что это единственное лекарство, которое может убить коронавирус. День за днём ежедневные капельницы, уколы, анализы, мазки, а потом и исследование сердца, внутренних органов… Одни медицинские работники сменялись другими, они следили за пульсом, давлением, температурой…

Тогда, начиная лечение, они ещё не знали, что калетра – это лекарство, которым лечат ВИЧ-инфицированных больных, что это лекарство убивает не только вирус, но и наносит вред всему организму человека, вызывая снижение гемоглобина в крови, вызывая воспаление поджелудочной железы, печени, почек.

Анна и Степан смотрели с надеждой на спасение, выздоровление, на медицинских работников, как на Ангелов, у которых в защитных костюмах, в респираторах и очках, невозможно было различить ни цвета волос, ни цвета глаз, невозможно было разглядеть лицо. Но их умелые, ловкие руки, делали дело, которое они знали в совершенстве. А как они подключали внутривенные капельницы! Аккуратно прощупывая вену, работая в двойных перчатках, несмотря на то, что тактильная чувствительность из-за этого была снижена, старались точно ввести иглу в вену. Медицинские работники ежеминутно подвергали себя опасности заражения «ковидом-19».

Каково приходилось медикам – никто не мог даже представить!

Врач в первые сутки заходил в палату каждый час, одевая на палец Степану и Анне, небольшой прибор – «прищепку», который измерял уровень кислорода в крови, и частоту пульса. Сатурация** снижалась. Утром зашла медсестра и заговорила строго и требовательно, с тревогой в голосе, обращаясь к Анне, и к Степану:

– У вас снижается уровень кислорода в крови, это плохо, уже девяносто два процента, вам нужно лечь на живот и продолжать дышать кислородом. Ваши нижние доли лёгких должны раздышаться, иначе они погибнут.

Сатурация** – уровень насыщения кислородом крови.

Анне было тяжело дышать, но, когда звонил телефон, и она пыталась ответить, то тут же начинала задыхаться.

Уже много дней спустя, зайдя в интернет, Анна узнает, что больным коронавирусном, у которых осложнение – воспаление легких, легче дышать, лёжа на животе. И если содержание кислорода в лёгких снижается ниже допустимых пределов, то врачи переворачивают больного на живот, и он дышит в таком положении кислородом, не менее восьми часов в сутки. И это положение называется прон-поза. Анна узнала, что при низкой сатурации нельзя разговаривать, так как во время разговора может упасть уровень кислорода в крови, и состояние резко ухудшится, вплоть до реанимации.

Лекарство, которое должно было убить коронавирус, напомнило о себе практически сразу. У Анны и Степана начались все признаки осложнения на него.

В палате ПИТ не было раковины и туалета. Туалет был за стенкой, и туда нужно было еще дойти, и там стояли горшки на несколько человек. У каждого больного был свой горшок. Вирус был так опасен, что всё, что выделял больной коронавирусом, нужно было заливать дезинфицирующими средствами.

Семья Петровских выполняла все назначения врача, но их обоих выматывала тошнота и боли в животе.

А дни тянулись медленно, за окном была одна и та же картинка: тополя, трава, приёмный покой и всё подъезжающие, и подъезжающие машины скорой помощи, которые везли тяжёлых больных в госпиталь ежедневно.

Глава 3. Степан

Только на седьмой день Аннушке стало легче, снизилась температура до тридцати семи, и ей с каждым днём становилось лучше, несмотря на то, что появился кашель. Кашлять им обоим было больно, болела грудная клетка сзади и особенно в нижней части. Несмотря на жаркие июньские дни, Анна куталась в тёплую кофту и мёрзла.

Состояние Степана ухудшалось. Температура держалась на тех же цифрах, и когда она поднималась до сорока градусов, ему делали жаропонижающий укол.

Она просыпалась в пять утра, садилась рядом с ним, и положив руку на лоб, читала тихонько молитву. Он улыбался губами. Глаза были закрыты…

– Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твоё, да приидет царствие твоё, да будет воля твоя…

А потом она смотрела в верхний угол палаты, глазами полными слёз и просила:

– Господи, помилуй, прости ему все грехи. Спаси, Господи, Степана, помоги.

И плакала тихо про себя, она научилась так плакать, тихо про себя, чтобы не разбудить мужа.

В шесть утра зашёл доктор, измерил у Степана сатурацию, прибор показывал девяносто процентов, пульс сто двадцать, температура тоже оставалась прежней тридцать девять и девять:

– Если Степану Егоровичу не станет легче и не поднимется сатурация, будем его переводить в реанимацию и подключать на искусственную вентиляцию лёгких.

Она знала, что на искусственную вентиляцию лёгких переводят больных с нарушением функции дыхания, тогда, когда организм не может самостоятельно справиться, и аппарат дышит за больного. Внутри у Анны всё сжалось и похолодело, словно замёрзла душа. Чтобы не расплакаться, она зашла в туалет и умыла лицо холодной водой. И в этот момент услышала разговор двух врачей, один – их лечащий доктор, а другой из реанимации:

– Степану Петровскому не помогает антибиотик, ему нужен лекарственный препарат – кевзара. У нас есть для самых тяжёлых больных, но только одна ампула, но это же бессмысленно её вводить, больше препарата нет, и, если не ввести вторую ампулу толку не будет, – проговорил лечащий доктор.

– Мужика спасать надо, нужно вводить, иначе его придётся ко мне в реанимацию переводить, – ответил врач из реанимации.

– Решили, будем вводить и нужно искать ещё ампулу, перезвоню заведующей отделением, пусть ищет.

Аннушка ухватилась за раковину, ноги приросли, а сердце от страха за мужа, сжалось так, что потемнело в глазах. Деревянными ногами она дошла до палаты. В этот момент, Степан позвал её:

– Аннушка, прости меня, родная, я ухожу, оставляю тебя одну, не могу больше, нет сил, – и скупая слеза скатилась у него из глаз.

Она побледнела, всё оборвалось внутри:

– Ты, что говоришь, Степан?! А ну, прекрати, ты должен бороться за жизнь!

– Прости, не могу,… – прошептал он едва слышно, и прикрыл глаза.

И такая волна негодования, боли от бессилия, поднялась в ней, что Анна, неожиданно для себя, с силой ударила мужа ладонью по щеке:

– Прекрати! Слышишь, прекрати! Ты должен жить! Борись! Ты же в церковь ходишь, знаешь все молитвы. Проси у Господа прощения и проси помочь!

Слёзы потекли из её глаз нескончаемым потоком.

Степан от неожиданного удара открыл глаза и сжал ей руку:

– Прости меня…

На щеке остался красный след от её ладони.

И его губы зашевелились, он шёпотом, с большим трудом произносил слова молитвы:

– Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и не видимым. И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рождённаго прежде всех век: Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша…

Его губы шептали и шептали слова молитвы. Это была молитва «Символ Веры».

В этот момент зашёл врач:

– Степан Егорович! Будем вводить новое лекарство кевзару, капать в вену будем долго и медленно. Но вы нам должны помочь. Давайте, вместе приложим все усилия и справимся с болезнью.

Врач пожал руку Степану своей рукой в перчатках:

– Я верю в вас, вы сильный!

Анна все восемь часов, пока капали внутривенно новое лекарство, сидела возле мужа, смотрела в окно, держала его за руку. Он спал. Его небритое лицо осунулось, заострились скулы, и губы потрескались от температуры. Себя она не видела, собираясь в больницу, она не взяла зеркальце, а в палате его не было.

По небу плыли пушистые белые облака, и небо было голубым, как глаза новорожденного ребенка, и светило солнце, и шелестели листочки на деревьях. Какая-то пичуга села на ветку и начала чирикать, и выводить трели.

А ей подумалось первый раз в жизни, что если их не станет, то так же будет светить солнце, так же будут плыть облака и щебетать птицы, в мире ничего не изменится, всё будет продолжать жить, только без них… И так захотелось поскорее вернуться домой, чтобы весь этот кошмар закончился…

И снова стало очень больно, и страх за мужа, сжал сердце. Она не замечала, что плачет…

Капельница закончилась, процедурная медсестра промыла катетер. Степан спал. Анна потрогала его лоб, он был холодным, температура упала. Через час подошёл врач, и снова система, капельница, начали вводить гормоны, долго и медленно. В эту ночь она совсем не спала. Уже перед утром, Степан стал весь мокрый. Пришлось поменять одежду. В шесть утра он открыл глаза и улыбнулся, впервые за долгие дни болезни, и посмотрел на жену ясными глазами.

Кризис миновал. Но нужен был ещё один укол, она-то знала!

После завтрака Анна позвонила сначала заведующей инфекционным отделением, потом начмеду, и главному врачу больницы. Заведующая сказала, что лекарства нет. Телефон главного врача не отвечал. Анна, позвонив начмеду, уже кричала по телефону на него:

– Если бы ваша жена умирала, то вы бы нашли лекарство?!

Начмед рассердился, сказал, что лекарство есть и его уже везут. Анна вспылила, что-то говорила на повышенных тонах. А в голове вертелась только одна мысль, которая не давала ей покоя, что нужно вторую капельницу прокапать с кевзарой через двенадцать часов.

Ей потом будет очень стыдно за то, что наговорила начмеду сгоряча, хорошему доктору, прекрасному руководителю. В народе о таких врачах говорят, что это врач от Бога.

Лекарство привезли только через двадцать четыре часа. И уже другой дежурный врач зашла и сказала об этом. И у Анны вырвался вздох облегчения.

Глава 4. Гюльчатай

После этой капельницы у Степана температура больше не поднималась выше тридцати шести, а потом и вовсе снизилась до тридцати пяти с половиной. Подошла медсестра в специальном защитном костюме, начала отсоединять систему от катетера. И в этот момент Степан открыл глаза и прошептал: «Гюльчатай». Он с этого дня стал так называть всех медсёстер и санитарок «Гюльчатай», ласково и нежно. Словно, как в фильме «Белое солнце пустыни», хотел попросить: «Гюльчатай, открой личико».

Все «Гюльчатаи» были на одно лицо, только разного роста и комплекции, одни тонкие как тростиночки, другие полненькие, но

все они работали в специальных защитных одноразовых костюмах-комбинезонах, сделанных из нетканого материала, влаго-воздухо-непроницаемого. Под комбинезон была одета одноразовая пижама. На лице, поверх комбинезона был одет респиратор с клапаном, и как только он пропитывался влагой, то в нём становилось трудно дышать, а плотно прилегающие защитные очки, запотевали. На руках были надеты две пары перчаток, на ногах – высокие бахилы. И бахилы, и перчатки плотно прибинтовывались скотчем к комбинезону, для полной герметизации. Эта одежда создавала парниковый эффект, так как все испарения шли внутрь комбинезона, тело не дышало и теряло много влаги. Через несколько часов работы пот заливал глаза, становилось тяжело дышать от жары. Очень высокий риск перегрева. А к концу смены на лицах медиков появлялись следы от защитной маски и очков.

Одна из медсёстер запомнилась особенно, она называла Анну и Степана «чета Петровских». И они впервые, за время лечения в больнице, увидели под защитными очками ещё одни очки, от близорукости, и её карие большие глаза и капельки пота на лице. Очки запотели. Оказывается, их нужно было хорошо натирать жидким мылом или пеной для бритья, чтобы потом во время работы не пришлось делать уколы на ощупь. Ее звали Тамара Петровна. Она была с Украины. Строгая, всегда собранная, быстрая, обладающая высокими профессиональными навыками. Она была процедурной медсестрой, лучше и быстрей нее никто не попадал в вену. В госпитале находились на лечении восемьдесят человек, а рассчитан он был на шестьдесят. Доставалось Тамаре Петровне, она бегала от одной палаты к другой, в одной подсоединит систему, в другой отключит, в третьей сделает укол, и так всю смену…

И медики, и больные привязывались друг к другу, пусть и ненадолго, на время лечения. Тамара Петровна беседовала с ними, каждый раз вселяя веру в выздоровление, рассказывала, что происходит за стенами госпиталя.

Как они, медики, выдерживали сутки в своих герметичных комбинезонах, в летнюю жару, было загадкой. Даже в лёгкой одежде было жарко. Когда нельзя было сделать даже глоток воды, сходить в туалет. А кроме этого у каждого медика был свой круг обязанностей, которые нужно было выполнять: одни были процедурными сёстрами, другие раздавали лекарство, измеряли давление и температуру, третьи кормили больных и перестилали

постель. И каждый медицинский работник – врач или медсестра, санитарка или раздатчица питания, – все они осознавали всю ответственность своей работы с больными коронавирусом и были готовы к этой тяжёлой работе.

Анна с мужем заметила, что одни медики появлялись через двое суток, другие больше не приходили. Каждую неделю у всех сотрудников госпиталя брали мазки на ковид. Но медицинские работники тоже заболевали коронавирусной инфекцией. Переболевшие ковидом медики, сотрудники госпиталя, работали в обычной одноразовой маске, не в респираторе и врач имел возможность послушать лёгкие.

Не все медики были готовы морально и физически работать в ковидном госпитале. Некоторые медсёстры отказывались работать из-за страха, заразить своих близких родных людей. К концу смены в защитных костюмах было, как в бане. Некоторые же медики пробовали даже одевать памперсы, потому что, чтобы сходить в туалет, нужно было выйти из «красной зоны» и раздеться. К сожалению, от памперсов образовывались опрелости. Медперсоналу нельзя было быть и голодными, им доставляли еду в специальных одноразовых контейнерах.

Все медики говорили о том, что находиться в «красной зоне» более безопасно. «Красная зона» – это зона, где лежат больные с коронавирусной инфекцией. Медицинские работники в «красной зоне» находятся в специальных комбинезонах, одежда герметична, а это минимальная вероятность заражения. Но когда тот же медик идет в аптеку, в магазин, едет в автобусе, и на нем только одноразовая маска, а рядом может быть больной коронавирусом, который ещё не знает, что болен, или у него болезнь протекает в бессимптомной форме - вот в это время возможность заражения огромная.

Анна впервые услышала в госпитале о «красной зоне», о «чистой зоне». Сложно одеваться в «чистой зоне», для перехода в «красную зону». Обязательно нужно, чтобы второй человек помогал, и проверил герметичность специального защитного костюма, но ещё сложней выходить из «красной зоны». При выходе медики попадают в санпропускник, где их опыляют дезинфицирующими средствами, и только после этого они начинают раздеваться, действуя по инструкции.

Анна и Степан видели людей, которые лечили и спасали, заболевших коронавирусом, видели, как трудно было им работать

в защите, и перед ними хотелось встать на колени за их самоотверженный труд!

Даже ночь не приносила прохладу, стояла изнуряющая жара. Анна просыпалась рано утром, было душно, и всё думала: откуда взялась эта беда, этот коронавирус, он как снежный ком обрушился на весь мир. Уже горели от ковида-19 Китай, Италия, Испания, Америка, а теперь и Казахстан. И по всей России пошла вспышка коронавирусной инфекции. Но до конца не понимают люди, медики, ученые, вирусологи, что это за невидимый монстр.

Почему одни люди болеют без симптомов, другие с осложнением с воспалением лёгких, а третьи уходят из жизни, умирают, их не могут спасти. И как страшно, если рядом с тобой находится больной без признаков заболевания, а в этот момент его лёгкие погибают, а он не знает об этом, и ты не знаешь, что уже заражаешься. Будет ли долгим иммунитет после болезни, не мутирует ли этот вирус ковид-19 так же, как и грипп?! Много вопросов возникало в голове у Анны, но ответов на них не было…

Когда чета Петровских боролась за свою жизнь, они не думали, как работают медики в этих нечеловеческих условиях жары и парникового эффекта комбинезонов. Только, когда Степану стало лучше, они оба стали замечать медсестёр, которым было тяжелей всего, врачей, которым необходимо было оценить тяжесть состояния больного по пульсу, сатурации, частоте дыхания, по томографии лёгких и по анализам, и быстро принять меры, назначить необходимое лекарство. Это заболевание коварное и ухудшение может наступить внезапно, когда его совсем не ждёшь.

Зашла Тамара Петровна, переставить мужу катетер, и Аннушка обратила внимание, как она тщательно нащупывала подушечками пальцев, вену, а на руках были одеты две пары перчаток. Из-под защитных очков смотрели усталые глаза. Её смена подходила к концу. Выходя, Тамара Петровна пошатнулась, и снаружи её подхватил доктор – реаниматолог. Это был, перегрев, который случался у медиков, в этих герметичных, защитных комбинезонах.

Глава 5. Дочь

Сегодня Анна первую ночь за время лечения в госпитале, уснула и спала крепким сном. В семь утра раздался звонок мобильного телефона:

– Мама, мы все заболели, я и Танюша с Алёнушкой, – кричала в трубку дочь.

Анна слушала и не слышала, ей казалось, что она проваливается в какую-то чёрную бездну…

Заболела дочь, которой нельзя болеть, так как ещё не восстановилась после родов, и четырехмесячная внучка Аленушка и десятилетняя Танюша. Слёзы брызнули из глаз, нечто ужасное навалилось и давило глыбой на сердце. У неё помутилось в голове. Она ничего не понимала, а губы шептали:

– Господи! Как же так? Детей-то за что?!

Дочь всхлипывала:

– Мама! Ты меня слышишь? Что делать?

В её голосе слышалась растерянность, беспомощность, страх…

«Так, успокоилась быстро, и думай», – пронеслись мысли у Анны в голове. И она заговорила ровным голосом, а душа кричала, сердце разрывалось от боли за дочь, за внучек:

- Вызывай скорую! Пусть берут мазок и везут вас в больницу. Алёнушка совсем маленькая, мы не можем рисковать.

И прикрикнула на дочь:

– Возьми себя в руки!

А шепталось: «Родная моя девочка, да, что же это, да как же?! Господи! Где же ты? Помоги! Помилуй, Господи!».

Анна тихонько проговорила:

– Машенька, родная моя, собирайся потихоньку. И звони мне.

– Хорошо, мама, – ответила дочь еле слышно.

Анна не знала, что дочь бросала в пакет детские вещи, бутылочки, сухое питание, лекарство. Она бегала по квартире, растрёпанная, а глаза глубоко провалились и плакали.

До неё вдруг дошло, что это они с мужем заразили дочь и внучек. И холодная испарина выступила на лбу. И снова страх, шквальной волной, обрушился на неё. Страх за жизнь дочери, и внучек.

Она начала молиться вновь, глядя в верхний угол палаты, там ей виделась икона Иисуса, и шептала:

– Господи! Помилуй, моих детей, и внучек… Она шептала и шептала слова молитвы, молилась и плакала, и снова просила:

– Господи, помоги…

Степан услышал, как плачет Аннушка:

– Ты чего?

А она бормотала: если, что случится с внучками, то она не переживёт. Дочь так трудно ходила беременная, потом роды, столько всего пережили за четыре месяца.

Степан понял, что Аннушка плачет и она не в себе. Сна, как не бывало. Он, шатаясь, подошёл к кровати, где сидела, раскачиваясь, Анна, обнял её и сказал: «Я рядом, родная. Всё хорошо, всё будет хорошо». Он прижал её к себе, сколько они так просидели… Время остановилось…

Принесли завтрак.

Дочь с детьми привезли в этот же госпиталь, где находились Анна и Степан. Но положили в другую палату с дверями, с деревянными кроватями, холодильником, и с кроваткой для малышки и Танюши.

У дочери, Марии, сердце стало каменным, глаза плакали, но слёз не было, глаза стали тёмными, как омут.

А дети были весёлыми, у них не было температуры. Только мазок на ковид–положительный. Мария потеряла обоняние и слегка подкашливала. Она очень боялась, что Аленушка испугается врача в комбинезоне, в очках, с респиратором. Но малышка, увидев врача, начала улыбаться ему. И потянулась ручонками к пульсоксиметру***, пытаясь схватить врача за палец в перчатке. Мария глянула на Танюшу, та тоже улыбалась. Что-то было парадоксальное, не укладывающиеся в сознании: врач в защитном костюме – это зрелище не из лёгких, улыбка грудного ребенка, инфекционный госпиталь, где лежали тяжёлые больные. Это был кошмар наяву.

Но от этих детских улыбок растаяло сердце врача, и он улыбнулся в ответ, только под респиратором и очками, Мария не заметила этой улыбки. Дети восприняли доктора, как героя из мультяшек. И у Марии отлегло от сердца, дети даже не плакали, когда у них брали кровь. Врач послушал у детей лёгкие, измерил уровень кислорода в крови, надев «прищепку» Танюше на пальчик, а Аленушка вертелась, пришлось пульсоксиметр одеть на мочку ушка, потом им сделали рентген.

Через час доктор сказал, что воспаления лёгких, осложнения коронавирусной инфекции, у детей нет. Затем Марию повезли на томографию лёгких. Прошёл ещё час, снова зашёл врач:

Пульсоксиметр* – медицинский диагностический прибор для измерения уровня насыщения кислородом крови, прибор в виде прищепки.

– У вас всё хорошо, воспаления лёгких нет! Я вам назначил таблетки плаквинила, детям закапываем в нос капли гриппферона. Продолжаем лечиться и наблюдаться.

Дочь в эту ночь не сомкнула глаз в тревоге за родителей, за детей, за мужа, который был на вахте. Ей подумалось: «Как он там?».

За эту ночь, она стала старше на целую жизнь. Там вчера была другая, мирная жизнь. А здесь, сейчас, всё было, как на войне, только враг был микроскопическим вирусом, страшным, злобным и безжалостным, который не щадил ни стариков, ни молодёжь, ни детей.

Перед утром Мария забылась тревожным сном, и снилось ей голубое, голубое озеро, с изумрудным отливом, спокойная гладь воды, по которому она плыла, Танюша плескалась в воде, брызги разлетались в разные стороны, сверкая на солнце. А Аленушка сладко спала в коляске. Рядом загорал муж. И было тепло и радостно. Она открыла глаза и поняла, что всё будет хорошо.

Дети сладко спали. И Мария начала молиться Пресвятой Богородице, просила помочь деткам, мужу, родителям. А по щекам катились слёзы…

Утром пришёл врач в палату и сказал, что мазок на ковид у четырехмесячной Аленушки отрицательный и их выписывают на долечивание домой.

Она подумала, что ослышалась. Переспросила, но доктор повторил, сказал, чтобы они собирались на выписку. Сердце выпрыгивало из груди от радости. Маша набрала маму:

– Мамочка, родная, нас выписывают! Не плачь, пожалуйста, у нас нет воспаления лёгких. Мы едем домой.

Аннушка слушала дочь, а слёзы все текли из глаз, и она не могла их остановить, не могла сказать ни слова. Но это были слезы облегчения.

И снова ночью она смотрела в верхний угол палаты и благодарила Господа, молилась, плакала и молилась.

Глава 6. Возвращение домой

Аннушка просыпалась рано, в пять утра, и на четырнадцатый день пребывания в госпитале, она уже не соскакивала и не подбегала к мужу, прислушиваясь к его дыханию, а тихонько лежала и смотрела в окно. У мужа выровнялось дыхание, он перестал дышать с шумом, исчезла одышка, и он уже не стонал во

сне, а спал спокойно, и лицо, было умиротворённое. Вчера, она заставила его встать и побриться. Он совсем не хотел ходить, объясняя, что у него нет сил. Поэтому Аннушка дала ему в руки носки и сказала, чтобы он их постирал, так как она себя плохо чувствует. Она хитрила, выискивая для него работу, то постирать, то воды набрать в чайник, чтобы он больше двигался, ходил, чтобы не было застойного воспаления в лёгких. Все эти мысли пронеслись за секунды…

Утро. Тихо. Она смотрела в огромное больничное окно и видела, как ветер играет листьями тополей, деревья качают верхушками, отзываясь на дуновение ветра. Ей казалось, что берёзки переговаривались, что-то шептали ветру своими молодыми, нежными листочками. По небу плыли причудливые, пушистые белые облака, а воображение рисовало ей то замки, зверушек, силуэты людей, то вдруг появилось очертание Святого с нимбом над головой. Облака были сказочными, они меняли формы, очертания, поражая своим изыском и фантазией. Как давно она не видела эту красоту! Анна любовалась красивым действом на небе, единением природы: земли и неба, живущие по своим Вселенским законам. На траве блестели жемчужины росы, тающие с восходом солнца.

Семья Петровских выздоравливала, благодаря усилиям, врачей, умениям медицинских сестёр, помощи друзей со всех уголков страны, которые молились за них, ставили свечи в храмах и заказывали службы за их здравие.

Анна вдруг осознала, что пора отпустить, простить обиды души на людей, на родных, и отдать душевные долги, помолившись за всех, кто им причинял боль.

Весь день шёл проливной дождь, потоками обрушивался на здание госпиталя, на людей, идущих под зонтами, он будто бы смывал прошлое, своими струями. Прогремел гром, словно извещая о ценностях жизни, о том, что главное – это здоровье, любовь, семья, любимые, и сама жизнь.

Шли дни, был конец июня, им становилось всё лучше, и лучше. Наконец наступил день, когда пришёл третий отрицательный анализ мазка на ковид. Зашёл доктор и сказал, что сегодня сделают контрольную томографию лёгких и он их выписывает.

Чета Петровских радовалась безмерно.

Их выписали из госпиталя поздно вечером. После четырёхчасовой обработки вещей и одежды ультрафиолетовой

лампой, им открыли двери, и они вышли. Ударил в нос, почти опрокинул, поток воздуха, насыщенного разнотравьем, дождём, цветами…

У Анны и Степана закружилась голова, они целый месяц находились в госпитале. Они осторожно спускались с вещами по ступенькам, муж поддерживал Анну за локоток. А в это время их доктор, Николай Евгеньевич, смотрел из окна приёмного покоя, и его сердце сжалось от щемящей радости, за эту семейную пару, которая была спасена и ушла домой. Врачи каждый день с тревогой ожидают выписки любого больного. И медсёстры, и врачи, спасая больных, прикипают к ним душой, радуются их успехам в борьбе за жизнь. Каждый выписанный больной – это ещё одна победа над вирусом, это доказательство того, что коронавирус – не приговор пожилым людям.

А вчера, вчера они потеряли больного…

Анна поставила пакет на землю и присела на ступеньку, чтобы отдышаться. Сил идти не было, ноги подкашивались. Она смотрела на зелень травы, которую видела из окна, на деревья, а глаза наполнялись слезами. Анна сделала глубокий вдох, наполняя лёгкие нектаром свежего воздуха.

Степан похудел, одежда висела на нём, как на вешалке. Руки дрожали. На лице появилась лёгкая щетина. Он поднял глаза к вечернему небу, и подумал, что они могли больше ничего этого не увидеть. В глазах застыли слёзы. В эту минуту до него дошёл весь смысл происходящего. Они живы, их спасли, и впереди встреча с детьми, внуками. Они будут жить. Анна увидела, как Степан опустился на колени гладит рукой траву и целует землю:

– Степан, ты чего? – спросила она дрогнувшим голосом, положив руку ему на плечо. И почувствовала, что у него вздрагивают плечи и прорываются рыдания, он плакал. Степан плакал, как ребёнок, уткнувшись ей в плечо, вздрагивал и шептал: «Аннушка! Мы живы, живы…». Она обняла его, он плакал, тело вздрагивало, но всё тише и тише… И у неё из глаз капали слезинки. Анна про себя шептала: «Спасибо, Господи, спасибо, за ещё один подарок, за подаренную нам жизнь!».

Подъехало такси. Степан обернулся, и перекрестил здание госпиталя:

– Господи! Благослови, спаси медицинских работников, и даруй выздоровление больным, лежащим здесь!

Машина тронулась, набирая скорость, за окном мелькали деревья, дорога шла в гору, поворот за поворотом…

Они выжили и возвращались домой, и там, в больнице, осталась их прежняя жизнь, которая разделилась на «до» и «после».

Такси увозило их все дальше и дальше от госпиталя. Анна и Степан шептали слова молитвы, и слёзы радости и боли, стояли у них в глазах: «Господи! Сохрани людей в белых халатах», – услышал, тихую молитву, водитель такси…

PS.

Этой повестью, мне хотелось поблагодарить людей в белых халатах, нашей великой страны, которые ежедневно совершают подвиг, спасая больных в ковидных госпиталях, работая в нечеловеческих условиях в средствах индивидуальной защиты, которые ежечасно рискуют своей жизнью, и жизнью своих близких, ради нас, простых людей, заболевших коронавирусной инфекцией. Работать в условиях инфекционного госпиталя в пандемию – это большое испытание для всех медицинских работников! На переднем фронте борьбы с невидимым, но таким коварным и жестоким вирусом, который не щадит ни детей, ни стариков, находятся сегодня медицинские работники: врачи, фельдшера, медицинские сёстры, санитарки, раздатчицы питания, водители скорой помощи, ковидных госпиталей, участковые врачи, и участковые медицинские сёстры поликлиник, лаборанты. Всех перечислить невозможно. Эти люди в белых халатах живут в условиях военных действий, в условиях физических и моральных перегрузок, в условиях беспокойства о близких, падая от усталости и от перегрева в комбинезонах, подвергают себя риску заражения от больных ковидом.

А люди до сих пор имеют радужное представление о коронавирусе, каждый третий уверен, что он не заболеет, что ковид-19 – это «фейк»! И отсюда высокая степень недооценки создавшейся ситуации в мире! Врачи всех стран говорят о том, что этот вирус постоянно мутирует, и ковид-19, это не тот вирус, который был описан в 2005 году, он тяжело протекающий, вызывающий воспаление лёгких, поражает сосуды всех органов, и заканчивается, без оказания квалифицированной медицинской помощи, смертью больного. Врачи обращаются к нам и просят следить за своей безопасностью, не пренебрегать ношением масок, мытьем с мылом и обработкой рук дезинфицирующими средствами, соблюдением дистанции в два метра, и обращением за помощью при первых признаках заболевания. Это те

минимальные, необходимые меры, чтобы не заразиться коронавирусной инфекцией, или хотя бы отдалить встречу с этим злым и коварным вирусом и спасти свою жизнь!

Спасибо медицинским работникам за то, что защищают нас от страшной действительности, когда может вирус молниеносно превратить лёгкие человека в мёртвое «матовое стекло».

Врачи, не рассказывают о тех больных, которых им не удалось спасти, не называют их имён, и о количестве смертельных исходов, они не говорят. С каждым ушедшим из жизни пациентом, они чувствуют себя очень тяжело, но, если чужая беда не будет и их болью, то таким врачам, нужно уходить из медицины. Всем медикам сейчас нужна психологическая помощь. Они испытывают ежедневные психологические перегрузки.

«Вирус не любит паники и страха! Если боишься, – уходи, нельзя работать, иначе обязательно заразишься! Нужно здоровое, адекватное отношение, но и обязательно здоровая осторожность, и строгое следования инструкциям!», – так говорят медики, проработавшие в ковидных госпиталях по полгода.

О себе они говорят скромно, что они просто делают свою работу.

Медики шутят, смеются, не знают страха и усталости. Они работают без выходных. Каждая смена у медработников – это вызов их опыту и профессионализму, человечности, и выносливости! Мы благодарим всех медицинских работников, кто в условиях пандемии, в нынешних обстоятельствах, ещё сохранил и проявил все эти качества!

Поражает и несоответствие цифр официальной статистики и той картины, что видят медицинские работники у себя в инфекционных госпиталях. Почему?! Кому нужно занижение цифр количества заболевших и умерших от ковида-19?!

На этот вопрос мне так никто и не ответил.

Низко Вам поклониться хочу, медицинские работники, за ваш профессионализм, за вашу силу духа, терпение, выносливость, за сострадание, человечность, за ваш героический труд!

Эта невидимая война, обязательно, закончится, вы найдёте лекарство от ковида-19, и будут спасены миллионы жизней.

И пусть каждого из вас наградят медалью за мужество! Вы это заслужили своим трудом!

Низко Вам поклониться хочу…

Сергей ЦЕЛЫХ

НОВОГОДНЯЯ ВАХТА

Немного грустный рассказ о работе вахтовика, о красотах тайги, об одиночестве в новогоднюю ночь и о том, что из этого вышло…

Всё началось с телефонного звонка. Звонил начальник, просил поработать на одной из станций. Что-то у него там не получалось, может просто кто-то там заболел – лёг спать, затем ушёл или какая другая причина была, но работать было некому. И я согласился. Да и ехал-то всего на три дня – максимум на неделю. Да, совершенно забыл сказать, что работаю я связистом. И где-то далеко в тайге…

Стрелой взметнулась мачта ввысь
Красуясь гордо над тайгою.
Антенны с круглой головою
Как будто в небо собрались.
И шлют антенны в небеса,
На все четыре края света,
Людей далеких голоса
И пожеланья, и приветы.
И не представить, лет за триста,
Наш мир без радиочастот,
И незаметного связиста,
Что людям радость раздаёт.

Прошла незаметно неделя, а смены всё нет. Погода стояла прекрасная. С раннего утра и до поздней ночи в балке толпился народ. И всех надо встретить, напоить чаем, поговорить, соединить с нужным абонентом, ну и свою, текущую работу никто не отменял. В общем…

Льёт с небес голубых синева.
Солнце светит у самого края.
И висит над тайгой тишина
И снежинки беззвучно летают.
Дремлет речка в объятьях оков.
Под снегами земля отдыхает.
Только нам не до сладостных снов
Мы на трассе покоя не знаем.

Так и текли деньки. Без происшествий и приключений. И только однажды случилось нечто. Я услышал, что-то похожее на выстрелы. Выскочил на улицу, а там…

За окошком мороз трещит.
Кто-то сильно ногами топает.
Это Стас вокруг ГЭТа бежит
И руками по ляжкам хлопает.
Применяет «научный» подход.
И вокруг «гробовецкого» скачет.
Тихо грустные песни поёт
И потеет бедняга, и плачет.

Вот и вторая неделя проходит. Впереди Новый год, который, по всей вероятности, мне придётся встречать одному. Так и случилось. А тридцатого декабря всё стихло. Все разъехались по домам. Праздновать. И остался я один. Прошёлся по округе, полюбовался красотами природы. Надо заметить, что ранней зимой тайга намного красивее. Деревья все в инее, словно выкованы из серебра, стоят, не шелохнутся, а уже к весне, снег на деревьях, словно шерсть на облезшей собаке, местами слетел, а местами примёрз намертво. Но в тот декабрьский день тайга была, как невеста в фате – белая и тихая.

Занесло, завалило, завьюжило
Одинокий балок средь тайги
И хрустальные нежные кружева
На деревья в округе легли.
И стоит тишина первозданная.
Тишина словно где-то в раю.
Только изредка птичка нежданная
Запоёт звонко песню свою.

Походил я кругами, заглянул внутрь себя, посмотрел со стороны. И вижу…

Вышка одинокая стоит.
Рядышком стоит жилая бочка.
В ней мужик замученный сидит
И рисует буковки и точки.
Так ушли в небытие года.
Буковки стихом коротким стали.
Может, получилась ерунда
Иль шедевры, которых ещё не знали.

И как-то даже грустно немного стало. Снял я трубку телефонную и напомнил начальнику про три дня, и о том, что продукты кончаются. А назавтра…

По кудрявой, по тайге
Вертолёт залётный
Приволок подарок мне
В праздник новогодний.
Есть сметана и творог,
Пряники, конфеты,
Сыра есть большой кусок
Только водки нету.
Но заметил я на дне
Сока кубик «Добрый».
Он заменит водку мне
В праздник новогодний.

И, поскольку, Новый год начинался уже через несколько часов, начал накрывать праздничный стол. И вот…

Куранты Новый год пропели.
Я рюмку выпил, закусил.
Поел немножечко пельменей
И у печурки закурил.
И глядя на огонь игривый
С тоскою тихой вспоминал,
Как я, весёлый и счастливый,
Года все прежние встречал.
Вот так,
в глуши таёжной, дальней,
С простой крестьянскою едой
Я,
одинокий и печальный,
Встречал две тысячи восьмой.

Как встретишь Новый год – так его и проведёшь – гласит старая пословица. Не всегда. У меня год выдался на редкость бурным и, в чём-то даже счастливым. И весь год я был в гуще событий, вышла в свет моя книга. И главное – я понял. Не надо вешать нос.

С Новым годом, друзья!

Откуда ты,
прекрасное дитя?

Михаил КУЛТЫШЕВ

У ПАМЯТНИКА ВОИНАМ-ЗЕМЛЯКАМ, ПОГИБШИМ В ГОДЫ ВОВ

Я с маленькой девочкой – внучкой моей –
Брожу по дорожке, кормлю голубей,
Которые мигом вспорхнут от детей
И сядут, ворча, на стволы «батарей».

Подобно салюту взлетают они –
Ведь 75, как не стало войны!
Её прекратил наш обычный солдат,
России моей муж, иль сын, или брат.

Вот внучка стоит, где склонился солдат, –
Там в солнца лучах хризантемы лежат –
Уже понимает: нет его в том вины,
Что многие гибли в жерле войны.

И варежкой цифры очистит от снега,
Чтоб видной для всех стала дата Победы –
День радости, скорби, солнца и нивы,
День стука сердец: «Мы живы, мы живы!»

ПЕЧЁНАЯ КАРТОШКА

Еловую палку держу я в огне –
Печёной картошки так хочется мне!
На ней не потух еще огонёк,
А я, обжигаясь, уж в рот поволок.

Глядят удивлённо внуки мои:
Какой аромат от нее повалил!
И белая мякоть в ладошку легла…
Такою простою и жизнь та была.

Вот новый я клубень качу из огня:
– Попробуйте, внуки, обед от меня!
Так выжил и в жерле войны не погиб.
Всё ели – к картошке, как к хлебу, привык.

НА ПРУДУ

Под лучами пруд огромный плавится;
Дома мне в жару не усидеть –
Он со мной играет и ласкается,
Точно дрессированный медведь.

К берегу приплыли рыбки мелкие –
Всплеск рукой рассыпал их ряды;
Чебачки, наверное, удалые
Ищут с любопытством край воды.

Я ловлю взгляд мамы в восхищении –
Как на воду тело я кладу!
Завтра выходной, и в воскресенье
Плавать обязательно приду.

Капли миллиардами вздымаются
От ребячьих шуток и возни.
Радуга на солнце зажигается
В эти восхитительные дни.

Научусь я плавать обязательно,
Хоть скажу: нелёгкий это труд,

И «Спасибо!» мчится по касательной
С берега в нижнетуринский пруд.

ВОРОБЬИ

Крошки любят воробьи;
Увидав меня вдали,
Начинают копошиться,
И скакать, и веселиться,

По ветвям ольхи снуют,
Говоря: «Скорей, мы тут!»

От кормушки до кормушки
Следуют за мной пичужки.

Удивляется прохожий:
Я на деда не похожий,
Что является с мешком
К детям в новогодний дом.

Оббегаю озерко –
Солнце уже высоко –
И по шёпоту осоки
Замечаю ветра склоки.

Когда воробушки сыты,
Им не надобны унты:

– Проживём морозны дни! –
Чиркают, влетая в ветки,
– Мы на свете не одни,
На свободе, а не в клетке!

Любовь СОШНИКОВА/БАЖЕНОВА

ПОЧЕМУ? ЗАЧЕМ? ОТКУДА?

Почему, зачем, откуда
(Удивительный вопрос)
Вырос горбик у верблюда,
А второй вот не подрос?

Кто рассыпал все росинки,
Словно бусинки в саду,
На траву и на тропинки?
Дети как гулять пойдут?

Отчего на небе тучи,
Ведь не звали мы дождя?
Солнышко бы вышло лучше,
Долго спать ему нельзя.

Почему гроза гремела,
Молнии пуская в ход?
Напугать, кого хотела?
Испугался только кот.

Почему пять дней в неделю,
В детский садик все идут?
Нынче только понедельник,
Воскресенья дети ждут.

Начат день для почемучек,
Мир желают узнавать,
Потому вопросов - кучи,
А кому-то отвечать.

НЕСМЕЯНА

Лера часто смотрит в небо,
Поселилась в небе небыль:
Кто-то слёзы проливает,
Огород наш поливает.
Несмеяна, не иначе,
Иногда часами плачет
Или спрячется за тучей,
Ей одной там, что ли лучше?
А как только улыбнётся –
Сразу солнышко вернётся.
А потом, как будто в сказке,
Растекутся в небе краски,
Над водой мосточком лягут,
Лишь бы речка была рядом.

ПРОСТОЕ РЕМЕСЛО

Явилось лето россыпью цветов,
Травою изумрудной, солнцем ярким,
И лёгкостью пушистых облаков,
И разноцветной радугою-аркой.
Его на крыльях ветра принесло,
И уронило, молча на травинки.
У лета есть простое ремесло -
Хранить, лелеять каждую былинку.
И, посылая солнышка тепло
Да поливая бережно из тучи,
Растит нам лето доброе зерно,
Что может быть ещё на свете лучше!?

ЛЕТО

Лето – это время для фантазий,
Для мечты возвышенно большой.
Обожают лодырь и проказник,
Летние денёчки всей душой.
Лето – это время путешествий:
Выбирай на север ли на юг.
Лето – это столько происшествий,
Когда рядом настоящий друг.
Лето – это время для купанья
В океане, в озере, в реке,
Плавание, брызганье, ныряньe
В Иртыше ли, в Волге ли, в Оке.
Лето - это время собиранья
Сладких ягод и грибов в лесу,
Утром рано побродить в тумане,
Комара прихлопнуть на носу.
Лето – это частое желанье
Просто поваляться на траве,
И рукою нежное касанье
Облаков пушистых в синеве.

Виктор ГОРБУНОВ

ДИНОЗАВР

Деловитый динозавр
Удивил наш круглый шар.
Тело, будто у слона,
Голова удлинена.
Может он крылами бить
И вразвалочку ходить,
Рёв из пасти изрыгать,
Зубы скалить, жертв глотать.
Кожа – толстая броня,
Много раз сильней коня.
Но умишком не богат,
Любит с листьями салат.
Хвост его – ползучий змей,
Толщиной – все десять шей.
Когти, как сталистый прут,
А характером он крут.
Высотою он – с наш дом,
Вес – порядка семи тон,
А длинна его, на глаз,
Как с прицепом наш КАМАЗ.
Ноги задние сильны,
А другие – чуть видны.
Ловит он больных зверей
И, конечно, кто слабей.
Любит плавать, бока греть,
В джунглях спать и басом петь.
Сладкий плод с деревьев рвать,
Воду из ручья лакать.
Жил, детишки, он давно,
Его видели в кино.
Там любой запляшет зверь –
Ископаемый теперь.

Татьяна ЛАПИНА

БИТВА С ДРАКОНОМ

Так нежданно всё случилось
Нас постиг КОРОНАВИРУС...
Тут же вмиг всё изменилось
Нам такое и не снилось!
Нам нельзя ходить из дома,
Посещать своих знакомых.
Нам нельзя ходить гулять,
Детям – во дворе играть!

Сели дома, по приказу,
Все боимся мы заразы!
Руки моем по сто раз,
Выполняем мы указ!
Как дракон КОРОНАВИРУС
Мчится быстро по земле.
Сколько люду заразилось,
Подлетел к родной стране.

Пышет пламенем злодейским,
Хочет русских заразить:
Кто ты – медик? Полицейский?
Никого не пощадит!
В сказках русских от дракона
Бился на смерть русский люд,
Нам же нужно только дома
На недельку отдохнуть.

Всей страной объединимся –
Крепкой, дружною семьёй!
Сядем дома, подчинимся!
Мы из дома ни ногой!
Только вот не тут-то было
И недели не хватило

Целый месяц нам сидеть,
Грустно из окна глядеть...

Но не стоит нам грустить,
Можно другу позвонить.
Сказку можно почитать
И о многом там узнать:
Как мы боремся с драконом,
С головы его корону
Мы сбиваем всей страной,
Несмотря на выходной.

Мы его боимся в маске,
Руки прячем мы в перчатки,
Кнопку лифта жмём с опаской,
И домой идем с оглядкой…
Друг от друга за два метра
В магазине мы стоим,
И в аптеку, если нужно,
Очень быстро мы спешим.

Если есть у вас собака,
Можно с нею погулять,
Но не дальше чем сто метров,
Там дракон может достать.
Чтоб дракона победить
Очень крепким нужно быть!

Укреплять свое здоровье,
Укреплять иммунитет,
Овощи и витамины
Кушать каждый день в обед!
Если будешь осторожным,
Будешь меры выполнять,
Пламенем тебя драконьим
Будет точно не достать!

Татьяна АНДРИЯНОВА

СЧИТАЛОЧКА

Лягушонок у дороги
Промочил сегодня ноги.
Расчихался: -Ап-ква-ква!
Болит горло, голова.
Чтоб всегда здоровым быть,
Нельзя по лужицам ходить.

ДЯТЕЛ

В красной шапке набекрень
Дятел долбит целый день.
Ищет зимний свой припас,
Что для птенчиков припас,
Для жены - красавицы,
Что весной появятся.
Не кручинься, дятел, зря,
Будет славная семья.
Червяков ещё найдёшь,
Семьёй дружно заживёшь.

МАЛЕНЬКИЙ ГНОМ

У лесной опушки возле водоёма
Появился домик маленького гнома.
Ребятишкам местным гном открыл секрет,
Что живёт на свете он уж две сотни лет.
Что его домишко в бурю прохудился,
Потому-то здесь он рядом поселился.
И теперь с детишками плещется, купается
И во всех забавах не отстать старается.
Говорит он, что с тех пор, как здесь поселился,
Стал моложе на сто лет, или вновь родился.

СКАЗКА О ЛЁГКОМ ВЕТЕРКЕ

За горами, за лесами, за широкими морями, не на небе, на земле в густом хвойном лесу жил – был старый Мудрый Ветер. Он был такой сильный и могучий, что мог вырвать с корнем старый дуб или пригнуть к земле верхушки высоких деревьев. И был у этого Мудрого Ветра любимый внук – Лёгкий Ветерок. Они любили вместе погулять по верхушкам деревьев, пошуметь в речной долине, заглянуть в соседнее село.

Так они жили-поживали, но однажды молодому Лёгкому Ветерку захотелось попутешествовать, побывать в новых местах, познакомиться с другими ветрами. И полетел Лёгкий Ветерок с ветки на ветку, с дерева на дерево. Так летел он, не торопясь, качая ветки кустов, склоняя к земле красивые лесные цветы. И вдруг он увидал своего друга Серого Зайчишку, который куда-то бежал, торопясь из своих последних сил. Он прыгал то в одну сторону от тропинки, то в другую, прятался за кусты и тяжело дышал. Удивился Лёгкий Ветерок, остановился. Хотел уже спросить, что же случилось, и тут увидал Хитрую Лису. Она бежала за Серым Зайчиком, наклонив голову к земле и вынюхивая след молодого зайца. Заметался Лёгкий Ветерок, стал думать, как спасти своего друга. Потом поднял опавшие сухие листья, землю и бросил их в глаза Хитрой Лисе. Закружилась лиса на одном месте, сердито залаяла, а Серый Зайчик успел убежать.

Полетел Лёгкий Ветерок дальше. Теперь смотрел он вниз, не нужна ли его помощь ещё кому-либо. Но всё было тихо и спокойно, и Лёгкий Ветерок постепенно отвлёкся и снова стал играть. Он согнал пичужек с ветки, растрепал хвост Говорливой Сороке, разбросал по поляне семена какого-то красивого цветка. И тут его внимание привлёк чей-то плач.

Внизу два маленьких барсучонка тыкали носами в землю и жалобно скулили. Лёгкий Ветерок не мог пролететь мимо такого горького плача и спросил, что случилось. Барсучата поведали ему, что они утром вышли на полянку возле дома поиграть. Они догоняли друг дружку, бегали наперегонки, кувыркались на опавших листьях. А когда устали и захотели домой, то не могли найти вход в свою нору: вся поляна была засыпана разноцветной листвой. Испугались барсучата, стали искать свой дом, но у них ничего не получалось. Задумался Лёгкий Ветерок, закружил по полянке, размышляя, как бы помочь маленьким братьям. Он летал и летал с края на край полянки, пока не собрал всю листву в большую кучу. И тут барсучата увидали вход в свою нору. Они так быстро побежали домой, что их «спасибо» донеслось уже из-под земли. Улыбнулся Лёгкий Ветерок и полетел дальше.

Лёгкий Ветерок был в пути уже давно и устал. Чтобы отдохнуть, он опустился на лесную полянку, а чтобы не было

скучно, он играл с сухой осенней травой, наклоняя её то в одну сторону, то в другую. И тут он увидал Маленькую Птичку, сидящую на земле. Её головка была спрятана под крылышко. Лёгкий Ветерок позвал птичку играть, но та ответила, что ей очень грустно и играть не хочется. Маленькая Птичка поведала, что она только учится лететь и так устала, что не может взлететь на высокое дерево, где в тёплом гнёздышке её ждут мама и папа.

Лёгкий Ветерок знал, как бывает плохо без родителей и вызвался помочь бедняжке. Он стал дуть снизу вверх. Маленькая Птичка расправила свои слабенькие крылышки и взлетела на нижнюю ветку дерева. После небольшого отдыха Лёгкий Ветерок стал поднимать её всё выше и выше. Он дул до тех пор, пока она не села на край своего гнезда. Потерявшие её папа с мамой радостно защебетали. Так они благодарили спасителя своей дочки. Пожурив неусидчивую дочь, родители накормили её вкусными червячками. Вместе с родителями порадовался и Лёгкий Ветерок. Он прошелестел своё «пока» и полетел дальше.

Вскоре Лёгкий Ветерок уже бежал по крышам домов, забирался под одежду и шапки пешеходов, стучал ставнями окон. Так, играя, добежал он до детского сада. Дети только – только вышли на прогулку. Они вынесли разные игрушки, вертушки и разноцветные султанчики, мыльные пузыри и воздушные шары.

Обрадовался Лёгкий Ветерок. Он тоже был ещё маленький и любил пошалить. Всю прогулку он играл с ребятами, гонял воздушные шары, поднимал выше деревьев мыльные пузыри, на разные голоса пел в разноцветных вертушках.

Прогулка закончилась, и дети пошли в детский сад. Они помахали ветерку руками и пригласили его в гости.

Вдруг один мальчик по имени Ваня подбежал к воспитательнице и спросил: «Елена Дмитриевна, а почему воздушные шары и мыльные пузыри летают?» Воспитательница спросила, а не знают ли дети сами ответ на этот вопрос. Затем поинтересовалась, кто ещё желает поговорить на эту тему. Желающих оказалось много. Елена Дмитриевна пообещала всё рассказать, когда они будут в группе.

Наш Лёгкий Ветерок тоже был очень любопытный, и тоже пожелал послушать её рассказ.

В группе воспитательница подвела детей к окну и приоткрыла его. Затем она зажгла свечу и поставила её на подоконник. Лёгкий Ветерок попытался пролететь к ребятишкам мимо свечи, но его не впустил тёплый воздух, который выходил из комнаты.

Елена Дмитриевна спросила детей, что они видят. Дети хором закричали: «Огонёк рвётся на улицу! Он хочет пойти погулять!»- Затем воспитательница подняла свечу вверх. И Лёгкий Ветерок прошмыгнул в комнату так быстро, что заколыхалась штора, а

свеча чуть не погасла. Дети опять закричали: «Огонёк наклонился в группу!» Елена Дмитриевна спросила, почему свеча колышется то в одну сторону, то в другую? Дети притихли. Потом Ваня неуверенно сказал: «На огонёк дует ветер». Воспитательница похвалила догадливого мальчика и попросила детей подойти к картине. На картине были изображены горы, солнце и какие-то стрелки. Елена Дмитриевна объяснила, что холодный воздух нагревается от солнца и становится лёгким. Лёгкий воздух поднимается вверх, а на его место опускается холодный. Так получается ветер.

Обрадовался новым знаниям и Лёгкий Ветерок. Теперь он знал, как появился на белом свете и вместе с тёплым воздухом выскользнул на улицу. Лёгкий Ветерок ещё раз облетел вокруг садика, но поделиться новыми знаниями было не с кем, и он полетел домой.

Лёгкиё Ветерок спешил. Ему очень хотелось рассказать своему дедушке Мудрому Ветру о новых друзьях, о том, как гостил в детском саду и что там узнал. А ещё он очень устал за день и хотел отдохнуть на своей постельке из сухих осенних листьев в своей любимой Черёмуховой Долине.

ЛЕТО ИЗНОСИЛОСЬ

Горько плачет солнце в лучиках заката: -
Лето износилось, заменить бы надо.
Поутру все травы росами умылись,
На воде стекляшки за ночь появились.
Вмиг на смену лету, уточнив все сроки,
Осень прилетела на хвосте сороки.
Закрыла небо тучей, сырость принесла,
Злой осенний ветер на помощь позвала.
Звонких песен птичьих умолкли голоса,
Стаи перелётные режут небеса.
И в лесах за речкой всё вдруг изменилось,
Словно цветом яблонь, инеем покрылось.
Громче зазвучали ребячьи голоса,
И дымы из печек стремятся в небеса.
Ну, а мы немного побудем с летом врозь.
Пусть лето отдыхает, так уж повелось.

Ирина ЗМАНОВСКАЯ

ПРИРОДА ЛЮБИТ ЗОЛОТИСТЫЙ ЦВЕТ

рассказ

В одном городе жил рыжий мальчик Павлик, было ему шесть лет. Не раз уже он слышал, как ребята в детском саду дразнят его рыжим-конопатым. Мальчик вечером дома жаловался маме. А мама утешала Павлика:

– Не сердись на них, мальчик мой, они ещё маленькие и не понимают, что говорят. Ну и пусть, что волосы у тебя рыжие. Природа любит золотистый цвет.

А разве рыжий цвет так уж и плох? Лисица – плутовка какого цвета? – спросила мама.

– Рыжая, – ответил Павлик.

– А она жалуется кому-либо за её окрас такой?

– Наверное, нет. А кому ей жаловаться, Медведю что ли?

– В том-то и дело, что незачем ей жаловаться. Лисе рыжий цвет шубки очень нравится. Да и помогает ей спрятаться в полях золотистого хлеба летом и за ветками деревьев золотой осени.

Вечером мальчик лёг спать.

И приснилось ему, что попал он в Лесное царство, которое встретило неписаной красотой. Погода стояла тёплой. Лес сверкал, умытый росою. Осеннее утро: свежо, пахнет листвой и разнотравьем. По земле стелется низкий туманец, лёгкий осенний ветер сбрасывает с деревьев листья и кружит их в цветном хороводе. Природа медленно затихает, словно ожидая пуховый снежный платок. Уже не слышно птичьего хора, который летом радовал округу. Только - оклики гусей, мухоловок, да журавлей, что готовятся к далёкому и трудному перелёту на юг.

– Хи-хи, – прервал кто-то сказочную лесную тишину. Павлик услышал голос недалеко от себя вверху и увидел на ветке Белку. Одета она была в рыже-коричневую шубку. – Хи-хи, – повторила Белка.

– Здравствуй, Белка. Меня зовут Павлик.

Белка поближе спустилась по стволу дерева.

– Здравствуй, Павлик. Меня зовут Белка Маковка. А зовут меня так, потому что я с ветки на ветку, по макушкам деревьев прыгаю. Я рада нашему знакомству. Что тебя интересует в лесу?

– Я пришёл посмотреть, как готовятся к зиме лесные жители. Я вижу, – у тебя цвет шубки – рыжий.

– И у тебя волосы тоже рыжие, – заметила Белка Маковка.

– Только в детском саду надо мной смеются из-за этого, дразнят «рыжим-конопатым»… – с горечью произнёс Павлик.

– Окрас моей шубки сочетается с красками леса. И при опасности это очень выручает меня, – поделилась с мальчиком Маковка. Слияние в едином колорите помогает мне спрятаться, стать незаметной для хищника.

Павлик спросил Маковку:

– А ты лису не видела?

– Она по своим тропам проверяет следы зайцев. Может быть удачно закончится её охота. Белка Маковка позвала мальчика за собой, потихоньку перепрыгивая с дерева на дерево, он поспешал по земле следом за ней.

Осенний лес полон загадок и тайн. Каждый раз поражает своей красотой, величием и разнообразием впечатлений. Павлик задел ветку осины, с багряными, в мелких крапинках, листочками. И листочки неслышно полетели на землю.

– Ах, наступила пора листопада! – восторженно сказала Белка Маковка. – Пройдёт немного времени, и такой красоты уже не будет, – грустно вздохнула она.

Недалеко послышался хруст тонких веток, шорох опавших листьев. Белка Маковка и Павлик повернулись. Из-под жёлтого куста тальника сверкнули коричневые глаза, пристально смотрящие на них.

– Здравствуй, Лиса Патрикеевна, – поприветствовала Белка.

– Здравствуй, Белка. У нас гость?

– Добрый день, Лисичка-Сестричка. Меня зовут Павлик. Я рыжий и хочу посмотреть, как смотрится рыжий цвет в лесу. Меня мальчишки дразнят конопатым. А мама сказала, что все, кто имеют такой цвет – красивые.

– Твоя мама права. Тебе нравится мой золотой цвет? Посмотри-ка, насколько красива моя пушистая тёплая шубка!

– Конечно, красивая! – согласился Павлик.

– В шубке всегда тепло и удобно. Зимой я прикрываю хвостом нос от холода, чтобы не замёрз и нюх не испортился.

– Теперь я вижу, что осень – золотая пора, – радостно сказал Павлик – как богато в лесу!

Вдруг налетел лёгкий ветерок прохлады и листья зашелестели.

– Как приятно, услышать такую похвалу, – раздался мягкий бархатный голос.

Павлик огляделся вокруг.

Сохраняющие багряную листву черёмух и осин, золотую листву клёнов и берёз ветки деревьев, сплели орнамент улыбки Золотой Осени – королевы леса. Большой ворот, сплетённый из листьев разного колора в жабо, сложился вокруг осенней улыбки. Ожерелье из гроздьев крупных красных ягод рябины украшало корону Золотой Осени, сотканную из хвойных веточек, которые тянулись к Павлику, словно обнимая его.

Эта встреча так обрадовала всех присутствующих, что небо просияло. Казалось, ветер специально разогнал серые тучи и очистил небо.

– А вот и солнце! – воскликнул Павлик. Солнце выглянуло из-за края земли, набирая курс выше, словно торопилось увидеть мальчика в осеннем лесу. Но так высоко, как летом, оно уже не могло подняться. Скоро и совсем редко зимой его можно будет увидеть.

– А ведь солнце тоже рыжее, как и я! – заметил мальчик.

– Не солнце рыжее, как ты, а ты золотой, как солнце, – поправила Осень. – Это ещё не всё красивое ты увидел в осеннем лесу. Приходи почаще к нам в гости, много нового, интересного узнаешь.

– Спасибо, Осень Золотая! Только мне пора возвращаться домой. Мама беспокоится обо мне.

– Тогда возьми эти подарки для мамы, – сказала Осень, протянула Павлику рябиновые бусы. – Подари маме. Она правду говорила тебе, что рыжие люди тоже красивые, как и другие.

И Белка Маковка с лисой Патрикеевной принесли угощенья Павлику – корзинку грибов и лукошко с красной и сочной брусникой. Корзинка была плетённая маленькими веточками сосны, дно постилалось хвоей, чтобы из неё ничего не рассыпалось.

– Угощайся, мальчик, на здоровье. Прими этот скромный подарок от наших лесных жителей.

– Спасибо вам всем, – поблагодарил Павлик. – Желаю вам хорошо проводить осень и встретить зиму!

…Разбудила Павлика мама:

– Пора вставать, сынок, в садик надо собираться!

– Мама, а ты была права, что рыжие люди тоже красивые, как и другие, – нежно сказал мальчик и обнял маму.

Лена ФРИК/Елена ГУЩИНА

ЛЕСНАЯ БОЛЕЗНЬ

рассказ

Настёна заболела. Она лежит на постели такая маленькая и беспомощная. Её золотистые волосы, обычно вьющиеся вокруг лица мягкими кудряшками, слиплись от пота и потускнели за одну ночь. Щёки алеют от температуры...

Я смотрю на неё и вспоминаю тот недавний звонок дочери, когда она, как бы, между прочим, сообщила: «Настя заболела». Её слова прозвучали буднично, а у меня паника сменилась изумлением от этой «будничности»: болеет-то она у нас часто и серьёзно! В ответ на мои вопросы – смех. Оказывается, Настёна у нас после первой прогулки по осеннему лесу заболела «лесом»...

В тот погожий сентябрьский денёк я впервые решила взять её в лес. Собиралась она со всей тщательностью, одевала на себя всё, что говорила мать, что в обычной жизни исполняется редко и споры по поводу одежды бесконечны. Но сейчас её ждал лес!

Мы идём по дорожке между дачных домиков. До леска рукой подать. Настёна скачет, задаёт сотни вопросов, пытается все потрогать, попробовать на вкус. Нужно сказать, что она у нас очень активная девочка! Я пытаюсь внушить ей, что нужно идти спокойно, в лес входить с почтением и слушать, что он (лес) тебе скажет, но все мои слова разлетаются отголосками эха в звенящей осенней тишине.

Вот мы и в лесу. Сразу меняется настроение. Куда-то уходят все проблемы, остаются где-то на границе с лесом. Мы, конечно, к ним ещё вернёмся, но уже с обновлённой и подлеченной душой. Лес – прекрасный лекарь!

Мой маленький прыгающий человечек немного притих, потому что совсем затихнуть ей, видимо, не даёт какой-то подспудный страх перед этим величием. А лес нас окружил стеной из сосен и берёз, пока ещё почти зелёных, но изредка в ветвях мелькает золотой листочек, как ранняя проседь в волосах у женщины. Берёзка пытается прикрыть эту раннюю позолоту, заигрывая с ветерком, выставляя напоказ ещё зелёные листочки, но лучи осеннего ласкового солнца вновь и вновь высвечивают эти первые признаки наступившей осени. Вдали среди зелени кустов сверкают драгоценным рубином ягоды рябины. С криком: «Бабуля,

посмотри!» – Настёна срывается с места, спотыкается, падает, поднимается. Больно, но она не жалуется. Советую найти ей палочку-выручалочку, чтобы научиться ходить по лесу.

Теперь она идёт осторожно, разглядывая всё вокруг, взгляд её светится от восторга и только громкие «ахи» оживляют округу. Она рада каждому цветочку, листику в лесу. Мы собираем последние запоздалые летние ягоды. Они так долго ждали нас, впитали в себя всё летнее тепло и теперь наполнены необычайной сладостью и ароматом. Вот и первый гриб, срезанный собственноручно, а там второй, третий. Восторг, счастье так и плещутся в её глазах!

Пора возвращаться. Предлагаю ей постоять тихо, поблагодарить лес за дары его и послушать, что он скажет. Настя замерла на месте, взгляд устремлён вдаль. Это её состояние длилось несколько секунд, так как дольше стоять без движения она просто не может! Спрашиваю: «Ну, что тебе сказал лес?»

–Он прошумел: «Настё-ё-ёна! Приходи-и-и!»

Я вспоминаю нашу первую прогулку. Настя лежит в постели, смотрит отстранённо, щёки алеют как ягоды рябины, которые она срывала в лесу и неожиданно спрашивает: «А когда мы ещё пойдём в лес?»

ПОМИРИЛ

рассказ

Василий, развалившись, лежал на подоконнике. Створка окна была приоткрыта, и дуновение тёплого ветерка было приятно. День за окном разгулялся чудесный. Солнышко ласково пригревало, чирикали воробьи о чём-то, о своём, но Василию не было дела до этих пичуг. Василий с тех пор, как себя помнит, был котом очень серьёзным и домашним.

В его мисочке всегда был свежий корм, и поэтому никакие птички в виде прикорма его не интересовали. Ещё его совсем не интересовала улица, точнее он не любил, когда его выносили на улицу прогуляться. Все эти городские шумы и запахи раздражали его и пугали. Он не гулял, а тоскливо лежал возле ног хозяйки, ожидая окончания прогулки. Был просто счастлив, вернуться в свой уютный, тихий мирок, хотя с некоторых пор он был не таким уж тихим…

Итак, Василий, высунувшись из окна, поглядывал за угол

дома. Там, за углом, была автобусная остановка. С минуты на минуту должен был подойти автобус и из него выйдет она. Она – это его хозяйка, девочка-подросток. Вот прошёл один автобус, второй, но она не появлялась. Василий начинал нервничать, помахивая рыжим, пушистым хвостом.

Птичий гомон на секунду отвлёк его, и он не заметил, как она лёгкой походкой быстро вошла в подъезд. Заслышав её шаги у дверей, он весь подобрался, куда девалась его вальяжность, молниеносно спрыгнул с окна и в два прыжка был у дверей. Она вошла, увидела его и улыбнулась. Взгляд его рыжих, как и он сам, глаз был устремлён на неё. Он потёрся о её ноги, замурлыкал, потеребил лапой шнурок кроссовка, приглашая поиграть, но заметив, что она не настроена на игры, обидевшись, удалился в комнату. Василий наблюдал, как девочка с матерью пили чай на кухне и о чём-то тихо разговаривали. Он любил их обоих, и они его тоже. С девочкой было весело играть, гоняться за фантиком, привязанным к ниточке. Он ведь был ещё молодой кот! С её мамой можно было спокойно лежать на диване и мурлыкать под звуки очередного сериала, но вот спокойствия в их доме в последнее время как-то не хватало.

Вот и сейчас их спокойная беседа постепенно перерастала в спор, который уже не раз за последние дни переходил в скандал. Ох, уж эти извечные споры детей и отцов, в данном случае матерей. О чём они ежедневно спорят?! На кухне уже не просто спорили, а кричали, плакали, доказывали что-то друг другу. Василию было жалко их обоих. Он не понимал, что происходит между ними, не знал, как их примирить. Ведь жизнь была так прекрасна, когда в их доме царил мир. Он поспешил поскорее уйти от этих криков, запрыгнул на подоконник, но видимо сильно поспешил…

Василий не успел осознать, что же такое произошло. Его когти только успели проскрести по металлическому карнизу, и он полетел, на прощание громко мяукнув. Этот скрежет и жалобное мяуканье они услыхали одновременно. Реакция обоих была мгновенной: мама бросилась к окну, а девочка с громким криком ужаса и со скоростью ракеты, сбежав по лестницам, кинулась к коту, лежавшему на тротуаре. Мать пыталась успокоить дочь. Из окна она видела, что кот, совершив полёт с четвёртого этажа, остался жив и пытается подняться.

Василий, отмытый после падения от пыли и крови, блаженствовал. Разбитая губа и обломленный клык его не очень беспокоили. В доме воцарились тишина и покой. Две его любимые

хозяйки хлопотали возле него, забыв свои споры. Мама высказала мнение, что, видимо, даже кот не выдержал их скандалов и решил остановить их таким образом.

Прошло время. Все успокоились. Вот только Василий не был так беспечен с прыжками на подоконник, а про прогулки на улицу даже слышать не мог. Стоило ему увидеть, как девочка собирается на прогулку и зовёт его с собой, он стремглав прятался под диван в самый дальний угол и сидел там, пока за ней не захлопывалась дверь. Лишь после этого он позволял себе выползти из своего укрытия и улечься на диван. Знаем мол, бывали мы на этой улице!

ПРО ДАМУ-ОСЕНЬ

сказка

Кружит-гуляет по аллеям парков красивая и степенная дама-Осень. Да-да, если желаете увидеть её, непременно идите в парк или в лес. Это любимые места её прогулок. Тихо и задумчиво бредёт она по дорожкам, оставляя на них отпечатки своих следов в виде золотистых и багряных листьев.

Печальна и грустна дама-Осень в своём одиночестве. Всё отдала, всех одарила и осталась одна. В её золотисто-карих глазах нет-нет, да и промелькнёт солнечный лучик надежды, что вот оно где-то рядом её счастье, может быть за той березкой?! Спешит к берёзке Осень, машет руками, боясь не успеть, рассыпает искры золотые на листву берёзовую. По пути кивнёт головой рябинке и зардеется рябинка рубинами ягод. Лишь надменные сосны свысока наблюдают за этой напрасной суетой. Их нисколько не трогают и не задевают волнения Осени. С высоты своего роста видно им, что никто не ждёт даму-Осень ни у берёзки, ни у осинки. Загрустит Осень, заплачет. Хрустальные слезинки-капли побегут по её ещё тронутым загаром щекам. Проплачет она всю ночь, а мороз-сердцеед уже тут как тут. Шепчет холодными губами ей слова-забвения, вымораживает сердце, оплетает душу сетью-инеем. Слабеет Осень, готова уж забыться вечным сном в сетях его морозных, но из последних сил вырывается из ледяного плена. Бежит Осень туда, где ещё вчера гуляла, рассыпая золотистые листья, где ещё живет надежда!

Светает. Просыпается туман-старик. Тихо-тихо опускается на землю, окутывая всё своим молочным покрывалом. Заботливо накидывает невесомую шаль на нежные плечи продрогшей Осени.

Приобняв её за плечи, он, молча, ведёт её по дорожкам. Хорошо и спокойно Осени рядом с ним, но слабеет старик, тяжело ему совершать длительные прогулки, редеет.

Растаял туман, но прежде, чем растаять, попросил солнышко позаботиться об Осени: обогреть. Осталась Осень одна на тропинке. Подняла глаза к небу, куда улетел туман, а ей с небес солнышко ласковое посылает лучики золотые. Пробежали лучики по платью дамы, распушили серебряные пряди волос, осушили остатки слёз на щеках, заискрились в глазах её радостью. Расцвела дама-Осень, помолодела, что-то вспомнила своё сокровенное, счастливое. Засмеялась Осень весело, задорно. Её смех подхватил бродяга-ветер, разнёс по округе, словно звон хрустальных колокольчиков. Нежная мелодия осеннего вальса зазвучала вдруг во всех уголках парка. Подхватил ветерок Осень и закружил. Кружит в вальсе Осень меж берёз и осинок, рассыпая позолоту. Её серебристые локоны слегка растрепались в танце, легонько цепляясь за ветки, серебрятся на них тончайшими паутинками.

Кружит, кружит в вальсе счастливая Осень. Много ли для счастья даме надо?!

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

Ещё туман клубится предрассветный,
Скрывая очертания домов,
А солнца луч, пронзая высь приветно,
Искрится золотом меж облаков.

Играет лучик солнечный, резвится,
Ласкает кудри нежные берёз,
Но дремлет лес, в саду умолкли птицы,
Печаль царит в безмолвном мире грёз.

Осенний воздух напоён прохладой,
Хрустальным звоном вестников зимы.
Наполнен грустью танец листопада –
Блюз накануне снежной кутерьмы.

Александра МАЗКОВА

ВОЛШЕБНЫЕ СНЕЖИНКИ

сказка

В одном городе власть захватила злая волшебница Грязь. Она витийствовала повсюду, превращая снег на тротуарах и дорогах в грязную смесь. По городу ездили грязные машины, у которых Грязь замазывала фары и номера. Поэтому часто случались дорожно-транспортные происшествия. Когда горожане стояли у переходов, ожидая зелёный свет, Грязь из-под колес проезжающих машин обрызгивала их с ног до головы. Обувь у людей была постоянно сырая и грязная и «просила каши». От этого горожане пребывали в унынии, часто болели, чихали, кашляли и заражали других. Потом заболевал весь город. Закрывались детские сады и школы, а дети лечились в больницах и дома.

Однажды Софийка стояла у окна и безрадостно смотрела на грязный двор и чёрные деревья. У нее болело горлышко. Ей было очень грустно болеть дома. Тем более, что ей уже вот-вот исполнится четыре года, и её ненадолго оставляли дома одну, когда мама уходила в магазин или в аптеку. Когда вечером мама укладывала её спать, Софийка спросила:

– Мама, а кто может отмыть грязный город? Мама подумала и ответила: – Это надо спросить у папы.

Утром на следующий день, в выходной, мама подала на завтрак ароматную вкусную пиццу. Все с аппетитом её ели и нахваливали. Папе всегда нравилось, как готовит мама. После еды он каждый раз говорил:

– Спасибо! Все было очень вкусно. Даже когда однажды котлеты у мамы сильно поджарились с одной стороны, папа аккуратно отделил черные корочки и весело сказал:

– Кажется, я сегодня угощу Шарика на славу. Шарик – это ничейный песик-дворняжка. Всем было его жалко, но для жизни в городской квартире он не годился. Одинокий жилец дед Василий из соседней квартиры пытался его поселить у себя, сделал ему прививки, но Шарик днём и ночью скрёбся в дверь и отчаянно лаял. Песик играл с детьми в мяч, бегал за ними, когда они играли в догонялки и гонялся за голубями, когда они подлетали, чтоб ухватить крошки. После завтрака Софийка спросила у папы:

– Папа, ты знаешь, кто может отмыть наш грязный город? Папа глянул на маму и сказал:

– Надо посмотреть в интернете. Пока он искал ответ в интернете, мама и Софийка дружно вымыли посуду. Затем они подошли к папе:

–Ну, как? – спросила мама. Папа ответил:

–Да, это дело непростое. Но есть такая сила, которая может победить злую волшебницу Грязь. Это добрая Фея. Когда люди украсят новогодние ёлки волшебными снежинками, то Фея за три дня победит Грязь. Мама весело подмигнула папе:

– В самом деле, такой благоприятный прогноз?

–Да! – широко улыбнулся папа, посадил Софийку на колени и поцеловал её косички. От этого радостного известия Софийка стала выздоравливать. И уже через два дня она пошла в детсад. Мама каждый день приносила домой то красивые шарики, то мишуру и ёлочный серебристый дождь, то хлопушки. Софийка спросила: – А где волшебные снежинки?

– Они у нас есть. Надо поискать их и хорошо промыть. Наконец, папа принес настоящую душистую ёлочку и сказал:

– Ну, вот, Софийка, в выходной будем устанавливать и наряжать. Скоро Новый год.

– А когда мы будем украшать ёлку волшебными снежинками?

– Вечером, перед праздником. А потом будем посматривать в окно и ждать, когда Фея покажет нам свое доброе волшебство.

И вот настал последний день перед Новым годом. Утром мама подала Софийке на завтрак творожники со сметаной и клюквенный кисель. А к вечеру стала печь курицу и делать салат оливье. Папа принес Софийке подарок от деда Мороза. В красивой коробке было много разных шоколадных конфет, мандарины и яблоки. Потом все дружно развешивали на ёлочке белые чистые снежинки. После вкусного ужина мама уложила Софийку спать. Конечно же, ей снились дед Мороз со Снегурочкой и добрая Фея. Они доставали из больших разукрашенных мешков чистые белые снежинки и разбрасывали их повсюду.

Утром Софийка встала раньше родителей. Она выглянула в окно и вскрикнула от удивления. На улице вся земля покрылась снегом, всё кругом было белым-бело: и крыша детсада, и деревья, и качели с лавочками во дворе. А за окном всё летели и летели большие пушистые снежинки.

Когда мама и папа проснулись, они тоже обрадовались белому городу за окном. Мама удивилась:

– Когда же это Фея всё успела?

– Мама! Так ей же дед Мороз со Снегурочкой помогали.

– Умница ты у нас, дочь, – тихо сказал папа.

Они вышли на улицу. Там было полно детворы и взрослых. Кто-то лепил снеговиков, кто-то играл в снежки, а кто-то пробовал кататься на санках и даже на лыжах. А Шарик гонялся за всеми с весёлым лаем.

Все радовались долгожданной снежной зиме.

О ЛЮДИ!
ЖАЛКИЙ РОД,
ДОСТОЙНЫЙ СЛЁЗ И
СМЕХА!

ГОСТЬ РУБРИКИ

Василий НАДИРАШВИЛИ/АЛБЕ – поэт, сатирик, переводчик.

Родился в 1962 году, в городе Сигнахи восточной Грузии. Псевдоним Албе – производное от слова Алалбеда, что на грузинском языке означает «действующий на грани риска».

Неординарное мышление Василия, которым отличался ещё в детстве, находит отражение в его глубоких по смыслу и содержанию афоризмах. Является автором трёх книг.

Стихи и афоризмы выходят из под его искромётного пера на грузинском и русском языках, а литературно-художественные переводы земляков-поэтов с грузинского на русский.

Состоит в творческом союзе писателей Грузии, а также руководит Грузинским отделением Союза писателей Северной Америки.

ПАРАДОКСЫ И МАКСИМЫ

* * *

Узрите в женском шарме нерукотворность, рукоплещите восторженно спектаклю неотразимой притворщицы, ведь здесь роль, сценарий и режиссура взяты из неприкосновенных запасов умопомрачения.

* * *

Смотря на всю вакханалию земной цивилизации, невольно напрашивается следующий вывод: если бы не творчество, человека не следовало бы выдумывать.

* * *

Вознаграждение за преданность собаки и человека – по одной миске похлёбки.

* * *

Природа создала овцу, чтобы её стригли всю, без остатка: оставьте ей шерстинку, и у неё появятся амбиции восполнить потерю за счёт сородичей. Она уже будет не совсем овцой, а чем-то другим, в коем будут приглушаться миролюбивые наклонности... А так к привыкшему обнажению нечего и неоткуда будет прибавлять. Так что баланс сил в нашем мире, справедлив он или нет, рассчитан до той же шерстинки.

* * *

Когда я размышляю о мироздании, у меня рождается вопрос: а думает ли оно обо мне? И тут же промелькнёт такая мысль: когда я размышляю, размышляет и мироздание. Хотя было бы лучше сформулировать так: во мне размышляет мироздание, а я сомыслитель.

* * *

Женщине все возрасты одинаково к лицу.
Она дарует нам любовь и свободу,
А также необычное поразительное
Ощущение сотворца...

* * *

Мы похожи на предметы, явления...
У нас с ними похожие конструкция и свойства. Поэтому и познаем лучше и себя, и Вселенную...
Ведь говорили в прежние времена, мол, всё познается в сравнении.

* * *

Чем меньше человек, тем большего размера обувь ему хочется носить.

* * *

Мы с этой жизнью как две параллельные линии – никак не найдём точек соприкосновения.
Единственной надеждой остается искривление пространства.

* * *

Когда перестанешь слышать тиканье часов, это значит, что пришло и твоё время.

* * *

В процессе сочинения стиха поэт легчает в весе, после его обнародования же тяжелеет.

* * *

Когда вас не замечают, постарайтесь стать более незаметным. Будьте уверены, ваши усилия не останутся незамеченными.

* * *

Пусть не успокоит тебя бессилие врага, - его приятель на взводе.

* * *

Ищи причину поражения там, где тебя хвалят, а где тебя унижают, там и укрепляй свою мощь.

* * *

Плюющий в свиную похлёбку - хуже свиньи.

* * *

Тот, кто в собачьем лае слышит симфонию, сделал шаг к познанию Вселенной.

* * *

Человечество делится на две части: на хеппи энд и на секонд-хэнд.

* * *

В журчании родника больше правды, чем во всём земном судебном производстве.

* * *

Обвяжите запястья веревкой, и вы явственно ощутите разницу между рабством и свободой, между жизнью и существованием.

* * *

Человек для Вселенной примерно такой же аксессуар, каким являются для женщины серьги, которые, перестав отвечать её вкусу, отправляются в ларец. Так же и Вселенная – она избавляется от переставшего соответствовать времени и пространству человечества и, удалив его с живого организма, отводит ему место «в космическом ларце» в качестве материала до возникновения последующей цивилизации.

* * *

Часто то, что объединяет, становится яблоком раздора.

* * *

Дайте мне бешеные деньги, и я разворую... весь мир.

* * *

Мне нужна абсолютная свобода, чтобы большой ложью узаконить ничтожество правды.

* * *

Женщина, которую вы носите на ладони, зажмёт вас в кулаке.

* * *

Я на проблемы вокруг смотрю с высоты... спустя сто лет...
Чувство отчуждённости от предметности обессиливает во мне зло, паразитирующее на баррикадной повседневности.

* * *

У всех женщин одно написано на лице: убей мой возраст!

* * *

В изяществе плебеев расцветает дефицит государства.

* * *

Любовь – это единение двух сформированных черепов.

* * *

Если желаете увековечить своё имя, оставьте отпечаток собственного лба на рубеже... самопознания!

* * *

Жизнь – это боль, постоянно злоупотребляющая нашими ощущениями.

* * *

Закалённая душа и огонь расплавит.

* * *

Сколько не обнажай, а она всё нерукотворными почестями щеголяет – вот женский класс, созидающий мужское воображение.

* * *

После того, как природа разделила нас, она же на представителя сильного пола наложила отпечаток судьбоносности по отношению к женщине...
Отмахиваясь от этой почётной миссии, мужчина уподобляется странному существу, приютившему в себе зловонный порядок.

* * *

Женщина, кроме прочего, ещё и одинокая слезинка, распятая росой на плечах мужчины в минуты нашего самодержавия.

* * *

Если государство заинтересуется состоянием ваших зубов, вы, конечно же, примите это обстоятельство, разинув рот от удивления, чем облегчите ему задачу расчёта вашего волчьего нарратива.

* * *

Когда мне не по себе, стараюсь не замечать. Ведь поршень не размышляет, как будет преодолевать противодействие в цилиндре. Всё улаживается само собой... Так что, изучайте сопротивление материалов, чтобы на душе полегчало.

* * *

Искусство жить и искусство умирать – вот шедевр, который ты можешь оставить потомкам в назидание.

* * *

Всякая суета есть амнезия сути.

* * *

Проницателен архитектор мироздания – одарив нас глазами, которыми воспринимаем действительность в искажённом виде, надёжно отгородил первородство Вселенной от наших амбиций.

* * *

Выйдя из себя, мы видим тот мир, который нас сотворил.

* * *

Величие мудрости, кроме прочего, это и дар вызывать замешательство у времени.

* * *

Поэзия, как и революция, превозносит идею, давит пресмыкающихся и взывает к новизне.

* * *

Влюблённый в грехи грехами и увековечен.

* * *

Украденная идея, если её не так и не тем вскормить, ускользает к хозяину, обогащённая опытом неиспользованной возможности.

* * *

Я и вечность взаимно обусловлены – она, как моя непрерывность, я, как её привал.
Потому меня невозможно уничтожить – для вражеской ядовитой артиллерии я бесконечно временно недоступен!

* * *

Говори... говори с листвой...
Она услышит не только звон твоих слов, но и шуршание недосказанного, которое в соприкосновении с тебе подобными опрокидывается в пустоты...

* * *

Как мне кажется, в последнее время голуби мира какают в трубки мира... Может, потому от нашей планеты так дурно несёт.

* * *

Стань сильнее себя самого...
Каждый день ломай хребет злу в самом себе.
Ведь у него одно странное свойство – прежде всего оно противостоит мощи, о которой ты мечтаешь постоянно, ибо ему, как и бешеной собаке, безразлично, кого растерзать.
Стань сильнее себя самого и убей в себе страшное чудище с пеной у рта.

* * *

Просящий вашу душу вернёт её с вырванным сердцем.

* * *

Меня защищает закон, оберегающий пир во время чумы.

* * *

Даже тени ищут места... под солнцем.

* * *

Вашу обузу кроме вас никто не сможет примерить, так как она имеет форму ваших же плеч.

* * *

Посмотрев внутрь себя глазами недруга, обнаруживаешь уйму достоинств – в нём.

* * *

Человечеству нужны новые видения своих проблем. Одно из них можно было бы сформулировать так: звёздное небо, смотря под собой, предаётся изумлению.

* * *

В бегущей кошке больше спокойствия, чем в дремлющем человеке.

* * *

Философский склад ума содержит в себе одно очень большое благо - лёгкость общения... с разобщённостью.

* * *

Величие идеалов в их неприземлистости. Требовать от них скороспелой материализации так же нелепо, как и от взлетающих к солнцу лебедей – посадки на нём... Но, тем не менее, они взлетают!

* * *

Дорога тяжёлой судьбины к тощей шее лежит через жирную задницу.

* * *

Надругавшись над идеалами, человек превращается в прораба своего ада.

* * *

Служи идеалам, и мир тебе будет вилять хвостом.

Тамара ЗУЕВА

НА МОРЕ

Улыбаются глаза,
Жизнь люблю и с ней не спорю.
Это счастья полоса,
Замирают голоса,
Шепчет море.

Успокоит синева
Лёгким бризом на просторе,
Льются ласково слова.
Манят пены кружева,
Плещет море.

Как волнует глубина,
Места нет в судьбе для горя.
Нежит тёплая волна,
Ночь тебе и мне без сна
Дарит море.

МОЯ ТРУСИХА - БАБУШКА

Мы с бабушкой любимою
приехали в Анапу,
Прошу бабулю милую

Надеть от солнца шляпу!
Беру за руку бабушку,
Веду её на море,
Смотри, кричу, там камушки,
Ой, луковое горе!

Боится страшно бабушка
Крутой волны солёной,
Не дрейфь, смеюсь я, лапушка,
С тобою я с пелёнок!

Так день за днём мы плаваем
И любим в брызгах волны,
На мне жилет спасательный,
И бабушка спокойно

Плывёт без страха рядышком
В очках и белой шляпе,
Моя трусиха - бабушка
Со мной опять в Анапе!!!

ВОТ ТЕБЕ И НОВЫЙ ГОД!

(лимерик)

Дождь в Анапе идёт в Новый год
Знай бубнит, как разбитый фагот,
Плачет с дождиком ель,
Под зонтом - канитель,
И по лужицам шлёпает год...

НА ОПУШКЕ

(лимерик)

На опушке не спится зиме
Не лежится старушке во тьме:
Всё ругает артрит
И морозы корит...
А ещё и гулянки в уме!

ЛЮДИ СПЯТ НА СНЕГУ

(лимерик)

Говорят, что в метельной Югре
Люди спят на снегу во дворе,
А хозяин тайги,
Где не видно ни зги,
Спит в квартире на тёплом ковре...

ЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ!

Александр ГОЛОЗУБОВ

Я ПЕСНЬ ТЕБЕ,
РОДИНА,
СЕРДЦЕМ ПОЮ

На Севере хмуром, в Тюменском краю,
Где кедры в снегах заповедные спят,
Я песнь свою Родине милой пою!
И строки мои к ней с любовью летят.

Здесь город подняли, где старый увал
На сваях бетонных в сибирской тайге.
Его Нижневартовском кто-то назвал.
Над Обью огнями сверкает в пурге

Прожил я с семьёй здесь почти сорок лет,
Топтал сапогами болотную гать,
Кормил комаров в предосенний рассвет,
Когда комсомольцев работала рать.

Седой Самотлор на площадки разбит,
Повсюду блистает озёрная гладь,
Дорога, как жизнь, виражами бежит
Туда, где нашли драгоценную кладь

И нефть зашумела по трубам рекой –
В Сибири богатства годами не счесть!
Полвека мужали мы вместе с тобой,
На вахте стоять почитали за честь.

СЫН ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛИ

Алым парусом вечер
провожает зарю.
На Сибирь дорогую с болью сердца смотрю.
Там как птицы промчались
годы жизни моей,
Среди творческих братьев,
среди верных друзей!

Там течёт величаво
по равнине река
Кедры острые шпилем достают облака.
Чудный град Нижневартовск –
сын Югорской земли,
Его именем славным на века нарекли.

В его бездне болотной
нефть большую нашли.
Буровые бригады в край таёжный пришли.
Злой мороз, бездорожье
не сломили их рук,
Сквозь снега пробивались под безумием вьюг.

Самотлор – легендарный
появился на свет,
Он в истории мира свой оставил нам след…
Золотятся проспекты на янтарной заре,
– Город мой Нижневартовск!
Самый лучший в Югре!

Нина ЛЕКСИНА

НИЖНЕВАРТОВСК – ГОРОД СЛАВЫ

Гимн

90-летию ЮГРЫ посвящается

Мой город – факел Западной Сибири
И юности далекой – позывной.
Добытчик нефти – всем известный в мире –
Прославленный Великою страной.
Ты – сын Югры, свободной и богатой,
Ты – богатырь на берегу Оби.
Сплотил народы воедино, свято –
Источник жизни, мира и любви.
Припев:
Нижневартовск – город славы,
Город славы и труда.
Ты - оплот родной державы,
Стал легендой навсегда!

Богат людьми – и в этом нет загадки,
А в них и честь, и ум родной страны.
Ты вартовчанам предан без остатка,
И потому тебе они верны.
Люблю тебя - звезда моей надежды,
Удача – компас тех, кто смел душой,
Кто не страшился зим, морозных, снежных,
Кому и в зной, и в стужу хорошо.
Припев:

Таежный град, где кедры крепче стали,
Первопроходцев мужество – гранит.
В одном строю – сыны с отцами встали –
В их честь *сей* гимн заслуженно гремит.
Припев:

Светлана ТИТОВА/СВЕТЛАЯ

ПЕСНЯ ВЕЛИКОЙ ЮГРЫ НЕФТЯНОЙ

Геологов карты кровью залиты.
В воде вездеходы, полны сапоги.
Я в тебя верю, Север великий,
Сердцем, как друга, прошу помоги!
Припев:
О Север Крайний! Мощью великой
Природные недра нам приоткрыл!
Чудной Югрою, ласковым ветром
Вселенной просторы ты покорил!

Палатки раскинув, ветер качает
Столетние сосны, туман постелив,
Природа наивно тайны сообщает,
Звёзды сверкая, летят до земли.
Припев:

В топях болотных ставили вышки
Скважины - горлом в черную нефть,
«Выйди!», - просили. Били фонтаны!
Нам покорялась таёжная твердь.
Припев:

Гордая поступь дана Самотлору –
Брату родному древней Югры:
Здесь поднималось юное племя.
Здесь появились на свет я и ты.
Припев:

ВЕКОВАЯ ПАМЯТЬ ЮГРЫ

У Югории глаза синие,
Величава стать у Югры.
В полушалке из белого инея?
Из сияюще-зрелой поры.

На страницах Югорской истории
Динозавров и мамонтов тень,
Из загадочной фантасмагории
Современный родился день.

Здесь вулканов брошены камни
К подножию вздыбленных скал
Белоснежным Севером крайним
Украшает Сибирь – Урал.

Одарила Югру мать – природа
Кедром, лиственницею, сосной,
Дикоросами, дичью и медом
И сокровищницей нефтяной.

Населила таёжным народом,
Напоила кристальной водой,
Дала честность душе народной,
Нашей памяти вековой.

У Югории глаза синие,
Величава стать у Югры…

Тамара ЗУЕВА

ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Звонкая Весна Капельевна
С ясным взором и теплинкою,
Оттепель пришла Весельевна
С лёгкой облачной косынкою!
Вместе с ней Любовь Заветьевна
Правит душами влюблёнными,
Нежная краса Рассветьевна
Чувства дарит обновлённые.
Припев:
Капли, капли, капли звонкие,
Птичьи трели, трели громкие,
Кап, кап, кап, кап, капли, капельки,
Ноты пляшут на завалинке!

Капли с крыши перезвонами
Всем - то дарят настроение,
Лад за ладом переборами
Радостные и весенние!
И стучит Любовь Заманная
В окна веточкой сиреневой,
Я пойду за ней обманною,
Сумасбродной и апрелевой!
Припев:
Капли, капли, капли звонкие,
Птичьи трели, трели громкие,
Кап, кап, кап, кап, капли, капельки,
Ноты пляшут на завалинке!

Оттепель поёт Весельевна,
Вспыхнув ранними цветочками.
Звонкая Весна Капельевна
Пахнет клейкими листочками!
Где же ты Любовь Тюльпановна,

С лёгкой поступью желанною,
Сумасбродная Обмановна,
Вешняя и окаянная!
Припев:
Капли, капли, капли звонкие,
Птичьи трели, трели громкие,
Кап, кап, кап, кап, капли, капельки,
Ноты пляшут на завалинке!

МЕЖДУ НАМИ ПЕСНЯ

Между нами километры,
Пробирают холода,
А ещё шальные ветры
Налетают иногда.
А ещё шальные ветры
Налетают иногда.
Между нами километры,
Пробирают холода...

Все засыпаны дороги,
И тропинки даже нет,
Я не встречу на пороге
И не выйду в интернет.
Скинув сети паутины,
Вырываюсь, не дыша.
Поднимаясь из рутины,
Мчится ввысь моя душа.

Улетит туда, где птицы
Райским голосом поют,
Где свобода без границы,
В мир, где любят и где ждут.
Где свобода без границы,
В мир, где любят и где ждут.
Улечу туда, где птицы
Райским голосом поют...

Галина ЛОСКУТОВА

О САМОТЛОРЕ

Иные рвутся в дальние края,
На Юг, к морям, где сервис и простор,
А мне родней таёжная земля:
Сибирь, Югория и Самотлор!

Мы выросли с тобою, Самотлор!
Прожили кризисы и возраста, и роста
И знаем, как похожи нефть и кровь
В суровом крае жить совсем не просто.

А подпевала нам сибирская метель,
Мы с нею и влюблялись, и учились,
Нам Родина качала колыбель
И лучшие мечты – осуществила....

К тебе никак нельзя не возвращаться,
Чтоб взлетная бежала полоса:
Озёрам синеглазым улыбаться,
Кедровые приветствовать леса.

Всё небо над Алёшей – синий свод,
Купель для Самотлорских облаков,
Что отражает в зеркале болот –
Героев путь, нефтяников-отцов!

Иные рвутся в дальние края,
На Юг, к морям, где сервис и простор,
А мне родней таежная земля:
Сибирь, Югория, любимый Самотлор!

СОЛОВУШКА

Соловушка, соловушка, со мною песню спой,
Про буйную головушку, характер не простой.
Ой, подойду к рябинушке, руками обовью,
На ранней, да на зореньке песню подпою.

Соловушка, соловушка, со мною песню пой,
Про буйную головушку, характер не простой.
Про нашу жизнь счастливую – вдвоём в руке рука,
Где с песней соловьиною волну несла река.

И вспомнится мой милый, ушедший на войну.
В тиши слова унылые и мысли прогоню.
Дождусь домой любимого и встречу у дверей.
В разлуке, в расставании мне стал еще родней.

Соловушка, соловушка, со мною песню спой...

ЧЕРЁМУХА

Черемуха – подруженька весною расцвела.
И по заветной тропочке я к берегу пошла.

В надежде, что увижу я, что повстречаю вновь.
Ой, помоги черемуха, найти свою любовь.

Хочу я стать невестою, надеть наряд простой
Черемухи безгрешной: и белой, и святой.

Тоскующее сердце раскрылось, как цветок
Открыл мне счастья дверцу любимый паренек.

Судьбе я благодарна за девичий рассвет.
За тропочку заветную, черемуховый цвет.

75 ЛЕТ ПОБЕДЕ

(гимн)

Страна ждала четыре года,
Шагая сквозь огонь и дым:
Единое стремление народа
И вера: мы фашистов победим!

Переживая голод,
и разруху,
Тыл стонущий держали на руках:
Подростки,
женщины,
старухи.
И стыла кровь от звона на церквях!

Шли вереницей эшелоны,
Стояли насмерть батальоны.
И похоронок миллионы –
Вершили мирные Законы.

Солдат советский для народа
Заветную принёс Победу.
Он миру подарил свободу -
Великий подвиг наших дедов!

СУДЬБА

Повстречала тебя на дороге:
Полыхнула любовь, как судьба.
Покатилось на травку, в тревоге,
Сердце гордое, вдаль от меня.

Поднял сердце милый, играя,
Надорвалась в гитаре струна,
Злобных воронов черная стая
Захватила любовь, унесла.
За любовью бежала по следу,

Но настигнуть её не смогла…
Ночью тёмной, мой милый, уеду.
Нет покоя давно мне и сна.
А была ли любовь, что покинула?
Или только залётная мгла?
Прогремела, аукнулась, сгинула,
Не осталась у нас, не смогла…

Татьяна ТРУШИК

РУССКИЕ БЕРЁЗЫ

Родные русские берёзы
Нежны, красивы и стройны.
По ветру чудно вьются косы.
Словно невесты – ждут весны.

Застенчивы они, свободные.
В одеждах лёгких, кружевных –
Изгибом стана белоствольного
Восторженно любуется жених.

Росой хрустальной, чистотою,
Притянут добрый взгляд,
Исконно-русской простотою
Любое сердце покорят.

Прекрасны русские красавицы,
Убором, станом хороши!
России дочки – миру нравятся,
Как символ праведной души!

Здравствуй,
племя младое,
незнакомое

Татьяна ТРУШИК

ЗВЕНЯЩИЙ КЕДР

Земля Сибири! Славься кедром!
Монарх средь леса своего!
Богатством дышит добрым,
щедрым
Древесная душа его.

Звенящий мудрой мыслью кедр.
Владыка северной тайги!
Вобрал энергию из недр
Самой вселенной и земли!

Антенной мощной дух качает.
Премудрость миру отдаёт.
Он грозной силой обладает.
Он Тайны Севера поёт!

Он дарит силы к исцелению.
Сибирский кедр обними.
Почувствуй горечи забвенье
И душу верой озари!

Звенящий кедр надёжно спрятан
В тиши болотистой тайги.
Коль хочешь стать душой богатым,
Ты с кедром дружбу сохрани.

Земля Сибири! Славься кедром!
Владыкой леса твоего!

ЗЕМЛЯ ЮГРЫ

Земля моя сибирская силой обладает.
Природа у Югры сравнения не знает.
Суровой красотой наделена тайга,
Искрятся синевою речные берега.

Цветут во мху целебном болота вдоль тайги.
Здесь каждый кустик дышит щедростью
земли.
Мороз зимою длинною закалку преподаст,
Узнают зверь и птица зимы таёжной класс!..

Но лето солнцу яркому обрадуется пусть
И щедрыми дарами развеет осень грусть.
Несметные богатства край людям отдает.
Народ - душой богатый в родной Югре живет.

Вот звонница святая взывает к небесам,
Силой наполняет людские голоса:
Сибирским поколениям богатства сохранить!
Великой и цветущей земле Югорской быть!

РОССИЯ (печатается в сокращении)

Россия - Родина и мать!
Величьем сердца велика!
«Умом Россию не понять»,
Не разглядеть издалека.
Завидна русская краса!
Никто с такою не сравнится:
До пят пшеничная коса
И синь небес в глазах искрится!
От плоти - плоть, от крови - кровь,
В заботах выращены дети.
В них Родины святой любовь,
Сильней которой нет на свете!

Маргарита РЫЖОВА

КОГДА ЛЕТНЕГО ДОЖДЯ ЛЬЮТСЯ СЛЁЗЫ

Зыбью-рябью по реке побежало,
Будто серой пеленой накрывало.
Небо дымкою завесило туманной:
И полился дождик-дождь долгожданный!

Побежали ручейки по тропинке,
И заплакали листочки осинки,
И зарделись изумрудом березки:
И по белому стволу льются слезки…

Как мы ждали этой свежести лета,
Что, казалось, затерялася где-то.
И как просто в этом мире, все просто,
Когда летнего дождя льются слезы…

ОДУВАНЧИКИ

На травке после долгого затишья,
В ночь после робкого недолгого дождя
Зазолотилась одуванчиков-малышек
Семейка, майским солнышком горя.

Пушистики выглядывали скромно,
Оглядываясь чуть по сторонам,
Подмигивали людям удивлённо
И радость лета вновь дарили нам.

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Сегодня Первый день апреля -
День шуток, розыгрышей, НО!
БЕДА, ворвавшись в наши двери,
Закрыла в прежний мир окно,

И шутки делятся на части:
«О, как потешно, как смешно»,
И те, что просто, в одночасье,
Вселяют веру и добро:

Как можно дома всей семьею
Достойно время провести
И как над быта колеёю
Себя и ближних всех спасти

Ограничением желаний,
Настроем «Сделаю! Сейчас!»
Как волхв в молебне утром ранним:
«О, люди, вспомните о НАС!»

Нам предстоит экзамен строгий
На чувство меры и любви,
Который выяснит, кто твёрдо
Решил мосты убрать с пути

К тому, что вечно сокровенно,
К тому, что держит этот мир:
Любить, ценить самозабвенно,
Поправ чумы сарказма пир...

* * *

Вот и осень дождём пролилась,
Всесмывая пыль летнего пыла,
Чтобы жаркая страсть улеглась,
Чтоб земля от удушья остыла,

Чтобы листья, кружась на ветру,
Станцевали свой вальс колыбельный,
Чтобы послеянварский февраль
Нам пророчил дыханье апреля!

Чтобы бабочки легкой гурьбой
Выбирали цветы полевые,
Над которыми вместе с тобой
Мы сомкнём пропасть сказки и были...

* * *

Ветер листья с деревьев срывал,
Окончательно их раздевая...
И прохожий бежал, как на бал,
С корабля городского трамвая...

Ещё свет фонари не зажгли,
Добавляя эффекта из фильма,
Где финальные титры прошли
Под звонок на весь зал на мобильный...

Чехарда всеспешащих домой
Завершалась, как вишни в компоте:
Когда каждый глоток жизни свой,
Когда вечер и ветер в природе…

* * *

Покрывалом небесно синим
И отрядом снежинок-подружек
Укрывался восторженный иней
Паутинкою тонкой стужи...

* * *

Пургой, метелью замело,
Свернуло вихрем снежным
Все, что болело и могло
Жить жизнью безмятежной,
Перевернуло кутерьмой
Забывшихся желаний,
Чтоб воскреситься белой мглой
На юной зорьке ранней,
Чтоб пропустить через себя
Заряд земного тока,
Чтоб осознать, что жизнь не зря
От чистого истока...

* * *

Бледнеет от публичности папирус
В архивах древних за китайскою стеной
От мысли, что простой коронавирус
Вдруг станет между мною и тобой!

Корону прочь с незваного безумца!
Виват лекарству русскому в веках!
Тому, что хворь изгонит ясным чувством
Сорокоградусного зелья на устах.

ПЕРЕД ВЫХОДОМ В СВЕТ

Перед выходом в свет, перед дверью,
Перед словом, кивком или взглядом,
Дай же шанс своему недоверью
В день обычный с тобою быть рядом...

Дай же просто своей интуиции
Избежать неприятности день,
Утоли актуальность амбиции,
Хоть немного уйди в свою тень...

Ведь так часто, порой, постоянно,
Ты бежишь без оглядки вперёд,
Веря в то, что тебя непрестанно,
Только светлое, лучшее ждёт...

Не спеши, и успей продышаться,
И предчувствия прочь не гони!
Среди прочих судьбы инсталляций
Своё сердце услышь и пойми...

Оно чуткое, просто привыкло,
Что ни душу, ни разом неймёт,
Что не зря испокон говорится:
«Бережёного Бог бережёт...»

* * *

Если ты в Новый год один,
То очисть поскорей мандарин
И на дольки его разбери,
Запах праздника детства вдохни.

Каждой дольке названье присвоив,
Что созвучно с желаньями сердца,

Чтоб себя поскорей успокоить,
Чтобы в праздник любовью согреться,

Начинай поедать их нещадно,
Как не сбывшиеся мечты.
Только верь, что уже безвозвратно
Одиночество там, где не ты!

И когда через год мандарины
Будет чистить тебе тот один,
Что стал просто родным и любимым,
Одинокому дай мандарин!

ДАРИТЕ МИРУ СЛОВО

И не уместят аббревиатуры
Всю значимость сей всемогущей мантры -
Славянской письменности и её культуры,
Которая для нас, как створы чакры,

Которая дарована судьбою,
Как истины прекрасного исток,
Которою мы любим всей душою,
Которая, как воздуха глоток.

Дышите полной грудью и пишите
О том, что важно вам и нужно людям.
Пусть сотни тысяч личностных открытий
Читателей ориентиром будет!

И каждое творенье не напрасно,
И каждое изданье - восхищенье!
И жизнь со всеми распрями прекрасна!
Дарите миру слово без сомненья!

Вера МАРТЫНОВА

* * *

Озяб. Сил нет, и ноги устали
Бреду я по лесу, в кромешную тьму.
Эх, надо бы было сидеть на вокзале.
Вот где я теперь? Совсем не пойму.
Вдруг шум из кустов, и выходит угрюмый,
Седой мужичок, в кепаре набекрень
Глядит исподлобья, но взгляд дружелюбный,
Хотел испугаться, но попросту лень.

«Что, заблудился? Ищешь здесь выход?
Пошли, проведу тебя в Пустоту…
Доколе ж скитаться тут можно в потёмках,
Иди же за мной, дойдём до утру».
Мужик, ковыляя, идёт потихоньку,
Ворчит себе тихо: - «Чего отстаёшь?
Быть может, там молишься Господу Богу,
Так в наших краях ты его не найдёшь.

Давно уж заброшены нивы и сёла,
Кругом лишь погосты да степь ковыля.
Не слышал лет тридцать церковного звона,
Поля погубила давно спорынья.
Совсем захирела родная деревня,
Один магазин, да с десяток дворов.
Здесь только бабули, свой век доживают
Ещё я конечно, да Саня Петров.

Ходил вот на дальний покос за холмами,
Скотину же надо нам чем-то кормить.
Пока молоко да сметана своя хоть,
А на зиму надо, конечно, же, бить.
Чуток задремал, вот в ночи и попёрся,
Да видно судьба была встретить тебя.

А кстати, откуда же к нам ты явился?
Навряд ли в деревне осталась семья».

Ему рассказал, что турист заплутавший,
Автобус сломался в селенье другом.
А я перед сном погулять собирался,
Да вот потерялся, лишь сосны кругом.
Забрезжил рассвет, вижу я за пригорком
Скосившийся столбик с табличкой на ней
Деревня «Пустоты», ах как это горько
Гляжу словно в душу России моей.

Заплаканных окон пустые глазницы,
Глядят прямо в сердце, хоть плачь, хоть беги.
На улицах дети давно не резвятся,
Здесь словно в войну, лишь одни старики.
Мужчина продолжил рассказ свой печальный,
Про то, как живут они здесь, в Пустоте.
Махнув на одно из окошек случайных,
Тихонько сказал, повернувшись ко мне:

«Вон, бабка Авдотья, почти на том свете
Навряд ли протянет до этой весны».
«А что ж не уедете? К внукам иль детям?»
Ответил старик: «Да кому мы нужны».

* * *

Ты не ангел, только мне всё кажется,
Что над рожками чудесный нимб покажется.
А чтобы не заплакать от бессилья,
Вынуждена ты: обрезать крылья.

И, тоскуя, смотришь ты на небо,
Демонов подкармливая хлебом.
Ведь чтобы выжить в мире лицемерном,
Всем чертям ты стать должна – примером.

* * *

Привет. Ты кто?
Привет. Я – Одиночество.
Ну что ж, добро пожаловать в семью.
А мне к нему опять прижаться хочется
И прошептать как прежде «я люблю».

Увы, нельзя, метелью запорошены
Дороги, что вели тебя к нему.
Теперь лишь я,
твой гость и друг непрошеный
Теперь лишь я с тобою говорю.

РАЗГОВОР

Ты никогда мне не поставишь шах и мат.
Мы вечные соперники с тобою.
Ты свет, я – тьма, ты райский сад, я – ад,
Ты признан Богом, я же стал изгоем.

Ты в мир несёшь любовь и красоту,
Улыбки, радость, честность и внимание.
А я печаль и боль преподнесу,
Потери и вселенское отчаянье.

Ты никогда мне не поставишь шах и мат,
Как ни старайся, бесполезно это.
И в этом ты,
мой друг, не виноват,
Да и моей вины здесь тоже нет…

Сорваться в пропасть,
затаив обиду,
Или с надеждой взмыть под небеса.
Мы можем лишь смотреть на человека,
Но вот свой путь он выбирает сам!

Ксения ЖИЛИНА

О ЛЮБВИ...

Любовь. Как много это слово значит.
Но можно ли любовь понять,
сберечь?
В глазах людей - ответ неоднозначен,
Кому уже пришлось сердца обжечь.

Любовь, как вспышка,
страстный миг абстракций,
Огонь костра, волнующий вулкан!
И на подмостках вновь поэт Гораций
Лишь Мельпомене посвящает свой роман.

Как много слов нам о любви расскажут,
Но чувство светлое не просто сохранить:
То пустим вдруг корабликом бумажным,
То разорвём без сожаленья эту нить...

Чего же людям часто не хватает
В сей суете безумных,
грешных дней?
Когда ломают вдребезги, сжигают
Вновь парус у ушедших кораблей.

Былой огонь вдруг превратится в пепел –
Мне из осколков не собрать любовь.
Ты подскажи,
изменчивый мой ветер,
Где чувство светлое я повстречаю вновь.

ПОСЛЕДНИЙ ВАЛЬС

Последний вальс – не радостный, не грустный.
Последний ритм, сближенье двух сердец.
Лишь в танце оживают снова чувства
И слышен звон мелькающих колец.

Вся боль со временем уляжется, затихнет,
Залечит раны в сердце навсегда.
Но звуки вальса нашего не стихнут,
Воспоминаньями укутают года.

Я не забуду нашу с тобой встречу,
Как в синем платье шла к тебе на свет...
Ты нежно обнимал меня за плечи,
И за руки мы шли с тобой в рассвет.

Мне не забыть счастливые моменты,
Что мы с тобою вместе провели.
Ты, как цветы, дарил мне комплименты,
Которые меня к тебе влекли.

Как быстро пролетело это счастье,
И десять лет, как будто лёгкий миг,
Звездою растворились в одночасье
В плену измен, обмана и интриг.

Последний вальс... Танцуем ещё рядом,
Последний ритм, сплетенья наших рук.
Влюблённым, но уже прощальным взглядом,
Последний раз сомкнем любовный круг.

Татьяна ЛАПИНА

СУДЬБА

Весна – та, с девочкою схожа,
А лето – девушка-краса,
Осень на женщину похожа,
А жизнь, как лесополоса.

Колье из золота надела,
Пальто из охры на запах,
И ветер треплет так несмело,
Завивку в кудрях-волосах.

Про жизнь, судьбу её простую,
Расскажет ветер в тишине:
Её девчонку молодую
Сосватал парень при луне.

И свадьба пела и плясала,
Был горд отец, вздыхала мать.
Им каждый день она писала,
Как на чужбине привыкать.

Но год от года, все смирились,
Её семья жила в любви.
Сынишка с дочкой народились,
Обуза, бремя увлекли.

Года, как листья пролетели,
Искрился иней в волосах,
У женщины глаза блестели,
Был шёпот счастья на губах.

УХОДИ

Небо застелило словно простынь,
Облаков перину синевой.
А внизу рассыпалась осень:
Травами, грибами и листвой.

И земля остыла словно сердце,
Ветер кружит листья по двору.
Я закрыла душу, будто дверцу,
Не проснёмся вместе поутру.

Нас с тобой соединило лето,
На душе цвели тогда сады,
Оступились мы с тобою где-то,
Канули надежды и мечты.

Я хотела быть твоей частицей,
Сладкой негой сердце растопить,
И рвалась душа из клетки птицей,
За тобою по земле кружить.

Из моих ладоней ты напился,
И заштопал раны на груди,
Лишь рассвет забрезжил – удалился,
Звать тебя не стану, уходи

Небо затянуло цвета тмина,
Облака окутав чернотой,
Я одна зимой согреюсь у камина,
А любовь?
Она придёт.
Весной.

Галина ЛОСКУТОВА

О СЧАСТЬЕ

Тепло на сердце и уютно.
Улыбкой счастья тронул луч.
Туман рассеялся бесследно
И нет в душе печальных туч.

Вдруг счастье в двери постучалось:
- Привет!
Не уходи!
Постой!
Но... засмеялось и умчалось,
Все горести, забрав с собой.

Оставив мне воспоминанья,
На память о восторге чувств
О детстве,
юности и маме...
Зову - назад вернётся пусть!

Продлить прошу это мгновение:
Уюта, нежности, тепла.
Чтобы осталось наслажденье-
Прикосновения крыла.

Повечеряем под звездою,
Укрывшись мягким покрывалом,
Поговорим с тобой, одною?
Как в юности бывало,
мама...

МАМОЧКА

Тёплые мамины руки. Помним их нежность сейчас.
В колени, уткнувшись докуки, мы целовали не раз.
Мамочка, мама родная! Твой облик хранят небеса.
Щедрость души золотая в сердце творит чудеса.
Помню, как мы веселились и песни лились чередой.
Лица любовью светились... Беда полыхнула грозой.
Целуем во снах твои руки, милуя, прильнём головой,
Минули годы разлуки, но образ твой вечно живой.

О ЛЮБВИ

Любовь – это песня двоих в унисон,
Любовь – это радость, сладкий мой сон.
Любовь – дар небесный, что прислан с тобой,
Любовь – сама жизнь с уникальной судьбой.

Любовь – это мощный прилив волны,
Любовь – это лёгкий ветер весны,
Любовь – это гром и раскаты грозы,
Любовь – это нежности полные сны.

Любовь – это очень хрупкий цветок,
Или же – в дверь долгожданный звонок.
Любовь может вихрем кружиться,
Иль снегом на землю ложиться...

Любовь – безмятежность в погожий день.
Любовь – от двоих неразлучная тень.
Любовь – это сказка, быль и мечты.
Любовь моя – это конечно же ТЫ!

Конечно же ты, а с тобою и я!
Любовь – это наша большая семья!

Максим ЛАПИН

НЕВЫСКАЗАННАЯ ЛЮБОВЬ

Россия создана для творческих людей,
Поэмы, оды посвящали регулярно.
И я бы стИхом дал бы так по ней,
Но это будет как-то фамильярно.
Излить я душу, кажется готов,
Ведь патриотом был всегда России.
Конечно, знаю, мой позыв совсем не нов,
И нет во мне нисколько от Мессии.

Воспеть просторы, реки и моря,
Равнины, степи, горы и озёра.
Но Пушкины родИлись до меня,
И здесь мне стоит свой умерить норов.
Россия создана для творческих людей,
Поэмы, Оды посвящали регулярно.
Сказал коряво я, друзья о ней,
Но точно ни секунды фамильярно.

РУССКИЙ ДУХ

Не говори мне плохо о России,
Не трогай, друг, ты родину мою.
Пойми, она ни в чём не виновата,
И песнь свою я ей всегда спою.
Её топтали, тут же поднимали,
Опять в руины превращалась вся.
Да этика и нравственность упали,
Но Русский Дух всегда останется.

Иван ТУРОВИНИН

«К НЕМУ НЕ ЗАРАСТЁТ НАРОДНАЯ ТРОПА….»

рассказ

Иван Дмитриевич проснулся в холодном поту, вновь и вновь ему вспоминались образы, события – всё, что было связано с неудачной попыткой восстания: суд, бесконечные допросы. Всякий раз он думал о том, как из него пытались выбить важную информацию о «Союзе благоденствия».

– Как давно я не видел жену и ребенка…

Он встал с кровати, прошёл к умывальнику. Начал собираться на утреннюю прогулку по местным лесам, так как за время пребывания в ссылке уже успел написать учебник географии и начал интересоваться ботаникой.

Так преображает война…. После заграничного похода, мировоззрение Ивана Дмитриевича абсолютно поменялось: раньше он был готов сложить голову за царя и Отечество, а сейчас?..

Лето. Ах, сколько прекрасных возможностей дарит это время года. Кругом поют птицы, цветут цветы. Прекрасная погода. Даже здесь. В сибирском провинциальном городке.

Выйдя из дома, он вдруг осознал, что Ялуторовск вовсе не какое-то испытание, а возможность разбить прекрасный цветник культурной жизни. Эта мысль довольно долго не покидала его светлую голову.

Прогуливаясь по местным лесам, которые стали для него уже родными, Иван Дмитриевич посмотрел на уток, плавающих в реке Тобол, собрал некоторые растения для своих гербариев. А, собственно, чем ещё заниматься ссыльному врагу государства? Возвращаясь с прогулки, он не оставлял мысли о сыне и о цветах культуры, которые необходимо посадить именно здесь, в Ялуторовске.

Скромно пообедав, Иван Дмитриевич отправился на вечерние посиделки в доме Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. Там они с другими ссыльными развлекались: играли в карточные игры, обсуждали современную литературу, играли на рояле.

– Здравствуйте, Иван Дмитриевич! – пламенно поприветствовали его ссыльные, которые уже собрались за чайным столиком.

– Здравствуйте, дорогие друзья! Здесь, среди друзей-единомышленников рождались обсуждения культурного развития Ялуторовска и всей Сибири.
– Нет, ни в коем случае, это нужно делать постепенно, – возражал декабрист пожилого возраста, Евгений Петрович Оболенский.
– А я говорю, нужно так! – спорил с ним Андрей Васильевич Ентальцев. Речь зашла об образовании простых горожан.
– Я очень хочу привить культуру образования в Сибирской стороне, – Иван Дмитриевич проявил инициативу, решив курировать проекты сибирских школ, ведь у самого был ребёнок, он хорошо понимал необходимость и серьёзность этой работы. Именно эта беседа дала развитие сибирскому образованию.
– Иван Дмитриевич, посетите Сретенский собор, найдите протоиерея Степана Яковлевича Знаменского, с самого первого дня нашей ссылки он, несмотря на всю плачевность нашего положения, помогал нам, чем мог, – предложил хозяин дома Сергей Иванович.

После долго чаепития, попрощавшись со своими товарищами по несчастью, Иван Дмитриевич отправился домой, необходимо было отдохнуть перед серьёзным разговором с протоиереем.

Рано утром, как и советовали ему на собрании, он пошёл в Сретенский собор. Подходя к нему, он еще раз убедился, что человек способен на многое, если поставить перед собой цель. Как и положено, перекрестившись три раза на входе в собор, Иван Дмитриевич зашёл в помещение храма. «Такая красота, и в Сибири…» – подумал он. – «Там, где нет ни образования, ни медицины толком» – но такие слова в храме нельзя было говорить, поэтому он предпочёл молчание. Алтарь горел золотом, иконы висели аккуратно, рядами. Атмосфера богатства и доброты долго не покидала душу.

Степан Яковлевич был очень добрым человеком, всегда старался помочь ближнему. Он встретил Иван Дмитриевича с добродушной улыбкой.
– Доброго дня, Иван Дмитриевич! Мне рассказывали о том, что Вы очень инициативный человек. Давайте поговорим о школе подробнее.
– Мое почтение, Степан Яковлевич, приятно удивлён, что Вы интересуетесь мнением ссыльных. Конечно, я всегда готов к беседе.

Они долго обсуждали необходимость постройки школы, чтобы дети могли получить хоть какое-то образование.

Время за беседой шло очень быстро. Когда Иван Дмитриевич вышел из собора, на город уже опускались сумерки. Вернувшись домой, он свалился спать.

Проходили дни, недели, месяцы с тех пор, когда протоиерей пообещал помочь, но конкретных действий не производилось. И однажды, когда наш герой уже хотел отчаяться, в его дверь постучали, на пороге стоял запыхавшийся мальчик, лет восьми. Немного отдышавшись, мальчуган сказал: «Степан Яковлевич приглашает Вас к себе. Скорей!»

Иван Дмитриевич отправился в Сретенский собор на встречу.

– Я нашел средства в казне губернии на постройку церковно-приходской школы для мальчиков. Строительство начнем, когда придёт тепло.

В 1842 году по инициативе ссыльного декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина и протоиерея Степана Яковлевича Знаменского была построена школа для мальчиков, а в 1846 году построили церковно-приходскую школу для девочек. Так с маленького провинциального городка началась новая ступень развития Сибири.

Эпилог

Иван Дмитриевич Якушкин был одним из девяти ссыльных декабристов, отбывавших ссылку в Ялуторовске. С приходом к власти нового императора Александра II – освободителя, все в 1856 году получили амнистию, но подорванное в ссылках здоровье не позволило жить долго. В последние годы жизни все декабристы переживали политические притеснения. Им было запрещено селиться в Москве и Петербурге, власть их всё ещё опасалась. В 1854 году по опасной болезни Якушкину было разрешено посетить минеральные источники в Забайкалье. В 1857 году, старший сын Ивана Дмитриевича подал прошение шефу жандармов Москвы, где просил, чтобы его отцу разрешили жить и лечиться в Москве. Шеф жандармерии разрешил Якушкину жить не в самой Москве, а в Московской губернии. Но было слишком поздно, болезнь полностью победила Ивана Дмитриевича. Наш герой, внесший особый вклад в развитие образования на сибирской земле, умер 12 августа 1857 года, в возрасте шестидесяти трёх лет.

Иван Дмитриевич Якушкин остается в памяти жителей нашего города человеком, давшим огонёк надежды для огромного костра развития. Огонь по-прежнему горит, будто и нет этих полутора веков между нами.

ЧАЙКА

рассказ

Море. Закат. Чайка кружит над тёплым морем. Горячие струи морского воздуха обдувают клюв. Вдалеке виднеется действующий маяк. Эта птица в поисках пропитания способна на многие вещи, даже может напасть на человека, если у него есть что-то съестное. Такая история и произошла с нашей пернатой героиней.

В порт одного из южных городов нашей страны заходил один траулер, до краёв забитый рыбой. На этом корабле происходила и сортировка, и небольшая обработка рыбы. Чайка всё время сопровождала траулер до порта, в ожидании еды, но по итогу, так и ничего не поймав, решила просто ждать. Так поступает, большинство зверей, ожидавших от человека еду, просто ждут. Через полчаса траулер благополучно причалил к своему пирсу. Чайка увидела, как её собратья приближаются к ней. Теперь встал вопрос, или она даёт возможность набить брюхо другим, либо же хватает рыбёшку и улетает с ней восвояси. Она, конечно, выбрала второй вариант, хотя для многих ситуаций он бы не подошёл, а к этой – он подошёл как раз кстати. Пока моряки думали, как разгружать огромное количество рыбы, чайка подлетела к одному из них, схватила из ящика одну рыбину. Но все усилия чайки были тщетны, она взяла не очень удобно этот подарок судьбы. В итоге, она пролетела метров пять от судна и рыба начала полет в свою стихию. Чайка не могла сдаться, ведь от её удачи зависело, будет она сытая или будет бороздить небо с чувством неутолённого голода. Она развернулась и пикирующим движением схватила ещё одну довольно крупную рыбу и улетела восвояси, в укромное местечко на старой сосне.

Море. Закат. Туча птиц над траулером и сытая пернатая воровка.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Андриянова Татьяна 118, 259
Бронников Геннадий 194
Вахрушева Тамара 198
Гимпель Ирина 142
Голозубов Александр 59, 284
Горбунов Виктор 256
Губина Ольга 105, 222
Дарьина Александра 156
Жилина Кения 307
Журавский Александр 83
Журавлёва Лидия 109
Змановская Ирина 172, 263
Зуева Тамара 134, 281, 289
Каркишко Геннадий 148
Кириллов Игорь/Северский 73
Кривчиков Константин 50
Крымова Надежда 181
Култышев Михаил 79, 250
Лапин Максим 313
Лапина Татьяна 257, 309
Лексина Нина 145, 209, 286
Лоскутова Галина 291, 311
Мазкова Александра/Аля Архангельская 173, 271
Мартынова Вера 304
Меркушина Елизавета 166
Мирзаев Габибулла 214
Моор Светлана/Вета Моор 120
Огородников Виталий 56, 205

Панасенко Тамара/Агафья Сагал 186
Петрова Юлия 67
Полещук Илья 183
Рыжова Маргарита 298
Сошникова Любовь/Баженова 177, 220, 253
Титова Светлана/Светлая 87, 287
Ткаченко Людмила/Мила Романова 114
Трушик Татьяна 294, 296
Туровинин Иван 314
Угрюмова Галина 163
Флегентова Галина/Шпрингер 224
Фрик Лена/Елена Гущина 176, 266
Целых Сергей 138, 246

СОДЕРЖАНИЕ

«Экология и человек», эссе, **Н. Лексина** 3

Поэтика **Николая Шамсутдинова** 5

«Критика – наука открывать красоты и недостатки
в произведениях искусств и литературы» А.С. Пушкин 27
«Книга «Пир для интерпретаторов» в понимании пристрастного
читателя. За гранью возможного опыта», статья **С.Титова** 28
«Образ севера в музыке», статья, **Ю.Петрова** 32

«Минута – и стихи свободно потекут» 37
Гость рубрики Виктория Левина 38

«О чём, прозаик, ты хлопочешь?» 185

«Откуда ты, прекрасное дитя?» 249

«О люди! Жалкий род, достойный слёз и смеха!» 273
Гость рубрики Василий Надирашвили/Албе 274

«Лейся песня!» 283

«Здравствуй, племя младое, незнакомое»..... 295

Алфавитный указатель 318

Содержание 319

Литературно-художественный альманах

ГИПЕРБОРЕЙ

№2(3) 2020

Куратор издательского проекта:
Шамсутдинов Николай Миркамалович,
Сопредседатель Правления Союза российских писателей

Редактор-составитель:
Дмитриенко Ирина Михайловна,
E-mail: i.matveyka@mail.ru

Ответственный за выпуск:
Титова Светлана Викторовна

Литературные произведения и тексты в авторской редакции.
Сохранены особенности пунктуации и орфографии авторов.

Вёрстка и оформление обложки: Матвеева И.М.
При оформлении обложки использована репродукция картины
известного российского художника Угланова А.Б.

Подписано в печать 28.11.2020.
Формат 60x84/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. 17,48. Тираж 200. Заказ №1713

Отпечатано в АО «Тюменский дом печати»
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
Тел: (3452) 56-56-50
E-mail: dom@dom-pechati.ru

Художник Угланов Александр Борисович – художник с душой романтика

Многие художники посвящают свою творческую жизнь изображению женских образов, и лишь маленькая часть углубляется в изучение истории, и воссоздаёт образы давно прожитых времён. Литературно-художественный альманах «Гиперборей» представляет на обложке каждого номера очередную картину художника-живописца, который имеет свою неповторимость и своеобразную индивидуальность. На обложке альманаха - репродукция картины «У северного сияния», образы её соответствуют теме произведений авторов, посвященных природе и проблемам экологии, 90-летнему юбилею северных автономных округов Тюменщины: ХМАО-Югре и ЯНАО. Чарующий мир образов полотен художника наполнен волшебными красками и повествует о сказочной Гиперборее – древней Руси.

Авторский сайт художника-славяниста:
uglanov-tver.ru

«СОЮЗ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»
ТЮМЕНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

2020